

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

Том 5 (71). № 3

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019**

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
 протокол №7 от 13 сентября 2019 г.**

**Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени
 В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Яценко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 13.09.2019. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 9,6. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2019 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.111

ПОСТМОДЕРНИЗМ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ:

САТИРА И ЖЕНСКОЕ ПИСЬМО

Беспалова Е. К., Глухенькая Л. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: lesyagluhenka@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию сатиры в поэзии британского поэта-лауреата К. Э. Даффи. На сегодняшний день представление критического взгляда на постмодернистскую британскую поэзию и одну из ее основных представительниц, определяет актуальность исследования в рамках изучения современной британской поэзии. Сатира как один из элементов постмодернистской парадигмы составляет поливалентную поэтику постмодернизма и в творчестве К. Э. Даффи является ключевым для разработки концепции «женского взгляда». «Женское письмо» К. Э. Даффи рассмотрено на примере стихотворений «Красная Шапочка», «Жена Пилата» и «Миссис Мидас» из поэтического сборника «Вечная жена» (1999), в центре которого переосмысленное изображение традиционных мужского и женского архетипов. Переосмысление происходит путем децентрации текстовых значений – аллюзий на сказочные, библейские и мифологические сюжеты. Помимо аллюзий, сатирическую картину мира помогают формировать аллегорические образы, заимствованные и переработанные сюжеты и использование анахронизмов. Таким образом, «женское письмо» К. Э. Даффи нацелено на опровержение идеологии гегемонной маскулинности и идеализированной фемининности. Как следствие, «женское письмо» К. Э. Даффи можно назвать сатирическим, поскольку автор, обращаясь к древним мифам и легендам, Библейским притчам, произведениям других авторов и историческим событиями, критически их переосмысливает, раскрывая человеческую природу и действительность в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: Кэрол Энн Даффи, постмодернистская британская поэзия, женское письмо, сатира, аллюзия, аллегория, заимствование сюжета, анахронизм.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение генезиса современной англоязычной поэзии и британской постмодернистской поэзии в частности, а также общественной и эстетической роли «женской» поэзии в конце XX – начале XXI вв. охватывает ряд критических подходов, теорий и исторических перспектив (N. Alderman, C. D. Blanton, N. Roberts, K. Tuma, K. Hewitt, P. Robinson, F. Sampson, R. Sheppard, D. Wheatley, N. Williams, R. Huk, A. Hartsell-Gundy, B. McCafferty, B. McHale, L. Plat, M. Alison, D. Rees-Jones,

D. Kennedy, C. Kennedy, Z. Skoulding). Ученые стремятся сформировать адаптивные читательские стратегии путем выявления связей между различными поэтическими формами и генеалогиями в рамках образовавшейся во второй половине XX века постмодернистской парадигмы, затрагивающей вопросы реинтерпретации художественных смыслов, имманентности смеха (постмодернистская ирония и сатира), мультиформализма, родового и жанрового смешения.

Творчество К. Э. Даффи в литературной критике изучается такими исследователями, как J. Baxter, A. Michaelis, A. Rowland, S. Braud, J. Wainwright, J. Dowsen, D. Rees-Jones, I. Gregson, G. Abad, S. B. Schoonwater, B. Allen, J. Garrett, S. J. Roche-Jacques, N. R. Sankar, H. Tomida, Ö. Uzundemir, М. Я. Бородицкая, В. Н. Ганин, А. И. Кудрявицкий, И. А. Жеребкина, Г. М. Кружков, М. В. Фаликман и др.

Кэрол Энн Даффи (1955-) – родившаяся в Шотландии наиболее известная британская поэтесса и драматург нашего времени, «представительница феминистской поэзии» [1], «the figurehead of New Generation <...> Carol Ann has vindicated the faith people had in her then by becoming an indisputable popular poet alongside Heaney. The poet's poet in 1994, she is quite clearly now the People's (poet)» [13, с. 22] / «положившая начало Новому Поколению [поэтов – прим. Л. Н.] <...> Кэрол Энн оправдала оказанное ей доверие публики, став, бесспорно, самым популярным поэтом наравне с Хини [Шеймус Хини – ирландский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1995 года – прим. Л. Н.]. Став фаворитом коллег по цеху в 1994 году, теперь она совершенно точно народный фаворит» (перевод – Л. Г.).

Уже в 1999 году, после того как пост оказался возглавить Ш. Хини, Даффи прочили звание поэта-лауреата. Но поэтесса уступила Эндрю Моушену, и, как многие полагают, незаслуженно, а лишь по политическим и гендерным причинам. Тем не менее, Даффи была избрана на пост поэта-лауреата в 2009 году, став первой женщиной и первой шотландкой, кому присваивалось это звание, за всю историю титула. Конечно, взаимопроникновение литературы и политики нельзя назвать новым. Так в обязанности поэта-лауреата всегда входило отзываться на памятные события в королевской семье. Однако именно с приходом К. Э. Даффи ситуация

изменилась. Она бросила вызов традициям, отказавшись от церемониальной функции, и посвятила 10 лет лауреатства с одной стороны, как лицо с открытой гражданской позицией, критике социального строя, с другой стороны, популяризации поэзии в британском обществе. Конечно, она могла бы выбрать писать «по-королевски», вместо этого она фокусируется на политике, без обиняков комментируя разрушительное влияние идеализма [17]. По истечению срока полномочий, в мае 2019 передала титул своему приемнику Саймону Армитиджу.

Индивидуальный стиль поэтессы сформировался под влиянием католического воспитания, тесной связи с литературной группой «Ливерпульские поэты», идей постмодернизма и феминизма. С точки зрения формы, в поэзии отсутствует иерархическая структура, полностью или частично – стихотворный размер, характерны вариации на общеизвестные жанры и рифмовки (напр., аллюзия на сонет в стихотворении «Энн Хэтэуэй»), наличие разговорной и ненормативной лексики, обилие графических средств выразительности и элементов стилизации. Главные в творчестве поэтессы темы – вечные, реинтерпретированные через призму новых ценностей эпохи постмодерна. Это отличительная черта поэзии Даффи. Автор обращается к древним мифам и легендам, Библейским притчам, произведениям других авторов и историческим событиями с целью их переосмысления. Особенности процесса реинтерпретации художественных смыслов в творчестве поэтессы, постмодернистские приемы интертекстуальности (цитирование, аллюзии, переработка сюжета, заимствования), двойного кодирования, многоуровневой организации текста, «смерти автора» и ощущения мира-Хаоса были исследованы в работах [4; 3; 5; 6; 9].

Поэтесса часто ссылается на универсальные истории – метанарративы, рассматривая их с точки зрения новой иерархии ценностей: «Duffy takes these stories, but instead of focusing on human individuals, she presents a critical view of society as a whole and of the narratives themselves <...> The mythical approach provides a sense of universality to the critical message of the poems» [15, с. 21–22] / «Даффи берет эти истории, но вместо того, чтобы сосредоточиться на людях, она представляет критический взгляд на общество в целом и на само повествование <...> Мифический

подход обеспечивает ощущение универсальности для критической направленности ее поэзии» (перевод – Л. Г.).

Целью предлагаемой статьи является комплексный анализ сатиры в «женском письме» К. Э. Даффи (на примере стихотворений «Красная Шапочка», «Жена Пилата», «Миссис Мидас» из поэтического сборника «Вечная жена» (1999)). Творчество данного англоязычного автора мало представлено в современных отечественных литературоведческих исследованиях, а поэтому введение его в научный оборот является приоритетной задачей литературоведов, работающих в области зарубежной литературы.

В данной работе используются следующие методы: интертекстуальный, герменевтический и метод символической интерпретации.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Поэтический сборник «Вечная жена» увидел свет в 1999 году и моментально стал бестселлером. Книга получила похвальные отзывы от таких изданий, как The Antioch Review, Publishers Weekly, The Independent. Отмечены были как легкость и изобретательность поэтической формы, игривость взгляда на всем известные истории, так и острая, бескомпромиссная социальная сатира в духе феминизма, в полной мере отвечающая на запросы теории «женского» взгляда.

Героини сборника – женщины, которые «оказались в тени своих мужей, так как политическая и культурная жизнь общества была ориентирована в первую очередь на мужчину» [2, с. 64]. О структуре бестселлера сама поэтесса говорит так: «There are 30 women's voices in the book <...> each voice taking up some untold story of the World's Wife. <...> I've ordered the poems so that together they carry a narrative» [11, с. 5] / «В книге 30 женских голосов <...> и каждый голос принимается за нерассказанную историю «вечной» жены. <...> Я расположила стихотворения в таком порядке, чтобы вместе они представляли одно повествование» (перевод. – Л. Г.). Таким образом, поэзия К. Э. Даффи «has undergone what Bakhtin calls “novelisation” in the sense that, like the novel, it is not generically stable but self-consciously incorporates other generic elements and expectations <...> It is a hybrid form» [14, с. 7] / «подверглась тому, что

Бахтин называет романизацией, в том смысле, что поэзия не является стабильным родовым явлением в литературе, как и роман. Напротив, происходит сознательное смешение родовых связей и ожиданий <...> Это гибридная форма» (перевод. – Л. Г.). Отражение процесса гибридизации в широком смысле, подчеркивающее склонность автора к «технике сохранения» (интертекстуальность) и «технике нарушения» (игра) исследовано в предыдущих работах [7].

«Жены» К. Э. Даффи – супруги ученых, писателей, мифологических героев и библейских персонажей, от английского натуралиста Дарвина до ветхозаветного царя Ирода (сборник включает в себя такие стихотворения, как «Жена Мидаса», «Жена Тиресия», «Жена Пилата», «Жена Эзопа», «Миссис Дарвин», «Миссис Фауст», «Фрау Фрейд» и т.д.). Отсюда берет корни *сатирическая картина мира Даффи*, обличающей известных и влиятельных мужчин, супругов зачастую безымянных героинь, возмущенных патриархальной несправедливостью.

Название сборника «явно отсылает к идиоме *all the world and his wife* («Все без исключения») <...> Поэтесса наделяет своих героев чувствами и переживаниями, которые хорошо знакомы каждому: любовь, ревность, страх, зависть и т.п. Подобная архетипичность чувств должна приблизить поэтических персонажей к современному читателю» [1].

Сатирическая направленность стихотворений – унитарна, связана с темой гендерного неравноправия и насилия (физического, психологического, социального) [10].

Михаэлис и Роулинад определяют сборники «Вечная жена» и «Евангелие от женщины» как «high points of satire in Duffy's oeuvre» [16, с. 5] / «вершины сатиры в творчестве Даффи» (перевод – Л. Г.). Сатирический тон делает героев мифов и сказок менее сверхъестественным и более человеческим [15]. В драматических женских монологах мужские персонажи утрачивают маскулинную гегемонность и приобретают подчеркнуто приспособленческий характер.

Аллюзия на сказочный сюжет и аллегорические образы

Стихотворение, открывающее сборник «Вечная жена», носит название «Красная шапочка». Отсылка к сказке о Красной Шапочке (литературно обработанной Шарлем Перро и записанной братьями Гримм народной истории) позволяет автору выдвинуть феминистическую идею о недопустимости гендерного превосходства мужчин над женщинами. Автор разрабатывает сюжет в ключе психоанализа Эрика Берна и Эриха Фромма, которые трактуют сказку как ролевой сценарий с Жертвой, Насильником и Спасателем, и аллегорическое изображение половых отношений, ведущих к конфликту между мужчиной и женщиной соответственно.

У Даффи сказочный женский архетип вновь оказывается перед лицом опасности. Опасность представляет аллегорический образ Волка-соблазнителя. Приведем отрывок из стихотворения:

«He stood in a clearing, reading his verse out loud
in his wolfy drawl, a paperback in his hairy paw,
red wine staining his bearded jaw. What big ears
he had! What big eyes he had! What teeth!
In the interval, I made quite sure he spotted me,
sweet sixteen, never been, babe, waif, and bought me a drink» [12, с. 3] /
«Он стоял на опушке и громко, по-волчьи протяжно, читал
свои стихи, справляясь с дешевеньким изданием в мохнатой лапе,
а капельки красного вина застряли в его бороде
Какие у него были большие уши! Какие глаза! А зубы!
В антракте я сделала все, чтоб он меня заметил:
шестнадцать лет, самый расцвет, первый раз, милашка, дворняжка –
и угостил вином» [8, с. 7].

Волк ведет «жертву» в логово. Девушка отдает четкий отчет своим действиям, лирический сюжет имеет сходство с прозаическим повествованием или публицистическим репортажем, тем самым отражая постмодернистский принцип родового смешения.

«The wolf, I knew, would lead me deep into the woods,
away from home, to a dark tangled thorny place
lit by the eyes of owls. I crawled in his wake,
my stockings ripped to shreds, scraps of red from my blazer
snagged on twig and branch, murder clues. I lost both shoes
but got there, wolf's lair, better beware...» [12, с. 3] /

«Я знала, что Волк заведет меня в самую чашу
и вдаль от родного дома, в сумрачный непролазный терновник,
где только и света, что глаза филина. Я еле плелась за волком,
чулки изодравши в клочья, а на суках и корягах остались ошметки
моей девственно-красной куртки, как улики убийства. Я потеряла
обе туфли, но добралась, в страхе и тревоге, до волчьей берлоги...» [8, с. 7].

Но Красная Шапочка у Даффи со временем приобретает житейскую мудрость, и если по молодости Волк ее восхищает, то, по прошествии лет, она открывает для себя его истинную сущность, насмехается над ним. Женский образ становится главенствующим, героиня приобретает мужские черты характера и, в конце концов, расправляется над обидчиком:

«But then I was young – and it took ten years
in the woods to tell that a mushroom
stoppers the mouth of a buried corpse, that birds
are the uttered thought of trees, that a greying wolf
howls the same old song at the moon, year in, year out,
season after season, same rhyme, same reason. I took an axe
to a willow to see how it wept. I took an axe to a salmon
to see how it leapt. I took an axe to the wolf
as he slept...» [12, с. 3] /

«Но была я тогда совсем молода. И только еще через десять лет
в лесу, до меня дошло, что грибами
можно рот заткнуть погребенному телу, что птицы –
это просто проговоренный вслух мысли деревьев, что сидящий Волк

все тянет одну и ту же песню и глядит на луну – год за годом,
сезон за сезоном. Все те же рифмы. Все те же резоны. Я взяла топор
и отправилась к иве – посмотреть, как она плачет. А потом к лососю –
посмотреть, как он скачет. С топором пошла я и к Волку
а он спал, значит...» [8, с. 9].

Таким образом, происходит реконцептуализация женского архетипа (беззащитная девочка – *sweet sixteen, babe, little girl* – проявляет силу и мстит обидчику) и, соответственно, сатирическое «перерождение» мужского образа – «а greying wolf/ howls the same old song at the moon, year in, year out,/ season after season, same rhyme, same reason» [12, с. 3] / «седеющий Волк/ все тянет одну и ту же песню и глядит на луну – год за годом,/ сезон за сезоном. Все те же рифмы. Все те же резоны» [8, с. 9].

По мнению Даффи, сказка является отражением предубежденного и стереотипного мнения о мировом господстве мужского пола, непровержимости маскулинной силы и патриархального строя. В детской сказке Ш. Перро ведущую роль играл Волк. Сказочный персонаж, как и герой Даффи, обладал хитростью и коварством. Но у Даффи Красная Шапочка и Волк меняются ролями, тем самым нарушая классический гендерный порядок. Страшный Волк предстает в роли глупого пустослова, а маленькая несмышленная девочка преобразается в сообразительную молодую девушку. Таким образом, доминирующую позицию занимает женщина, что в конечном итоге указывает на сатиризацию отношений между мужчиной и женщиной, построенных на физическом и психологическом насилии.

Аллюзия на библейский сюжет и заимствование сюжета

В эпоху постмодерна метанарративы, в частности Священные тексты, стали восприниматься как относительные. С точки зрения «женского письма» К. Э. Даффи библейские истории приобретают контекстуальную природу. Так, в стихотворении «Жена Пилата» Даффи обыгрывает сюжет суда Понтия Пилата над Христом, заимствованный из первой книги Нового Завета (Евангелие от Матфея, глава 27).

Лирической героиней стихотворения выступает жена Пилата. В действительности у римского наместника была жена Клавдия Прокула, которая сыграла немаловажную роль в истории с казнью Христа.

Стихотворение начинается с описания Пилата, который изображен как изнеженный и слабовольный мужчина, чья власть составляет не более чем прикрытие для незаурядного ума и слабой воли. С одной стороны, фокусируя внимание на руках Пилата, Даффи переводит ощущения своей героини в более привычную для женщины плоскость. С другой стороны, не случайно именно руки наместника оказываются в центре изображения как иллюстрация идиоматическому выражению «умывать руки», символизирующего уклонение Пилата от ответственности за судьбу Христа – Понтий умывает руки:

«Firstly, his hands – a woman's. Softer than mine,
with pearly nails, like shells from Galilee.
Indolent hands. Camp hands that clapped for grapes.
Their pale, mothy touch made me flinch. Pontius» [12, с. 18] /
«Сначала о его руках. Такие женственные нежные ладошки,
И перламутровая бледность ногтей, как на ракушках, что из Галилеи.
Бесполье. И вялые. Бывает, он только хлопнет – виноград несут.
Ко мне притронется, как крылышками моль, а я и вздрогну.

Вот таков он, Понтий» [8, с. 33].

В системе кадров внутреннего зрения эпизод омовения рук сменяется эпизодом вхождения Иисуса в Иерусалим. Автор сохраняет и библейскую экстатическую толпу, встречающую Иисуса из Назарета, и служанку Клавдии, через которую, согласно Писанию, женщина позже передаст послание-предостережение мужу. Вымыслом становится случайная встреча: увидев Христа в толпе, женщина влюбляется в него. Она обращает внимание на его внешность – его измученное лицо, проникновенные глаза (чтобы еще больше очеловечить Христа, Даффи усиливает его гротескность – он представляется в образе уродца с прекрасными глазами). С точки зрения женщины, перед ней человек, а не Бог (восклицание *My God* в данном контексте не имеет сакрального смысла, женщина иронизирует, ведь Иисус для нее –

привлекательный мужчина, поражающий не своей божественной природой, а силой и незаурядностью):

«I longed for Rome, home, someone else. When the Nazarene
entered Jerusalem, my maid and I crept out,
bored stiff, disguised, and joined the frenzied crowd.
I tripped, clutched the bridle of an ass, looked up
and there he was. His face? Ugly. Talented.
He looked at me. I mean he looked at *me*. My God.
His eyes were eyes to die for...» [12, с. 18] /

«О, как же я по Риму тосковала. По дому, кой кому еще.

Когда же назарянин

вошел в Иерусалим, от скуки изнывая, переделась я в чужое платье
и со служанкою отправилась на площадь, к бушующей толпе.
Споткнулась, помню, ухватив ослиную уздечку, потом скользнув
глазами вверх.

Увидела его. Каким был лик его? Ужасен. Гениален.

Он на меня взглянул. Подумать только: на меня взглянул! О Боже!

И этих глаз я не забуду век...» [8, с. 33].

Возвращаясь к первоисточнику, Даффи вводит эпизод сна. Согласно Библейскому писанию, накануне суда Пилата над Христом жена римского наместника видит вещий сон и предостерегает мужа от необдуманного решения. В новой трактовке Клавдия тоже видит вещий сон, но теперь в него вторгаются грезы, и она в истоме от плотского желания (картины расправы над Христом и его окровавленное тело вызывают в ней греховную страсть) пишет мужу послание помиловать Христа. Важным образом, кольцующим эти эпизоды, становятся натруженные руки Христа (Ср. Пилат: *woman's, Softer than mine, with pearly nails* – Иисус: *his brown hands*):

The night before his trial, I dreamt of him.

His brown hands touched me. Then it hurt.

Then blood. I saw that each tough palm was skewered

by a nail. I woke up, sweating, sexual, terrified.

Leave him alone. I sent a warning note, then quickly dressed.

When I arrived, the Nazarene was crowned with thorns» [12, с. 18] /

«В ночь перед судом явился мне во сне.

Меня коснулись руки – загоревшие по локоть. Стало больно.

Кровь брызнула. И тут я увидала его шершавые ладони,

пронзенные гвоздями. Я проснулась – в поту, в истоме и от ужаса

немая.

«Не трогайте его!» – передала записку, наскоро оделась,

и вижу, прибежав, что назарянин венцом терновым уж увенчан...» [8, с. 33].

Женский образ выступает как прагматическая сила, в то время как подчеркнуто приспособленческим и пассивным типом в стихотворении можно назвать образ Пилата. Сатирическое изображение слабого духом Пилата, несоответствующего архетипу гегемонной силы позволяет в данном контексте разыграть гендерно неспецифические роли женщины и мужчины времен Нового Завета:

«They seized the prophet then and dragged him out,

up to the Place of Skulls. My maid knows all the rest.

Was he God? Of course not. Pilate believed he was» [12, с. 18] /

Пророка подхватили, оттащили,

На самую на Лысую гору. Что было дальше – видела служанка.

Был ли Богом он? Конечно, нет. Хотя Пилат уверен – он был Богом» [8, с. 33].

Так, в стихотворении «Жена Пилата» мы можем наблюдать, как в тексте происходит освобождение от маскулинистского (единственно истинного) типа языка и децентрация системы традиционных текстовых значений (в данном случае, на примере Библии).

Аллюзия на мифологический сюжет и анахронизмы

В стихотворении «Миссис Мидас» за основу взят миф о фригийском царе Мидасе, с чьим именем связан роковой дар: всё, к чему прикасался Мидас, обращалось в золото.

Лирической героиней выступает жена Мидаса, которую мы встречаем на кухне, где она готовит обед. Миссис Мидас в окно наблюдает за мужем в саду.

«It was late September. I'd just poured a glass of wine, begun
to unwind, while the vegetables cooked. The kitchen
filled with the smell of itself, relaxed, its steamy breath
gently blanching the windows. So I opened one,
then with my fingers wiped the other's glass like a brow.

He was standing under the pear tree snapping a twig» [12, с. 11] /

«То было на излете сентября. Я налила вина, чтоб дух перевести,
а овощи кипели на плите. И кухня наша
уже от ароматов разомлела, и влажное дыхание ее
чуть замутило окна. Распахнувши створки,
я пальцем стерла влагу, как со лба.

И вижу: он под грушею внизу, поигрывает веточкой при этом» [8, с. 21].

Мидас ломает ветку дерева, и та становится золотой. Затем он срывает грушу, и плод также превращается в чистое золото. Мифологический Мидас коснулся ветви дуба.

«Now the garden was long and the visibility poor, the way
the dark of the ground seems to drink the light of the sky,
but that twig in his hand was gold. And then he plucked
a pear from a branch – we grew Fondante d'Automne –
and it sat in his palm like a light bulb. On.

I thought to myself, Is he putting fairy lights in the tree?» [12, с. 11] /

«А сад, добавлю, был большой. Что там увидишь? И казалось,
небесный свет впился разом в черный грунт,
в только веточка в его руках была из золота. И он
вдруг грушу с дерева сорвал (мы разводили, помнится, дюшес).

Я вижу плод в ладони просиял, как лампочка. Зажегся.

А я подумала еще, он что же, гирляндами решил украсить грушу?» [8, с. 21].

От прикосновения рук Мидаса домашняя утварь превращается в золото. Мифологический Мидас тоже сталкивается с тем, что вернувшись ко двору и приказав приготовить пир, не смог взяться ни за еду, ни за питье, поскольку они тоже превращались в золото. Таким образом, Даффи метафорично изображает мир женщины, оказавшейся во власти мужчины, который несет в себе нечто чужеродное по отношению к ее микрокосмосу.

«I served up the meal. For starters, corn on the cob.

Within seconds he was spitting out the teeth of the rich.

He toyed with his spoon, then mine, then with the knives, the forks» [12, с. 11] /

«Я ужин подала, сначала варенные початки кукурузы.

А он – плевать. Глядь, а это зубы, совсем такие, как у богачей.

Он вертит ложечку, свою, потом мою, взял нож, и вилку» [8, с. 21].

Более того, миссис Мидас, как и другие героини сборника, обладает практичным трезвым умом и ощущает угрозу от дара мужа. По легенде, Мидас поцеловал свою горячо любимую дочь, и она тот час же превратилась в золотое изваяние. Миссис Мидас снится, что у ее новорожденного сына тело из золота.

«Separate beds. In fact, I put a chair against my door,
near petrified. He was below, turning the spare room
into the tomb of Tutankhamun. You see, we were passionate then,
in those halcyon days; unwrapping each other, rapidly,
like presents, fast food. But now I feared his honeyed embrace,
the kiss that would turn my lips to a work of art.

And who, when it comes to the crunch, can live
with a heart of gold? That night, I dreamt I bore
his child, its perfect ore limbs, its little tongue
like a precious latch, its amber eyes

holding their pupils like flies. My dream-milk
burned in my breasts. I woke to the streaming sun» [12, с. 11] /

«Спать улеглись мы порознь друг от друга. Я стул еще

придвинула к двери,
сама я не своя была от страха. А он, ворочаясь, улегся в гостевой,
преображая комнату в гробницу Тутанхамона. Видишь ли, тогда
нас, помню, страсть еще переполняла. Бывало, мы одежду –
враз долой,
как будто бы обертку от подарка. И вдруг, боюсь,
что он меня коснется –
и стану я шедевром золотым!
И кто, скажи на милость, в состояньи,
жить с сердцем золотым? В ту ночь мне снилось,
что я ношу его дитя, чье тело, чей язык
само великолепие руды, а очи –
как лунки янтаря. И молоко
кипит в моей груди. Я пробудилась от солнечных лучей» [8, с. 21].

Женщина ставит супругу в вину не его жадность, от которой предостерегает миф, а эгоизм – «the woman who married the fool/ who wished for gold» [12, с. 11] / «жена глупца, который/ все золота хотел» [8, с. 25].

Женщина представляется в образе хранительницы очага, который так легко оказался под угрозой опасного дара:

«What gets me now is not the idiocy or greed
but lack of thought for me. Pure selfishness. I sold
the contents of the house and came down here» [12, с. 11] /
«Мне и сейчас обидно, и при этом не столько из-за алчности
дурацкой,

А потому, что вовсе про меня он не подумал. Только о себе» [8, с. 25]

В текст стихотворения вводится более двух десятков анахронизмов: *glass, kitchen, Fondante d'Automne* (сорт груши), *light bulb, fairy lights, doorknobs, blinds, chair, the Field of the Cloth of Gold* («Поле золотой парчи» – место переговоров Генриха VIII Английского и Франциска I Французского, XVI век), *Miss Macready* (персонаж цикла фантастических повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»), *corn,*

spoon, knives, forks, goblet, chalice, phone, toilet, aurum, cigarette, tomb of Tutankhamun, fast food, caravan, parking the car. Целью такой анахронизации становится пародия на древнегреческий миф.

Пародическое изображение царя Мидаса и его жены (обращение миссис Мидас очеловечивает персонажей древнегреческой легенды) критически обличает проблему замужества, построенного на принципах эгоизма и психологического насилия.

ВЫВОДЫ

Поэзия К. Э. Даффи реализует концепцию «женского взгляда» в контексте постмодернистских идей. «Женское письмо» К. Э. Даффи, представленное в исследовании стихотворениями «Красная Шапочка», «Жена Пилата» и «Миссис Мидас» из поэтического сборника «Вечная жена», нацелено на переосмысление традиционных мужского и женского архетипов путем децентрации текстовых значений – аллюзий на сказочные, библейские и мифологические сюжеты. Помимо аллюзий, сатирическую картину мира помогают формировать аллегорические образы, заимствованные и переработанные сюжеты и использование анахронизмов. Таким образом, «женское письмо» К. Э. Даффи отвечает на запрос теории «женского взгляда» – опровергнуть идеологию гегемонной маскулинности и идеализированной фемининности. Как следствие, «женское письмо» К. Э. Даффи можно назвать сатирическим, поскольку автор, обращаясь к общечеловеческим метанарративам (древним мифам и легендам, Библейским притчам, произведениям других авторов и историческим событиями), критически их переосмысливает, раскрывая человеческую природу и действительность в эпоху постмодерна. Перспективы данного исследования видятся в дальнейшем изучении поэтики постмодернизма в творчестве британского поэта-лауреата К. Э. Даффи.

Список литературы

1. Ганин, В. Н. Женский взгляд на «мужскую» историю в цикле К. Э. Даффи «The World's Wife» [Электронный ресурс] / В. Н. Ганин // Информационный

- гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin>. – (Дата обращения: 04.05.2019).
2. Ганин, В. Н. Жизнь, смерть и ненависть мисс Хэвишем (Ч. Диккенс «Большие надежды» и К. Э. Даффи «Хэвишем») [Текст] / В. Н. Ганин // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1 (7). – С. 64–66.
 3. Глухенькая, Л. Н. «Вечная жена» – Интертекст К. Э. Даффи [Текст] / Л. Н. Глухенькая // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: сборник материалов конференции (Симферополь, 28 ноября – 5 декабря 2018 г.) / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь: ООО «Антиква», 2019. – С. 176–179.
 4. Глухенькая, Л. Н. Двойное кодирование в постмодернистской поэзии британского поэта-лауреата Кэрол Энн Даффи [Текст] / Л. Н. Глухенькая // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы международного научного конгресса. Редколлегия: Бридко Т. В., Пономарёва А. В., Храбскова Д. М., Анпилогова М. В., Никульникова А. Ю., Чолак Ю. О. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. – С. 122–126.
 5. Глухенькая, Л. Н. «Женский взгляд» на «мужской мир» (на материале стихотворения «Жена Пилата» К. Э. Даффи) [Текст] / Л. Н. Глухенькая // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы IV международного научного конгресса. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019.
 6. Глухенькая, Л. Н. Реинтерпретация художественных смыслов через призму постмодернизма в творчестве Кэрол Энн Даффи [Текст] / Л. Н. Глухенькая // Молодая наука. Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых / научн. ред. Н. Г. Гончарова; редкол.: Г. А. Штофер, О. В. Красникова, О. И. Лященко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 327–328.
 7. Глухенькая, Л. Н. Carol Ann Duffy: Intertext, Game, and Feminism [Текст] / Л. Н. Глухенькая // LinguaNet: Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием (г. Севастополь,

-
- 17 мая 2019 г.) / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» / под общ. ред. Н. С. Руденко, Ю. А. Иванцовой. – Севастополь: СевГУ, 2019. – С. 114–117.
8. Даффи, К. Э. Сборник стихов «Вечная жена». Двухязычный. Перевод на русский язык Дубовицкой С. Г. [Текст] / К. Э. Даффи. – М.: Издательство «Перо», 2012. – 134 с.
 9. Лукинова, М. Ю., Глухенькая, Л. Н. Двойное кодирование в постмодернистской поэзии британского поэта-лауреата Кэрл Энн Даффи [Текст] / М. Ю. Лукинова, Л. Н. Глухенькая // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. – 2015. – № 1 (9). – С. 37–46.
 10. Abad G. *Mixing Genres and Genders: Carol Ann Duffy's Postmodern Satire: The World's Wife*. *ES: Revista de filología inglesa*, 2007, N. 28, pp. 7–26.
 11. Duffy C. A. *PBS Bulletin* 1999. Ed. by M. Dooley, J. MacKendrick. *Inpress*, 1999, No 182, p. 5.
 12. Duffy C. A. *The World's Wife*. London: Picador, 2010. 96 p.
 13. Forbes P. Carol Ann Duffy. *Poetry Review: seven years on (a new generation retrospective)* 91, 2001, pp. 22–25.
 14. Gregson I. *Contemporary Poetry and Postmodernism*. London: MacMillan, 1996. 269 p.
 15. Schoonwater S. B. *Goddesses, Mothers, and Queens: Bachelor thesis*. Utrecht, 2017.
 16. *The Poetry of Carol Ann Duffy: 'Choosing Tough Words'*. Ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.
 17. Williams N. *Contemporary Poetry*. Edinburgh University Press Ltd., 2011. 264 p.

References

1. Ganin V. N. *Zhenskii Vzglyad na Muzhskuyu Istoriyu v Tsikle C. A. Duffy The World's Wife* [Female View on The «Male» History in The Serie *The World's Wife* by C. A. Duffy]. *Informacionnyi Gumanitarnyi Portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye»*, 2007. no 1. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin>. (accessed 04 May 2019).

2. Ganin V. N. *Zhizn, Smert i Nenavist miss Hevishem (Ch. Dickens Bolshiye Nadezhdy i C. A. Duffy Hevishem)*. [Life, Death and Hatred of Miss Havisham]. *Filologicheskaya Regionalistika*, 2012, no 1 (7), pp. 64–66.
3. Gluhenkaya L. N. *Vechnaya Zhena – Intertekst C. A. Duffy* [The World's Wife – C. A. Duffy's Intertext]. *Konvergentnyye Tekhnologii v XX Veke: Variativnost, Kombinatorika, Kommunikatsiya*. Simferopol: Antikva Publ., 2019, pp. 176–179.
4. Gluhenkaya L. N. *Dvoynoe Kodirovaniye v Postmodernistskoi Poezii Britanskogo Poeta-Laureata Carol Ann Duffy* [Double-coding in the Postmodern Poetry of the British Poet Laureate Carol Ann Duffy]. *Inostrannaya Filologiya. Socialnaya i Nacionalnaya Variativnost Yazyka i Literaturny*. Simferopol: V. I. Vernadsky CFU, 2016, pp. 122–126.
5. Gluhenkaya L. N. *Zhenskii Vzglyad na Muzhskoi Mir (na Materiale Stikhotvoreniya Zhena Pilata C. A. Duffy)* [Female View on The Male World (Based on the Poem Pilate's Wife)]. *Inostrannaya Filologiya. Socialnaya i Nacionalnaya Variativnost Yazyka i Literaturny*. Simferopol: V. I. Vernadsky CFU, 2019.
6. Gluhenkaya L. N. *Reinterpretatsiya Khudozhestvennykh Smyслов cherez Prizmu Postmodernizma v Tvorchestve Carol Ann Duffy* [Reinterpretation of The Artistic Meanings through The Prism of Postmodernism in C. A. Duffy's Oeuvre]. *Molodaya Nauka*. Simferopol: Arial Publ., 2016, pp. 327–328.
7. Gluhenkaya L. N. *Carol Ann Duffy: Intertext, Game, and Feminism* [Carol Ann Duffy: Intertext, Game, and Feminism]. *LinguaNet*. Sevastopol: SevGU, 2019, pp. 114–117.
8. Duffy C. A. *Sbornik Stikhov Vechnaya Zhena. Dvujazychnyi. Perevod na Russkij Yazyk Dubovitskoy S. G.* [Poetry Collection The World's Wife. Bilingual. Tr. by S. G. Dubovitskaya]. Moscow: Izdatelstvo Pero Publ., 2012. 134 p.
9. Lukinova M. Yu., Gluhenkaya L. N. *Dvoynoe Kodirovaniye v Postmodernistskoi Poezii Britanskogo Poeta-Laureata Carol Ann Duffy* [Double-coding in the Postmodern Poetry of the British Poet Laureate Carol Ann Duffy]. *Mirovaya Literatura na Perekrestye Kultur i Tsivilizatsii*, 2015, no 1 (9), pp. 37–46.
10. Abad G. *Mixing Genres and Genders: Carol Ann Duffy's Postmodern Satire: The World's Wife*. *ES: Revista de filología inglesa*, 2007, N. 28, pp. 7–26.

11. Duffy C. A. *PBS Bulletin* 1999. Ed. by M. Dooley, J. MacKendrick. Inpress, 1999, No 182, p. 5.
12. Duffy C. A. *The World's Wife*. London: Picador, 2010. 96 p.
13. Forbes P. Carol Ann Duffy. *Poetry Review*: seven years on (a new generation retrospective) 91, 2001, pp. 22–25.
14. Gregson I. *Contemporary Poetry and Postmodernism*. London: MacMillan, 1996. 269 p.
15. Schoonwater S. B. *Goddesses, Mothers, and Queens: Bachelor thesis*. Utrecht, 2017.
16. The Poetry of Carol Ann Duffy: *Choosing Tough Words*. Ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.
17. Williams N. *Contemporary Poetry*. Edinburgh University Press Ltd., 2011. 264 p.

POSTMODERNISM OF C. A. DUFFY: SATIRE AND FEMALE WRITING

Ye. K. Bepalova, L. N. Gluhenka

Summary. The article focuses upon comprehensive study of satire in the poetry of the British poet-laureate C. A. Duffy. Nowadays presenting a critical view on postmodern British poetry and one of its main authors defines the relevance of the research within studies on contemporary British poetry. Satire as one of the elements of the postmodern paradigm constitutes the polyvalent poetics of postmodernism and in C. A. Duffy's oeuvre proves to be crucial in development of the concept of «female». The poems *Little Red Riding Hood*, *Pilate's Wife* and *Mrs. Midas* from the poetic collection *The World's Wife* (1999), centered on reimagining of traditional male and female archetypes, present the material for studying C. A. Duffy's «female writing». Reimagining occurs through the decentralization of textual meanings – allusions to fabulous, biblical and mythological plots. Apart from allusions, allegorical images, borrowed and revised plots, as well as usage of anachronisms serve to form a satirical image of the world. Thus, C. A. Duffy's «female writing» is aimed at refuting the ideology of hegemonic masculinity and idealized femininity. As a result, C. A. Duffy's «female writing» may be called satirical, as far as referring to ancient myths and legends, Biblical parables, works of other authors and historical events, the author critically rethinks them, revealing human nature and reality in the postmodern era.

Keywords: Carol Ann Duffy, postmodern British poetry, female writing, satire, allusion, allegory, plot borrowing, anachronism.

УДК 821.(411)

**«ДВОЙНОЙ ПАТРИОТИЗМ» КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ
ШОТЛАНДСКОГО ЭМИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА XIX века**

Велилаева Л. Р.

**ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Симферополь, Россия
E-mail: lilivilaeva@yandex.ru**

В статье детально рассматривается понятие «двойного патриотизма», актуальное для шотландского поэтического эмиграционного дискурса США XIX в. Установлено, что двойственность является перманентным признаком данного дискурса, появившегося в особых социально-экономических и культурно-исторических условиях. Определено, что понятие «патриотизм» имеет неоднозначную трактовку в разных отраслях гуманитарных наук. «Двойной патриотизм» определяет двойственность хронотопа и сюжетно-персонажной системы поэтических текстов шотландских поэтов-эмигрантов. Это подтверждается анализом текстов, в которых, наряду с «шотландским пространством», «шотландским временем» и «шотландскими персонажами», нашли художественное отображение и «американское пространство», «американское время» и «американские персонажи». Все они имеют свои дистинктивные признаки. «Шотландское пространство» реализуется посредством шотландских пейзажей (Шотландия как «зеленый рай»), «шотландское время» ассоциируется с образом «вечной Шотландии» (время героического прошлого), «шотландские персонажи» – это конкретные люди со своими биографиями и характерами, действующие в конкретном топосе и хроносе. «Американское пространство» в текстах противопоставляется пространству шотландскому, «американское время» – время настоящее, в котором живут и действуют авторы и их герои, «американские персонажи» менее разнообразны и представляют лишь несколько типов.

Ключевые слова: патриотизм, двойной патриотизм, Шотландия, США, XIX век, поэзия.

ВВЕДЕНИЕ

Шотландский эмиграционный дискурс XIX века – сложное и неоднозначное явление в эмиграционистике. Специфика его обусловлена рядом факторов, среди которых базовыми являются следующие: 1) условия появления и функционирования; 2) сочетание традиционности и современности; 3) акцент на национальной идентичности.

Цель настоящего сообщения – дать определение понятию «двойной патриотизм» в контексте шотландского поэтического эмиграционного дискурса XIX века. Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) изучить современные исследования, апеллирующие к понятиям «патриотизм» и «двойной патриотизм»; 2) определить исторические, социальные и экономические условия, способствовавшие

актуализации данного концепта; 3) выявить основные формы текстуализации «двойного патриотизма» в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов XIX века.

Материалом исследования послужили стихотворения шотландских поэтов-эмигрантов XIX века.

Новизна данного исследования состоит в том, что «двойной патриотизм» как понятие социально-историческое экстраполируется на поэтические тексты и способствует выявлению новых семантических составляющих концепта «двойной патриотизм» в шотландском эмиграционном дискурсе.

Эмиграция стала неотъемлемым явлением жизни современного общества и тем самым актуализировала проблему мировосприятия с позиций патриотического воспитания в условиях современного глобализованного мира. Это подтверждает актуальность данного исследования.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Для определения понятия «двойной патриотизм» важно сформулировать основную семантическую составляющую – понятие «патриотизм».

Это понятие и его художественный адекват, концепт, являются одними из самых широко употребительных в текстах гуманитарного цикла, как научных, так и художественных. Определения «патриотизма» менялись в своем историческом развитии. Кажущаяся однозначность этого понятия является мнимой, притом вдвойне, т.к. широко варьирует и понимание «Родины», и отношение к ней.

Не менее дискуссионным является вопрос о мирском/сакральном характере патриотизма. С самого начала своего формирования патриотизм не был исключительно светским понятием. Идеями патриотизма пронизана священная литература древних, от эллинов до Древней Руси («Слово о законе и благодати» Митрополита Иллариона, «Жития» Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Нила Сорского и др.). Патриотические мотивы находим и в фольклорных текстах (русские былины об Илье Муромце, Садко, легендарно-исторический эпос). Патриотичны и нормативные этические и юридические тексты, такие, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Русская правда» Ярослава Мудрого. В XVI в.

осмыслению проблем патриотизма посвящены труды Сильвестра («Домострой») и «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев»; в XVII в. проблемами патриотизма занимались И.Т. Посошков, Авраамий Палицын, И. Тимофеев и др.; в XVIII веке – В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Я.П. Козельский, И.А. Третьяков. Этно-философским и религиозно-философским подходом к проблеме патриотизма отличаются труды Ю.Ф. Самарина, Н.Я. Данилевского, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского. На рубеже XIX-XX вв. эту традицию продолжают представители нового религиозно-философского направления (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.).

В советскую эпоху можно дифференцировать периоды спада общественного интереса к патриотизму как явлению национальному и усиление этого интереса к патриотизму как одной из форм социалистической идеологии (А.В. Луначарский и др. [8]. И наоборот: в годы Великой Отечественной войны, затем Оттепели, ещё позже – распада СССР и образования новых независимых государств (1990-е – 2000-е гг.) осмысление «нового патриотизма» идет с небывалой интенсивностью [10, 12].

В Шотландии в эти же десятилетия (1990 – 2000) патриотические настроения в социуме и патриотические настроения в литературе (в т.ч. в поэзии) резко расслаиваются. Растёт тяга к европеизму, интеграционизму, вплоть до космополитизма, что ярко выявил Brexit [24]. Одновременно (и столь же активно) заявляет о себе «новый шотландизм», ориентация на национальные ценности, традиции, приоритеты.

В Шотландии тема патриотизма не оставляла национальный фольклор, национальную литературу от самых ранних времён борьбы сначала за государственную самостоятельность (до XIII в.), а затем за независимость от соседних держав (прежде всего от Англии – до современности).

Шотландские поэты-эмигранты XIX века, писавшие в условиях иномирия (или, как минимум, двоимирия), плюс в эпоху европейского Романтизма с его культом национального (и в политике, и в художественной жизни), также оказались в сложной, многоплановой ситуации относительно «своего», «местного» патриотизма. Сменившие за одну жизнь несколько «малых» и «больших» Родин, втянутые

одновременно в процессы драматичного самоопределения, борьбы с «ненашими», до Гражданской войны (в США) и вооружённых восстаний (в Шотландии), «шотландцы-американцы» отразили и биографически, и поэтически почти всю возможную парадигму патриотического.

Патриотизм: научный аспект. Обратимся к эволюции трактовки патриотизма в гуманитарных науках. На рубеже XX – XXI вв. изучению разных аспектов патриотизма был посвящен ряд работы отечественных ученых. В социокультурном, аксиологическом и философском плане патриотизм исследовали Т.В. Беспалова, А.В. Кузнецова и др. [4, 7]; патриотические основы воспитания дошкольников, школьников, студентов и молодежи рассматривали М.А. Ешев и др. [5]. Национально ориентированный патриотизм стал особым объектом внимания Е.И. Мозговой [10]. Особенности проявлений патриотизма в эмиграции посвящены работы А.С. Магомедовой, Б.Ю. Тарасовой и др. [9, с. 17].

В филологических науках патриотизм как понятие если не ключевое, то одно из ведущих рассматривался в работах Е.С. Абрамовой, М.Г. Бадриашвили, Е.В. Патрушевой и др. [1; 2; 16]. Во всех перечисленных работах патриотизм исследуют в контексте героических, гражданских, национальных идей и интересов.

Тем не менее среди этих многочисленных научных изысканий лишь в двух литературоведческих работах патриотические мотивы стали центральным понятием. Исследование М.Т. Бежитадзе [3] посвящено патриотическим мотивам в творчестве Важа Пшавела. Соотношение патриотических мотивов с поэтикой и философией Оттепели рассмотрено О. Харкевич на материале стихов Н. Рубцова, В. Соколова, А. Жигулина, С. Викулова [18]. Отмечена связь патриотической темы с темой Великой Отечественной войны. Т.о., несмотря на обилие трудов по исследованию патриотизма в различных научных отраслях, значимым нам представляется отсутствие таковых в литературоведении и, как следствие, отсутствие исследования и разработки концепта «двойной патриотизм».

Между тем именно данный концепт является ключевым в понимании шотландской эмиграционной картины мира. Двойственность в целом может

рассматриваться как константный признак шотландской эмиграции XIX века, обусловленной социально-экономическими и культурно-историческими причинами.

Самореализация в Штатах (так называемая «американская мечта») представлялась важной шотландским поэтам-эмигрантам не только лишь с экономической точки зрения. Сама эмиграция стала возможностью сохранить «старую добрую» Шотландию былых времён (Auld Lang Syne), которая страдала от депопуляции и капитализации в новых исторических условиях (в составе Великобритании). Эмиграция стала активатором новых способов поэтической реконструкции Родины для уже новой американской аудитории. Эмиграция в итоге воспринималась на интуитивном уровне как своеобразная миссия для американских шотландцев, которые уезжали из Шотландии, но продолжали не только хранить ее в своей душе, но и воспевать и увековечивать ее светлый образ для других культур и народов.

Поэтому в США поэтам-шотландцам будет необходима новая аудитория что подтолкнет их к развитию двойного патриотизма: относительно обеих родин (и «старой», Шотландии, и «новой», США). В связи с этим возрастет их социальная активность: увеличатся контакты с землячествами, выступления в шотландских («Каледонских») клубах в различных городах США, связь с шотландскими благотворительными организациями (в т.ч. религиозными), организациями, обеспечивающими досуг (спорт, ораторское искусство, театр и др.), встречи с лекторами-соотечественниками (из числа шотландских поэтов-эмигрантов также). Подтверждением тому служат поэтические тексты шотландских поэтов-эмигрантов: Дж. Кеннеди *The Quoit Players* («Койтеры»), *The Lecturer* («Лектор»), В. Эндерсона *Jamie's Wee Back Room* («Джимова комната») и др.

В поэтических текстах шотландских поэтов-эмигрантов «двойной патриотизм» определяет двойственность их хронотопной и сюжетно-персонажной систем. Поэты-эмигранты оказываются в состоянии осознанного двоемирия. Родина (Mitherland) для них ассоциируется с Шотландией (США они называют «Отечеством»). Тем не менее, «родным домом» (Homeland) для них остаются и Шотландия, и США. Потому в текстах шотландских поэтов-эмигрантов XIX века существует два типа пространства,

времени и персонажей: шотландское и американское. Каждый тип имеет свои особенности.

Так, «шотландское пространство» – это прежде всего описание шотландских пейзажей, которые представляют Шотландию «зеленым раем»: «Bonnie wee sprig o' the dear purple heather, / Fresh frae the auld lan' my heart lo'es sae weel <...>» [22, p. 71; «<...> The hills, an' the huts. / The trees on that green <...>» [19, p. 137-138]; «<...> Day by day thy mem'ries haunt me, / Rich in all things bright and rare; / Night by night sweet dreams enchant me / Of thy beauties fresh and fair <...>» [20, p. 50-51]; «Its bonnie on the Inch o' Perth, / In summer when the flowers are growin', / Ye winna' fin' through a' the earth / A spot wi' nature's gifts mair rowin'! <...>» [23, p. 93]; «The Bonny Woods o Clova / How can I e'er forget ? / I've wander'd far but never seen / The equal o' them yet. / Frae sunny brae to shady glen / An' burnie singin doon the den – / O, ilka nook I used to ken / Within the Woods o Clova! <...>» [21, p. 184-186].

Важным нам представляется специфичность реалий патриотического дискурса: отсутствие негативности в оценочной семантике. В условиях эмиграции это свойство приобретает безоговорочный характер

Описание «американского пространства» зачастую сопровождается со- и противопоставлением с «шотландским пространством». «Американское пространство» в таких случаях приобретает негативную оценочность. Например, в поэтических текстах, где урбанизм пейзажей американских контрастирует с подчеркнутой природностью шотландских пейзажей. Подтверждением тому служат стихотворения Дж. Кеннеди (Auld Scotia in the field, в переводе «Шотландская команда на соревновании под открытым небом») или поэтические тексты Д.М. Хендерсона (Daisies in Baltimore, в переводе «Маргаритки в Балтиморе»).

«Шотландское время» связано с образом «вечной Шотландии»: страны своего детства, своей юности, своего национально-патриотического прошлого. Именно этот образ трансформирует «шотландское время» в сверхактуальное настоящее и для самого поэта, и для его героев. Стихотворение Э. Ванлисса «Родимый наш язык» (Our Mither Tongue) – наглядный пример такой трансформации. Вначале стихотворения

дается типизированное, привычное нам разделение «родного» времени. Вот как описывается прошлое Родины:

«It's monie a day since first we left / Auld Scotland's rugged hills – / Her heath'ry braes and gow'ny glens, / Her bonnie winding rills <...>» [25, p. 128-129].

Необходимо отметить важную особенность этого прошлого Родины – оно не исторично, а космологично, природно. Затем описывается прошлое и настоящее биографическое лирических героев:

«<...> We lo'ed her in the by-gane time, / When life and hope were young, / We lo'e her still, wi' right guid will, / And glory in her tongue! <...>» [Ibid.].

Далее происходит трансформация прошлого в настоящее посредством «времени воспоминаний»:

<...> Can we forget the summer days
Whan we got leave frae schule, <...>
Can we forget the lonesome kirk
Where gloomy ivies creep?
Can we forget the auld kirk yard
Where our forefather's sleep? <...>» [Ibid.].

В финальной части стихотворения все три времени: и личное биографическое прошлое, и прошлое Родины, и родовое прошлое героев, с помощью «вечного времени» национальной культуры («где пели песни Роберт Бёрнс и Вальтер Скотт <...>», в оригинале: «<...>Where Scott and Burns sung <...>»), превращаются в вечность, где становятся едиными история и биография, религия и культура:

<...> Auld Scotland! Land o' mickle fame!
The land where Wallace trod,
The land whose heartfelt praise ascends
Up to the throne of God <...>» [Ibid.].

Той же временной организации подчинены хронос у В. Лайла (The land of the heather, в переводе «Родина вереска»), Дж. Паттерсона (Dreaming, в переводе «Мечты о Родине») или у Д. Рамсея (Auld Ruglin Brig, в переводе «Рэглинский мост»).

«**Американское время**» – это время настоящее для самих авторов и их героев. Наиболее распространенными поэтическими текстами становятся стихотворения-гимны отдельных американских штатов и городов. Неоднократно шотландские поэты-эмигранты участвуют в конкурсах на создание новых вариантов общенационального «неофициального гимна» всех США – песни-марша «Янки Дудль» (Yankee Doodle) (Например, В.М. Вуд, Nail, O Fatherland, to thee!, в переводе «Слава государству!»).

Система «**шотландских персонажей**» характеризуется следующим: «шотландские» персонажи обладают собственными (художественными или историческими) именами; «своими» характерами и биографиями; приметами определённого места/времени/рода/племени, народа (шотландского). Универсальность персонажа напрямую зависит от его статуса: чем он выше (от земляка автора до Господа Бога всех христиан), тем универсальнее. Но более эмоциональными и объёмными представляются «свои» персонажи. Это объясняется тем, что даже статусные персонажи должны стать «своими» в приоритете (в контексте авторской картины мира), а не просто уважаемыми и почитаемыми. Доказательством тому служат поэтические тексты Дж. Кеннеди «Святой Андрей и шотландский Хаггис» (Saint Andrew and the Haggis), П. МакФерсона «Чёрный день Куллоден» (Dark Culloden Day), Т.К. Латто («Когда мы были школярами», When we were at the schule) и др.

Система «**американских персонажей**» является наименее разработанной в эмиграционной поэзии изучаемого периода. Наиболее органичными для шотландских поэтов-эмигрантов оказались персонажи – простые труженники, жители «одноэтажной» Америки: ветераны Гражданской войны и попечители сиротских домов, фермеры, занимающиеся благотворительностью и возводящие храмы и больницы. А президенты и генеральные судьи США если и становятся действующими лицами стихотворений, то лишь в юмористической роли собственных памятников (например, Дж. Кеннеди, «Шотландец-американец», в оригинале – Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen, Дж. Кеннеди, «Сухой закон», в оригинале – Whisky's awa, В. Эндерсона, «Джимова комната», в оригинале – Jamie's

wee back room, Дж.Д. Лоу, «Эпиграмма на Уолта Уитмена», в оригинале – To Walt Whitman или Д.М. Хендерсона, «Маргаритки в Балтиморе», в оригинале – Daisies in Baltimore).

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет предположить, что эмиграция в определенных социально-исторических и этнических условиях расценивается как особая, ввозможно, одна из наиболее драматичных и сложных форм патриотизма.

1) Концепт «двойной патриотизм» – маркер шотландского эмиграционного дискурса XIX века, 2) доминантный в картине мира шотландского поэта-эмигранта и 3) обладающий своим набором константных признаков. Его можно охарактеризовать как любовь к прежней Родине, Шотландии и любовь к новой Родине, США. Однако любовь эта разная. Шотландию поэты-эмигранты любят как страну своего детства, своей юности, своего национально-патриотического прошлого. США же они любят как страну, которая дает им возможность реализовать свои гражданские права и свободы.

Список литературы

1. Абрамова, Е. С. Концепт «Россия» в дискурсе современных российских массмедиа : когнитивная структура, динамика, особенности языковой объективации : на материале журнала «Родина» за 1989 - 2011 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Абрамова. – Белгород, 2012. – 23 с.
2. Бадриашвили, М. Г. Основные тенденции в поэзии Шота Ригианидзе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / М. Г. Бадриашвили. – Тбилиси, 1990. – 27 с.
3. Бежитадзе, М. Т. Особенности мотива патриотизма в творчестве Важа Пшавела [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / М. Т. Бежитадзе. – Тбилиси, 1984. – 149 с.

4. Беспалова, Т. В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества [Текст] : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 09.00.11 / Т. В. Беспалова. – Санкт-Петербург, 2011. – 50 с.
5. Ешев, М. А. Патриотизм как ценностный ориентир студенческой молодежи: на примере Республики Адыгея [Текст] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.06 / М. А. Ешев. – Майкоп, 2010. – 24 с.
6. Калмыков, В. В. Служение отечеству и патриотизм в системе ценностей допризывной молодежи современной России [Текст] : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В.В. Калмыков. – Краснодар, 2009. – 32 с.
7. Кузнецова, А. В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества [Текст] : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.06 / А. В. Кузнецова. – Москва, 2004. – 32 с.
8. Луначарский, А. В. Воспоминания и впечатления [Текст] / А.В. Луначарский. – М. : Изд-во «Советская Россия», 1968. – 376 с.
9. Магомедова, А. С. Патриотическое воспитание учащейся молодежи в условиях диаспоры [Текст] : автореф. дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / А. С. Магомедова. – Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2004. – 26 с.
10. Мозговая, Е. И. Культурные парадигмы и идеологемы русского патриотизма [Текст] : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Е.И. Мозговая. – Белгород, 2007. – 21 с.
11. Новикова, М. А. Малая родина, великая Родина [Текст] / М. А. Новикова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та. Серия «Филология». – 2006. – № 2. – С. 51-54.
12. Новикова, М. А. Патриотический дискурс : мифы и контр-мифы [Текст] / М. А. Новикова // Світова література на перехресті культур і цивілізацій. Зб. наук. праць. – 2008. – Вип. 1. – С. 264-271.
13. Новикова, М. А. Прекрасен наш союз: Литература – переводчик – жизнь [Текст] / М. А. Новикова. – К. : Радянськ. письменник, 1986. – 224 с.
14. Новикова, М. А. Эмиграция: опыт типологии [Текст] / М. А. Новикова // Мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымск. Архив, 2010. – С. 161-172.

15. Новикова, М. А., Шама, И. Н. Символика в художественном тексте: Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и их английских переводов) [Текст] / М. А. Новикова, И. Н. Шама. – Изд. 2-е, испр. – Запорожье : ООО «Акцент», 2013. – 172 с.
16. Патрушева, Е. В. Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе: на материале публичных выступлений В. В. Путина и Дж. Буша мл. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Патрушева. – Ставрополь, 2011. – 22 с.
17. Тарасов, Б. Ю. Проблема патриотизма в представлениях российских эмигрантов в 1920-1930-х гг. (по материалам эмигрантской прессы) [Текст] : автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. Ю. Тарасов. – Москва, 2000. – 30 с.
18. Харкевич, О. Патриотические мотивы в советской лирической поэзии 60-70-х годов и их художественное воплощение [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / О. Харкевич. – Киев, 1987. – 187 с.
19. Ainslie, H. A Hameward Hymn [Text] / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York : Redfield, 1855. – 216 p. – P. 137-138.
20. Kennedy, J. To my native land [Text] / J. Kennedy. The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P.50-51.
21. Law, J. D. The Woods o' Clova [Text] / Law J. D. Dreams o' Hame and other Scotch poems. – London: Alexander Gardner, 306 p. – P. 184-186.
22. Lyle, W. «Bonnie wee sprig o' the dear purple heather...» [Text] // Ross J. D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 71.
23. Ross, P. The Inch o' Perth [Text] // Ross J. D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 93.
24. Reality Check: Is Brexit inevitable? [Text] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/av/uk-politics-uk-leaves-the-eu-40676514/reality-check-is-brexit-inevitable> (Дата обращения: 04.05.2017)

25. Wanless, A. Our Mither Tongue [Text] // Ross J. D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York : Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 128-129.

References

1. Abramova Ye.S. *Kontsept «Rossiya» v Diskurse Sovremennykh Rossiiskikh Mass-media: Kognitivnaya Struktura, Dinamika, Osobennosti Yazykovo Obektivatsii: na Materiale Zhurnala «Rodina» za 1989–2011 gg.: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Concept “Russia” in Modern Russian Mass-Media Discourse: Cognitive Structure, Dynamics, Peculiarities of the Linguistic Objectification: on the Material of Magazine “Rodina” (1989–2011). Abstract of Thesis]. Belgorod, 2012. 23 p.
2. Badriashvili M.G. *Osnovnye Tendentsii v Poezii Shota Nizhniyanidze: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Basic Tendencies in Shota Nozhniyanidze’s Poetry. Abstract of Thesis]. Tbilisi, 1990. 27 p.
3. Bezhitadze M.T. *Osobennosti Motiva Patriotizma v Tvorchestve Vazha Pshavela: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Peculiarities of the Motive of Patriotism in Vazha Pshavel’s Poetry. Thesis]. Tbilisi, 1984. 149 p.
4. Bespalova T.V. *Patriotizm kak Forma Sotsiokulturnoi Identifikatsii v Konfliktnykh Usloviyakh Rossiiskogo Perekhodnogo Obshchestva: Avtoref. Dis. ... Dokt. Filos. Nauk* [Patriotism as the Form of Sociocultural Identification in Conflict Conditions of Russian Transitional Society. Abstract of Thesis]. Sankt-Peterburg, 2011. 50 p.
5. Eshev M.A. *Patriotizm kak Tsennostnyi Orientir Studencheskoi Molodezhi: na Primere Respubliki Adygeya: Avtoref. Dis. ... Kand. Sots. Nauk* [Patriotism as Value Guideline of Students: on the Example of Republic of Adygeya. Abstract of Thesis]. Maikop, 2010. 24 p.
6. Kalmykov V.V. *Sluzhenie Otechestvu i Patriotizm v Sisteme Tsennostei Dopriyivnoi Molodezhi Sovremennoi Rossii: Avtoref. Dis. ... Kand. Filos. Nauk* [Military Service and Patriotism in the Values System of Pre-Induction Youth. Abstract of Thesis]. Krasnodar, 2009. 32 p.

7. Kuznetsova A.V. *Kultura Patriotizma kak Faktor Konsolidatsii Rossiiskogo Obshchestva: Avtoref. Dis. ... Kand. Sots. Nauk* [Culture of Patriotism as Consolidation Factor of Russian Society. Abstract of Thesis]. Moscow, 2004. 32 p.
8. Lunacharskii A.V. *Vospominaniya i Vpechatleniya* [Memories and Impressions]. Moscow: Publ. «Sovetskaya Rossiya», 1968. 376 p.
9. Magomedova A.S. *Patrioticheskoe Vospitanie Uchashcheisya Molodezhi v Usloviyakh Diaspory: Avtoref. Dis. ... Kandidata Pedagogicheskikh Nauk* [Patriotic Upbringing in the Conditions of Diaspora. Abstract of Thesis]. Makhachkala, 2004. 26 p.
10. Mozgovaya E.I. *Kulturnye Paradigmy i Ideologemy Russkogo Patriotizma: Avtoref. Dis. ... Kand. Filos. Nauk* [Cultural Paradigms and Ideologies of Russian Patriotism. Abstract of Thesis]. Belgorod, 2007. 21 p.
11. Novikova M.A. *Malaya Rodina, Velikaya Rodina* [Small Motherland, Big Motherland]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta. Seriya Filologiya*, 2006. № 2. pp. 51-54.
12. Novikova M.A. *Patrioticheskiye Myfy I Contr-Myfy* [Patriotic Myths and Counter-Myths]. *Svitova Literatura na Perekhresti Kultur i Tsivilizatsii*. Simferopol: Krimskii Arkhiv Publ., 2008. № 1, pp. 264-271.
13. Novikova M.A. *Prekrasen Nash Soyuz: Literatura – Perevodchik – Zhizn'* [Our Union is Wonderful: Literature – Translator – Life]. Kiev: Radyanskyi Pysmennyk Publ., 1986. 224 p.
14. Novikova M.A. *Emigratsiya: Opyt Tipologii* [Emigration: Experience of Typology]. *Materialy IV Mezhdunaroi Nauchnoi Konferentsii*. Simferopol: Krymskii Arkhiv Publ., 2010, pp. 161–172.
15. Novikova M.A., Shama, I.N. *Simvolika v Khudozhestvennom Tekste: Simvolika Prostranstva (na Materiale «Veчерov na Khutore bliz Dikanki» N. V. Gogolya i ikh Angliiskikh Perevodov)* [Symbolism of Literary Text: Symbolism of Space (on the Material of N.V. Gogol's *Veчерa na Khutore bliz Dikan'ki* and Their Translation into English)]. Zaporozhye : Aktsent Publ., 2013. 172 p.
16. Patrusheva E.V. *Lingvokul'turologicheskii i Funktsional'no-pragmaticheskii Aspekty Aforizmov v Politicheskom Diskurse: na Materiale Publichnykh Vystuplenii V.V. Putina*

- i Dzh. Busha ml.: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Linguoculturological and Functional-Pragmatic Aspects of Aphorisms in Political Discourse: on the Material of V.V. Putin and G. Bush's Public Speeches. Abstract of Thesis]: Stavropol, 2011. 22 p.
17. Tarasov B.Yu. *Problema Patriotizma v Predstavleniyakh Rossiiskikh Emigrantov v 1920-1930-kh gg. (po Materialam Emigrantskoi Pressy): Avtoref. Dis. ... Kandidata Istoricheskikh Nauk* [Problem of Patriotism in the Imagination of Russian Emigrants of 1920-1930 (on the Material of Emigrational Press. Abstract of Thesis)]. Moskva, 2000. 30 p.
18. Kharkevich O. *Patrioticheskie Motivy v Sovetskoj Liricheskoj Poezii 60-70-kh Godov i ikh Khudozhestvennoe Voploshchenie: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Patriotic Motives in Soviet Lyrical Poetry of 60-70s and their Artistic Implementation. Thesis]. Kiev, 1987. 187 p.
19. Ainslie, H. A Hameward Hymn [Text] / Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. – New York : Redfield, 1855. – 216 p. – P. 137-138.
20. Kennedy, J. To my native land [Text] / J. Kennedy. The Scottish and American poems of James Kennedy. – New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. – 247 p. – P.50-51.
21. Law, J.D. The Woods o' Clova [Text] / Law J.D. Dreams o' Hame and other Scotch poems. – London: Alexander Gardner, 306 p. – P. 184-186.
22. Lyle, W. «Bonnie wee sprig o' the dear purple heather...» [Text] // Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 71.
23. Ross, P. The Inch o' Perth [Text] // Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. – New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. – 377 p. – P. 93.
24. Reality Check: Is Brexit inevitable? [Text] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/av/uk-politics-uk-leaves-the-eu-40676514/reality-check-is-brexit-inevitable> (Дата обращения: 04.05.2017)
25. Wanless, A. Our Mither Tongue [Text] // Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York : Pagan&Ross, Publishers, 1889. – 218 p. – P. 128-129.

**«DUAL PATRIOTISM» AS KEY CONCEPT OF SCOTTISH EMIGRATIONAL
DISCOURSE OF THE 19TH CENTURY**

L. R. Velilaeva

Summary. The paper deals with the notion of dual patriotism, which is urgent for the Scottish poetical emigrational discourse of the USA of the 19th century. It is revealed that duality is the permanent criterion of the discourse that appeared in specific socio-economical conditions. It is determined that notion «patriotism» has ambiguous interpretation in different fields of Humanities. Dual patriotism determines the duality of artistic time and space and plot and personage system of Scottish poets-emigrants' poetical texts. This statement proves text analysis which involves texts with both Scottish and American space, Scottish and American time, Scottish and American personages. All they have their distinctive features. Scottish space is realized through Scottish scenery (Scotland as «Green Paradise»), Scottish time is associated with the image of «eternal Scotland» (time of the heroic past), Scottish personages are particular people with their biographies and characters related to certain place and time. American space is contrasted to Scottish space in poetical texts, American time is the present time in which authors and their heroes live and act, American personages are less diverse and represented in few types.

Keywords: patriotism, dual patriotism, emigration, Scotland, the USA, 19th century, poetry.

УДК 821.162.1

**ВІРШ «ТИША МОРСЬКА» З ЛІРИЧНОГО ЦИКЛУ
АДАМА МІЦКЕВИЧА «КРИМСЬКІ СОНЕТИ»,
ОСОБЛИВОСТІ ЙОГО ПОЕТИКИ**

Гуменюк О. М.

**Кримський інженерно-педагогічний університет
Сімферополь, Росія
E-mail: uktlit_tnu@mail.ru**

У статті детально аналізується вірш Адама Міцкевича «Тиша морська», розглядається його художня структура й своєрідна роль у драматургії циклу «Кримські сонети». Ліричний цикл «Кримські сонети» належить до найбільш значимих у творчій спадщині визначного польського поета-романтика. Поезія «Тиша морська» – друга у циклі. Вона своєрідно розвиває образи й мотиви, заявлені у попередньому вірші – «Акерманські степи». Тут автор продовжує поетично осмислювати феномен невпинності й неосаяжності руху, невіддільного від людських переживань, пройнятого безперервною антитетичною мінливістю спокою й тривоги.

Медитативна розважливість, парадоксальна емоційність, настроєва гра проймає мальовничу пейзажну картину, подану в сонеті «Тиша морська», що промовисто свідчить про витончений художній психологізм, притаманний поетичній палітрі автора. В сонеті «Тиша морська» виразне передчуття тієї динаміки, яка поступово, можна сказати, за принципом крещендо розвивається, наростає в наступних творах циклу – «Плавба», «Буря», «Гірський краєвид із степів Козлова».

Ключові слова: Міцкевич, «Кримські сонети», «Тиша морська», поезика, образна структура, композиція, психологічний паралелізм.

ВСТУП

Ліричний цикл визначного польського поета Адама Міцкевича «Кримські сонети», вперше виданий разом із циклом «Любовні сонети» 1826 року в Москві мовою оригіналу, як відомо, приніс авторові неймовірну славу. Вже тоді ця вишукана поетична композиція викликала великий читацький інтерес, значу прихильність перекладачів і дослідників. І ця особлива зацікавленість «Кримськими сонетами» не вщухає й до сьогоднішнього дня. Серед перших інтерпретаторів творів циклу – українські поети-романтики, зокрема Левко Боровиковський, який перекладав кримські поезії А. Міцкевича українською і російською мовами. Нині маємо два класичні українські переклади «Кримських сонетів», здійснені такими визнаними майстрами як Максим Рильський [6] та Борис Тен [10].

М. Рильський також справедливо вважається одним з найбільш проникливих дослідників творчості польського поета, в тому числі й «Кримських сонетів». До таких дослідників належить і відомий український літературознавець Григорій Вервес, який зазначив: «Глибока ліричність, правдивість зображення складних людських почуттів, прониклива романтична розповідь про «Схід в мініатюрі» – Крим, про його природу, щира любов до рідної Польщі, до того ж високо поетична форма творів, – ось що захоплює читача в «Кримських сонетах» [1, с. 20].

Знаменитий цикл визначного польського поета-романтика розглядається в багатьох літературно-критичних розвідках і наукових працях [див. зокрема: 3; 5; 7; 8, с. 231–232; 9, с. 12–13; 12]. Однак далеко не всі художні аспекти цього поетичного циклу вивчені належною мірою. Особливе художнє багатство «Кримських сонетів», очевидно ж, не піддається будь-якому вичерпному трактуванню. В цьому покликаний переконати і пропонований у цій публікації та здійснюваний за принципом «close reading» («пильного читання») розгляд сонету, яким починається безпосереднє знайомство читача з художньо трансформованими поетом саме кримськими реаліями. В попередньому сонеті – «Акерманські степи», як можна судити з назви, означається лише передчуття майбутньої морської мандрівки, й там фігурують співвіднесені з морською стихією реалії причорноморського, але ще не кримського степу. В запропонованій публікації робиться спроба розглянути конкретний сонет не як підтвердження загальних поетичних особливостей циклу (саме такий підхід характерний для переважної більшості досліджень «Кримських сонетів»), а як самодостатній твір, який притому займає своє особливе місце в загальній композиційній структурі ширшого й складнішого тексту. Наукова новизна пропонованої публікації полягає в тому, що в ній вперше звертається увага на проведену саме через відповідно оформлені окремі вірші таку особливість композиційної структури «Кримських сонетів» як поступове наростання й згасання образно-інтонаційної напруги, емоційної насиченості. Саме під таким кутом зору тут розглядається сонет «Тиша морська» й окреслюється його своєрідне місце в позначеній багатогранним драматизмом композиції циклу.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ

Сонети А. Міцкевича в основному зберігають характерну для цієї жанрової форми чітку драматургію. Причому в сонетах польського поета не лише зберігається, так би мовити, зовнішня драматургічність, а й значно посилюється внутрішній драматизм. Саме звернення співця-романтика, який проголошує й творчо реалізує незалежність від будь-яких норм і канонів, до одного з найбільш нормативних і канонічних поетичних жанрів, не може не крити такого внутрішнього драматизму, потужного, навіть вибухового. Ця проблема доволі ґрунтовно висвітлена в окремих літературознавчих працях, зокрема в статті Наталі Сидяченко. Дослідниця насамперед нагадує про драматичні обставини життя молодого, але вже уславленого поета Адама Міцкевича, котрий за участь в антицарських студентських заворушеннях зазнав переслідувань, а відтак висвітлює психологічні спонуки автора, внаслідок яких він звертається до жанру сонета: «Царат прагнув приборкати прогресивний і патріотичний дух – засланням, а у випадку з Міцкевичем – безтурботним життям, розвагами, зрештою красою Одеси й Криму. Чи не нагадує це «накинені рамки», що сковують? Вважаємо, саме тому Міцкевич звернувся до строфічної форми сонета, висловлюючи свою тугу й свій захват, звернувся до форми, яка полонить найбільше. Так, Міцкевич був найбільшим віртуозом у ритмічному слові, але стимулом, гадаємо, було не хизування своєю майстерністю, Ця форма – іконічний знак, тобто той, що будується за принципом подібності, у цьому випадку – до «рамок», до ув'язнення. Психологічним стимулом для обрання сонета став стан вигнанця» [7, с. 99].

Отже весь цикл «Кримські сонети» має вишукану й глибоку драматургію. Тут, зокрема, можемо спостерігати кілька хвиль поступового наростання й пізнішого згасання поетичної експресивності. Таке наростання й згасання може нагадувати чергування морських припливів і відпливів. Також воно має виразний стосунок до характерної для романтичної літературної поезики наближеності до музики, споріднене, наприклад, з розвитком лейтмотивів у музичному творі, з такими музичними засобами як посилення й зниження динаміки (крещендо – димінундо).

Зовні лагідний і спокійний вірш «Тиша морська» (другий у циклі) криє в собі передчуття такого наростання.

Поезію «Степи акерманські», якою починаються «Кримські сонети», можна вважати своєрідною увертюрою циклу. Художній паралелізм степового простору й морської стихії, заявлений вже в першому рядку («Wpłynąłem na suchego przestwór oceanu...») – «Впливаю на простір сухого океану»), ніби готує нас до пізнішої безпосередньої зустрічі з цією стихією. Тут вельми характерні для всього циклу образи й мотиви руху, яскравої динаміки, мандрівки, а водночас величного спокою, особливої тиші, яка однак має своє звучання і таїть у собі немало загадок і дивовиж. Невимушено окреслена широка панорама степових просторів набуває під пером автора мало не космічної урочості, поєднується тут з увагою до найменших деталей, тонких нюансів, що в сукупності витворює епічно піднесено, драматично напружену й лірично проникливу картину. Детальніше про цей перший, вступний вірш циклу польського поета дивіться в одній з моїх попередніх публікацій [4]. Відповідні образи та мотиви розвиваються і в наступному творі – «Тиша морська», в підзаголовку якого («На височині Тарханкут») вперше, якщо не рахувати назви всього циклу, зринає конкретний кримський топонім.

В особливій нічній тишині «Акерманських степів» ліричному героєві здається, що він здатен почути не лише тріпотіння метелика на стеблині чи ковзання вужа в траві, а й до болю рідний голос із далекої Литви (вочевидь голос коханої, з якою йому довелося розлучитися). Не менш вражаючою постає цього разу тиша морська.

Тонкі інтонаційно-настрєві відтінки, легкі образні штрихи передають відчуття неосяжного спокою, який насправді сповнений динамічної мінливості, що вказує на його відносність... Вже сама присутність у вірші одного з домінантних тут образів – морського корабля, який тимчасово стоїть неподалік від берега, свідчить, що спокій, про який тут ідеться, не абсолютний, він може змінитися будь-якої миті. Цей спокій ніби зітканий з легкого тріпотіння прапора, таємничої гри хвиль, яка порівнюється з мріяннями сонної красуні:

Już wstążkę pawilonu wiatr zaledwie muśnie,
Cichymi gra piersiami rozjasniona woda;
Jak marząca o szczęściu narzecona młoda
Zbudzi się, aby westchnąć, i wnet znowu usnie
(Вже стьожки прапору вітер ледь-ледь торкається,
Грає тихими грудьми роз'яснена вода;
Як у мріяннях про щастя молода наречена
Прокидається, аби зітхнути, і знов засинає) [11].

Заявлений у першому рядку сонета образ корабля одразу ж ніби відступає на другий план, увага переноситься на неозору морську широчінь, тріпотлива грайливість якої в авторській подачі зрідні дівочим маренням (ця вигадлива метафора розгортається в трьох рядках першого катрена). А далі з верхівки найвищої щогли, на якій мріє прапор і за якою видніються неосяжні простори, погляд ніби опускається трохи нижче, чіткіше концентрується на кораблі, образ якого постає в мальовничих деталях другого катрену. Ці деталі також передають затаєну бентежність. Відтак можна сказати, що другий катрен не так антитетичний щодо першого, як далі розвиває його провідний інтонаційно-образний лад. А проте тут очевидні й риси певного контрасту. Адже ж у першому катрені переважає власне морський краєвид, а в другому, як зазначалось, виразніше проступають обриси корабля:

Żagle, na kształt chorągwi gdy wojnę skończoną,
Drzemią na masztach nagich; okręt lekkim ruchem
Kołysa się, jak gdyby przykuty łańcuchem;
Majtek wytchnął, podróżne rozśmiało się grono
(Вітрила, мов знамена після битви,
Дрімають на голих щоглах; корабель у легкому русі
Колишеться, ніби прикутий ланцюгом;
Матрос переводить дух, гроно мандрівців жартує).

Попри щойно відзначену контрастність образні деталі, що знаменують відносність відтвореного спокою, не лише проймають обидві перші строфи, а й навіть перегукуються між собою. Так само як лагідно-бентежно, ніби сонно (нагадуючи марення юної вродливиці) плещуться морські хвилі, дрімають і вітрила на голих щоглах, і можна не сумніватися в тому, що тих опущених вітрил, як і стьожки прапора, ледь-ледь торкається вітер і що ті вітрила будь-якої миті знов можуть бути здійняті, як бойові знамена. А тим часом у такт тріпотінню стьожки прапора погойдується на хвилях корабель, ніби прикутий до ланцюгів, що не дають йому змоги рушити вдаль, позіхає матрос і сміється весела компанія подорожніх. І матрос, який, певно, перед тим напружено пильнував біля стерна, і мандрівці відпочивають, хоча кожне по-своєму: служитель корабля переводить дух, а пасажери, вочевидь, жартують, раді прибуттю до берега. Вишукана взаємодія контрастів і нюансів надає художній мові автора вельми своєрідної фактурності, об'ємності, стереоскопічності, яка ще більш виразно виявляється в терцетній частині твору.

Наприкінці сонета маємо чітко окреслений поетичний паралелізм, увиразнений тотожністю синтаксичних конструкцій обох терцетів та анафоричним початком кожного з них: *O morze!.. – O myśli!..* Тут не лише продовження попередньої символічної картини затаєного спокою, а й її своєрідна квінтесенція:

*O morze! Pośród twoich wesołych żyjątek
Jest polip, co śpi na dnie, gdy się niebo chmurzy,
A na ciszę długimi wywija ramiony.
O myśli! W twojej głębi jest hydra pamiątek,
Co śpi wśród złych losów i namiętnej burzy,
A gdy serce spokojne, zatapia w nim szpony
(O море! Серед твоїх веселих дивовиж
Є поліп, що спить на дні, коли небо похмує,
А в тишині довгими щупальцями вигойдує.*

О думо! У твоїй глибині є гідра спогадів,
Що спить серед поневірян і шаленої бурі,
А коли серце спокійно, впивається в нього пазурами).

Сповнена усіляких дивовиж («wesołych żyjątek») морська глибінь порівнюється з незмірними обширами й загадками людської думки. Безперечно, що в романтичній концепції А. Міцкевича поняття людської думки, мислі виходить далеко за межі раціоналістичного осягнення світу.

ВИСНОВКИ

Ліричний цикл визначного польського поета-романтика Адама Міцкевича «Кримські сонети», створений невдовзі після подорожі автора на півострів, належить до найбільш значимих та популярних його творінь. У композиції циклу відчувається своєрідна динаміка – вірші тут подаються за принципом неухильного наростання, а потім завмирання руху природних стихій та людських переживань. Своєрідну роль у драматургії циклу відіграє поезія «Тиша морська», друга, з якою зустрічається читач, і перша, в якій поетично трансформуються безпосередні кримські реалії, що постають перед очима ліричного героя. Можна сказати, що разом з поезією «Степи акерманські» «Тиша морська» становить вступну, інтродуктивну частину, в якій заявляються художні реалії, що розвиваються в подальшому поетичному плинні циклу. Хвилюючі морські краєвиди, то лагідні й спокійні, то вкрай експресивні, радість любові, яка змінюється відчуттям гіркої розлуки, державна велич, яка обертається сумною руїною... – ці й інші образні й медитативні мотиви творять вишукану універсальну метафору плинності буття, його невсипущої мінливості. Обриси такої метафоричності доволі виразно означаються в сонеті «Тиша морська», в якій ідеться про відносність, тимчасовість на перший погляд, здавалося б, цілком стабільної та непорушної тиші.

Суттєву роль в аналізовану вірші, як і в усьому циклі, відіграє поетичний засіб психологічного паралелізму: образні штрихи зовнішньої картини вельми своєрідно, часто несподівано перегукуються з душевними переживаннями суб'єкта ліричної

оповіді. Морські пейзажі асоціюються з широкими обріями людської свідомості й навіть підсвідомості. Поетичні розмисли автора про особливі праглибини людської пам'яті (а про них ідеться, наприклад, і в сонеті «Аю-Даг») говорять про те, що польський письменник якоюсь мірою попереджає наукові відкриття психології початку ХХ століття.

В буденних клопотах і тривогах ми найчастіше забуваємо про свої затаєні душевні болі, а в тихі, спокійні, здавалося б, цілком щасливі миті, вони здатні з несподіваною гостротою нагадати про себе. Очевидно, щось таке й пригадалося ліричному героєві під час споглядання з височини Тарханкут чарівливого морського краєвиду. Певні нюанси ліричного сюжету дають змогу припустити, що ці душевні болі якимось пов'язані з тим неймовірно далеким і водночас украй близьким голосом із Литви, голосом коханої. почути який так жадалося мандрівцеві і на який було налаштоване усе його єство в особливій тиші, відтвореній у попередньому сонеті – «Акерманські степи».

Така парадоксальна емоційність, настроєвість проймає мальовничу пейзажну картину, подану в сонеті «Тиша морська», що промовисто свідчить про витончений художній психологізм, притаманний поетичній палітрі автора. В сонеті «Тиша морська» виразне передчуття тієї динаміки, яка поступово, можна сказати, за принципом крещендо розвивається, наростає в наступних творах циклу – «Плавба», «Буря», «Гірський краєвид із степів Козлова».

Список літератури

1. Вервес Г. Адам Міцкевич: критико-біографічний нарис / Григорій Вервес // Міцкевич А. Вибрані твори: у 2 т. – Т. 1 / Адам Міцкевич. – К. : Державне видавництво художньої літератури, 1955. – С. 5–43.
2. Вервес Г. Адам Міцкевич: життя й творчість / Григорій Вервес. – К. : Дніпро, 1979. – 142 с.
3. Гуменюк В. «Кримські сонети» в українській інтерпретації Бориса Тена / Віктор Гуменюк // *Slavia Orientalis*. – 2000. – Т. 39. – № 1. – С. 65–76.

4. Гуменюк О. М. Особливості поетики поезії Адама Міцкевича «Акерманські степи» з ліричного циклу «Кримські сонети» // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2018. – № 6 (38). – С. 232–239.
5. Ланда С. С. «Сонеты» Адама Мицкевича / С. С. Ланда // Мицкевич А. Сонеты / Адам Мицкевич. – М. : Наука, 1975. – С. 225–300.
6. Рильський М. Зібрання творів: у 20 т. – Т. 7: Поетичні переклади / Максим Рильський. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 29–39.
7. Сидячеко Н. Кримські почуття, ув'язнені в форму сонета / Наталя Сидяченко // Слово і час. – 2009. – № 9 (585). – С. 96–102.
8. Стахеев Б. В. Адам Мицкевич / Б. В. Стахеев // История польской литературы : в 2 т. / Ред. коллегия – В. В. Витт, И. С. Миллер и др. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – С. 214–249.
9. Стахеев Б. В. Адам Мицкевич / Б. В. Стахеев // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы / Адам Мицкевич. – М. : Художественная литература, 1968 / Библиотека всемирной литературы. – С. 5–20.
10. Тен Б. Зоряні сади: Сонети / Борис Тен. – К.: Рад. письменник, 1970. – С. 74–86.
11. Mickiewicz A. Dzieła poetyckie: t. 1–4. – Т. 1: Wiersze / Adam Mickiewicz. – Warszawa : Czytelnik, 1983. – S. 209–210. Тут і далі сонет «Тиша морська» цитується за цим виданням.
12. Charysz N. *Orientalizm «Sonetów krymskich» Adama Mickiewicza wobec inspiracji Johanna Wolfganga Goethego* / Natalia Charysz / Konteksty Kultury.– 2013. – Т 10. – № 3. – S. 272–287.

References

1. Verves H. *Adam Mickiewicz: Krytyko-biograficzny Narys* [Adam Mickiewicz: Critical and Biographical Sketch]. *Mickiewicz A. Wybrani Twory: u 2 Tomakh* [Mickiewicz A. Selected Works: in 2 Volumes]. Kyiv: Derzhavne Vydavnytsvo Khudozhnioyi Literatury [State Publ. of Fiction], 1955, vol. 1, pp. 5–43.
2. Verves H. *Adam Mickiewicz: Zhyttia i tvorchist'* [Adam Mickiewicz; Life and Creativity]. Kyiv, Dnipro Publ., 1979, 142 p.

3. Humeniuk V. "Kryms'ki Sonety" v *Ukrayins'kiy Interpretaciyi Borysa Tena* [Crimean Sonnets in Ukrainian Interpretation by Boris Ten]. *Slavia Orientalis*. 2000, vol. 39, no 1, pp. 65–76.
4. Humeniuk O. *Osoblyvosti Poetyky Poeziyi Adama Mickiewicza "Akermans'ki Step"* z *Lirychnoho Tsyklu "Kryms'ki Sonety"* [The Peculiarities of Poetics of Adam Mickiewicz's Poem *Akkerman Plaines* from the Lyrical Cycle *Crimean Sonnets*]. *Filologicheskyy Aspekt* [Philological Aspect]. *International Science and Practical Journal*, no 6 (38), 2018, pp. 232–239.
5. Landa S. "Sonety" *Adama Mickiewicza* [Adam Mickiewicz's Sonnets]. *Mickiewicz A. Sonnets*. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 225–300.
6. Ryl'sky M. *Zibrannia Tvoriv: u 20 Tomakh* [Selected Works: in 20 Volumes]. Vol. 7: *Poetychni Pereklady* [Poetry Translations]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1985, pp. 29–39.
7. Sydiachenko N. *Kryms'ki Pochuttia, Uvyazneni v Formu Soneta* [Crimean Emotions, which Are in Prison of Sonnet Form]. *Slovo i Chas* [Time and Word], 2009, no 9 (585), pp. 96–102.
8. Stakhiev B. V. *Adam Mickiewicz. Istoriya Pol'skoy Litieratury: v 2 Tomakh* [Adam Mickiewicz. History of Polish Literature: in 2 Volumes]. Moscow: Nauka Publ, vol. 1, 1968, pp. 214–249.
9. Stakhiev B. V. *Mickiewicz A. Stikhotvorieniya. Poemy* [Mickiewicz A. Worses. Great Poems]. Moscow: Khudozhesviennaya Litieratura Publ, 1968, pp. 5–20.
10. Ten B. *Zoriani Sady: Sonety* [Star Gardens: Sonnets]. Kyiv: Radians'kyi Pys'mennyk Publ., 1970, pp. 74–86.
11. Mickiewicz A. *Dzieła poetyckie: t. 1–4. – T. 1: Wiersze / Adam Mickiewicz. – Warszawa : Czytelnik, 1983. – S. 209–210.* Here and afterwards the sonnet *Sea Silence* is cited by this edition.
12. Charysz N. *Orientalizm «Sonetów krymskich» Adama Mickiewicza wobec inspiracji Johanna Wolfganga Goethego / Natalia Charysz / Konteksty Kultury.*– 2013. – T 10. – № 3. – S. 272–287.

**СТИХОТВОРЕНИЕ «ТИШЬ МОРСКАЯ» ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА
АДАМА МИЦКЕВИЧА «КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ», ОСОБЕННОСТИ ЕГО
ПОЭТИКИ**

Гуменюк О. Н.

Аннотация. В статье детально анализируется стихотворение Адама Мицкевича «Тишь морская», рассматривается его художественная структура и своеобразная роль в драматургии цикла «Крымские сонеты». Лирический цикл «Крымские сонеты» принадлежит к наиболее значительным произведениям в творческом наследии выдающегося польского поэта-романтика. Стихотворение «Тишь морская» – второе в цикле. В нем своеобразно развиваются образы и мотивы, заявленные в предыдущем стихотворении – «Аккерманские степи». Здесь автор продолжает поэтически осмысливать феномен безустанности и непостижимости движения, неотделимого от человеческих переживаний, пронизанного непрерывной антитегической изменчивостью спокойствия и тревоги.

Медитативная рассудительность, парадоксальная эмоциональность, игра настроения пронизывает живописную картину, поданную в сонете «Тишь морская», что красноречиво свидетельствует об утонченном художественном психологизме, присущем поэтической палитре автора. В сонете «Тишь морская» выразительно предчувствие той особой динамики, которая постепенно, можно сказать, по принципу крещендо развивается, нарастает в последующих произведениях цикла – «Плаванье», «Буря», «Горный пейзаж из степей Козлова».

Ключевые слова: Мицкевич, «Крымские сонеты», «Тишь морская», поэтика, образная структура, композиция, психологический параллелизм.

***THE SEA SILENCE POEM FROM ADAM MICKIEWICZ'S LYRICAL CYCLE
CRIMEAN SONNETS, THE PECULIARITIES OF ITS POETICS***

Humeniuk O. M.

Summary. The article deals with the detail investigation of Adam Mickiewicz's verse *The Sea Silence*. The author of the paper analyses in details its art structure and singular role in the dramaturgy of the cycle *Crimean Sonnets*. Lyrical cycle *Crimean Sonnets* belongs to the most significant works in the creative heritage by outstanding Polish romantic poet. *The Sea Silence* is the second poem in the cycle. It originally develops the images and motives, which are declared in the verse *Akkerman Plains* – the beginning of the *Crimean Sonnets*. Adam Mickiewicz continues here the poetical consideration the phenomenon of incessant and immense moving, which is inseparable from human trepidations and full of antithetical variations of quietness and troubles. The incessantness and incomprehensibility of movement, depicted in this poem, is generally authentic to the whole lyrical cycle.

Meditative reasonableness, paradoxical emotions, play of moods – everything penetrates here the picturesque landscapes, which are represented in the sonnet *The Sea Silence*. It is the marker of the refined psychological quality that is characterized to the author's creative manner. We can notice in the sonnet *The Sea Silence* the foreboding of the dynamics which gradually, as by the way of crescendo, develops and increases in the next works of lyrical cycle, such as *Sailing*, *Tempest*, *Mountainous Landscape in the Plains of Kozlov*".

Keywords: Mickiewicz, *Crimean Sonnets*, *The Sea Silence*, poetics, image structure, composition, psychological parallels.

УДК 801.6

**«А Я ПОЭТ. Я ВЕРЮ В БЕССМЕРТЬЕ...»:
ТЕМА ПОЭТА, ПОЭЗИИ, РУССКОГО СТИХА
В ЛИРИКЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО**

Макарова С. А.

**Издательство ООО «ЛЕКСРУС»
Москва, Россия
E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com**

В статье рассматриваются интерпретационные особенности одной из главных тем в лирике И. Л. Сельвинского – поэта, поэзии и русского стиха. В оригинальной трактовке Сельвинского поэзии сопутствуют мотивы тайны, безотчетности, вдохновения, любви. У поэзии – великая сила творческого преобразования действительности. Сельвинского глубоко волнуют вопросы художественного мастерства: соотношения версификационной техники и содержательного строя произведений, соответствия идейных смыслов поэзии – требованиям времени и высоким идеалам. Поэт остро переживает непонимание неискушенных читателей и предвзятых критиков, сложные отношения с эпохой исторических катаклизмов и технического прогресса. Для Сельвинского поэт и поэзия неотделимы от нравственного самоопределения, ведь лирическое творчество предполагает как развлекательные интенции, громкую славу, зависимость от мнения современников, так и пробуждение памяти поколений, служение народу, призыв к борьбе, обращение к вечности. Истинная поэзия неразрывно связана с творческим сопереживанием, задушевным лиризмом, исповедальной открытостью – Сельвинский не случайно сравнивает поэта с композитором, а звучащий стих уподобляет музыке: эти идеи раскрываются не только в лирическом творчестве, но и в теоретических работах. В лирике Сельвинского тема поэта и поэзии вовлекается в философские размышления о свободе творчества, бессмертии, возможностях словесного искусства. Поэзия для Сельвинского – это высший дар, но вместе с тем и серьезная ответственность перед самим собой, обществом, историей.

Ключевые слова: назначение поэзии, миссия поэта, стихотворная техника, автобиографическое начало, многообразие мотивов, теоретические представления.

ВВЕДЕНИЕ

Творчество И. Л. Сельвинского (1899–1968) отличается редким тематическим и жанровым разнообразием, которое обусловлено как эпохой стремительного развития нового социалистического государства в 1920–1960-е гг., так и гражданской позицией поэта, вовлеченного в художественное осмысление революционных и военных событий, политических и экономических преобразований, общественных и духовно-нравственных трансформаций. В поэтическом творчестве Сельвинского «вечные» темы любви, природы, искусства, смерти, хода времени сосуществуют с актуальными темами технического прогресса, советской культуры, идеологического противостояния стран, освоения новых территорий и космического пространства – в

своей идейно-содержательной целостности они к тому же ярко окрашены автобиографическими мотивами. Опираясь на художественную преемственность отечественной словесности, Сельвинский продолжает дальнейшую разработку не только жанров лирического стихотворения, сонета, юморески, басни, песни, но также стихотворной драмы, лиро-эпической поэмы, романа в стихах, выступая при этом новатором русской версификации, системно истолкованной в теоретических работах. Глубоким осознанием исторических особенностей стихотворной речи, художественных взаимосвязей литературных эпох объясняется индивидуальная интерпретация «вечной» темы поэта и поэзии, неотделимых от русского стихосложения, – данная тема наиболее полно раскрывается в лирике Сельвинского, эмоционально насыщенной, исповедально открытой, содержательно богатой. Масштаб личности поэта, самобытность его лирического творчества, значимость версификационных инноваций все больше актуализируют историческую необходимость литературоведческой причастности к оригинальному таланту Сельвинского. Всестороннее исследование его эстетических представлений о специфике русского стиха, миссии поэта, роли поэзии в бытийной сущности двадцатого столетия становится одной из самых важных задач, продиктованных запросами эпохи рубежа XX–XXI вв., отечественными традициями литературной классики и филологической науки.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Эстетическое самоопределение Сельвинского обусловлено эпохой 1920-х гг., когда молодой поэт, увлеченный романтикой строительства страны советов, новой экономической политики, развития социалистической культуры, становится одним из главных идеологов конструктивизма – последнего художественного течения, вобравшего в себя наиболее яркие авангардные тенденции в отечественной словесности рубежа XIX–XX вв. Художественной программе и жизнестроительным декларациям конструктивистов сопутствует разработка тактового стиха, призванного воплотить небывалую многогранность поэтического содержания, новаторских интенций современной жизни. Послереволюционной эпохе созвучны не только

стихотворные эксперименты, но и идейно-эмоциональный пафос творчества Сельвинского, убежденного в главном: «Как всякий поэт, я – сердце статистики: / Толпоголос мой голый язык» [2, с. 97].

Художественное утверждение конструктивизма происходит на фоне активной полемики с футуристами, эстетического противостояния И. Л. Сельвинского и В. В. Маяковского. Шумный успех Сельвинского, своим версификационным искусством не уступавшего поэтическому таланту Маяковского, сопровождается теоретическим спором о содержательном диапазоне и новом герое лирического творчества, агитационном стиле, художественных возможностях акцентного и тактового стиха. Декламационно-тонической системе Маяковского Сельвинский отказывает в напевности, свойственной русской лирике на всех этапах ее исторического развития: Сельвинский считает, что «безмузыкальность» акцентного стиха способна превратить поэзию в «какой-то интеллигентский раек XX века» [3, с. 393].

Между тем ни острая конфликтность идейной полемики двух лидеров поэтического авангарда, ни досадная краткосрочность творческой славы Сельвинского, переросшей в десятилетия духовного самостоянья поэта, ни беспощадный разгром конструктивизма в начале 1930-х гг. не смогли опровергнуть те значимые субстанции, которые стали более очевидными после смерти Маяковского в 1930 г. Маяковский для Сельвинского – это прежде всего исторический «голос» современной эпохи и будущей цивилизации: «Он... Неисчерпаемый, как Черное море, / Нагроможденный, точно Кавказ, / Он, чей голос гудел векам <...> / Ушел из армии живых?!?» [1, с. 130]. За этим, казалось бы, исчерпывающим обобщением, сформулированным в стихотворении «На смерть Маяковского» (1930), следуют не менее емкие. В «HOTEL “ISTRIA”» (1935–1954) Сельвинский признает не только огромную роль Маяковского в своей поэтической судьбе – «Немалым я был обязан ему, / Хоть разного мы направленья», он также признает общность конечных целей их творчества: несмотря на то что «...за поэтами с давних лет / Рифмач пролезает фальшивый», они боролись за высокие ценности

русской поэзии, ибо «Стих для нас – головня! <...> / Слово – это искра солнца» [2, с. 315–316].

Именно в 1920-е гг. к Сельвинскому приходит осмысление проблемы версификационной техники и ее соотношения с содержательной подлинностью лирических произведений. Уже в раннем венке сонетов «Юность» (1920) поэт бескомпромиссно заявляет: «Я не хочу рифмованных потуг – / Во мне уже поэзия звучала!» [2, с. 90]. Владение стихом для Сельвинского – это чрезвычайно важное, но отнюдь не главное условие для авторской реализации идейных смыслов поэтических сочинений, их органичного восприятия и художественного воздействия на читательскую аудиторию.

В более поздних произведениях эта идея обогащается другими содержательными обертонами. Так, в стихотворении «Все девки в хороводе хороши...» (1949) для доказательства положения о художественной целостности поэтического сочинения Сельвинский сравнивает стихотворный текст с женским хороводом. Охваченные совместным творчеством, «девки» преображаются в красавиц, но если «вытащить» из общего хоровода хотя бы одну и присмотреться, то разочарования не избежать – она окажется «рябой»: «Не так ли и строка стихотворенья? / Вглядишься – не звучна и не стройна, / Вернешь ее стихиям – и она / Вся пламя, вся полет, вся вдохновенье» [2, с. 444]. Потому версификационная техника не может свидетельствовать ни о поэтическом таланте или творческом вдохновении автора, ни о литературной состоятельности или художественной значимости сочинения. Владение стихом необходимо исключительно для максимально полного выражения лирических порывов и духовного опыта поэта, а также раскрытия содержательной емкости и органичности художественной формы – к осознанию этой мысли Сельвинский призывает в стихотворении «Поэт, изучай свое ремесло...» (1959): «Поэт, изучай свое ремесло, / Иначе словам неудобно до хруста, / Иначе само вдохновенье – на слом! / Без техники нет искусства <...> / Единственный возможный в поэзии порок – это порок сердца» [2, с. 470].

Говоря о периоде смелых стихотворных экспериментов Сельвинского, неотделимых от общественно-социальных инноваций 1920-х гг., следует

подчеркнуть не только их исторический смысл, но и серьезное значение для дальнейшего эстетического самоопределения. В книге «Я буду говорить о стихах» Сельвинский писал: «<...> я уже давно перерос юношескую стадию экспериментаторства: мастерство ушло у меня в кончики пальцев» [3, с. 64]. Действительно, начиная с 1930-х гг. на смену инновационным формам поэтического искусства приходят классические разновидности русского стиха, дерзкие конструктивистские опыты перерастают в обоснованную реалистическую поэтику. Стихотворение «Декларация прав поэта» 1930 г. демонстрирует и другую необходимость – художественного сопряжения собственных эстетических представлений с идеологической направленностью творчества и политическим курсом государства. Сельвинский отказывается от каких-либо компромиссов, оставляя за собой право на индивидуальный путь в искусстве, который будет выверяться открытой правдивостью, активной гражданской позицией, глубокой причастностью к жизни народа, истинными критериями нравственности: «Долг поэта – греметь в барабан, / Кровь свою сливая с солдатской кровью; / Долг поэта – плестись, где арба, / С флейтой, омывающей долю вдовью; <...> / Право поэта в том, чтоб рычать / О самой мельчайшей массовой боли; / Право поэта – уметь, как рычаг, / Сдвинуть эпоху на нужное поле...» [1, с. 137].

Поэтические декларации 1930 г. ни на йоту не разошлись с магистральными линиями творчества Сельвинского 1930–1960-х гг., предопределив многие художественные акценты и смысловые мотивы в раскрытии темы поэта, поэзии и русского стиха.

Прежде всего заметим, что Сельвинскому, несмотря на гражданскую позицию, очень сложно отказаться от романтики, неизбежно присущей лирическому творчеству. Для Сельвинского поэтические настроения, образы, темы не всегда подотчетны разуму и во многом непреднамеренны в способах выражения – в названии «Реплика» (1960) просматривается полное соответствие главной идее стихотворения: «Стихи, как сны, – над ними власти нет» [2, с. 211]. Рождение поэтического слова – это рационально непостижимая тайна. Краткая встреча способна вызвать необъяснимое лирическое волнение, творческие фантазии, даже

если они материализуются, казалось бы, в самых прозаичных бытовых деталях, – в стихотворении «Вы забежали к нам накоротке...» (1960) романтический шлейф усиливается мотивом дымки, за которой скрываются не только сила женского обаяния, но и предчувствие поэтического творчества: «И в этой дымке шоколадно-зыбкой, / В живом пятне меж мертвых папирос / Почудилась дрожащая улыбка / И слово, что еще не родилось» [2, с. 212].

Поэзия для Сельвинского – самодостаточная «планета», непреодолимая духовная власть. Но с миром романтики, настойчиво захватывающей отзывчивую душу поэта, совладать непросто. Нередко кажется, что любовь – неподвластная, вечная, непреложная – сильнее творчества. В стихотворении «Стихотворцу-неудачнику» (1959) Сельвинский пытается убедить в том, что готов «обменять» поэмы на «поэзию» любви: «Влюблен? Ну, значит, нет проблемы! / Меняю все свои поэмы / На шалости твои, Любовь» [2, с. 211]. В другой момент представляется бóльшее: любовь – это не что иное, как сама поэзия. В «Осени» (1959) эта идея даже сопровождается мотивом бессмертия – в духе романтической философии поэтического бессмертия: «Да и к чему сонеты и баллады? / Ведь ты испепеляла каждый стих, / Во мне самой поэзией была ты. / Я сквозь любовь бессмертие постиг» [2, с. 471].

Творческие иллюзии Сельвинского опровергаются правдой жизни: поэзия не подлежит «обмену» или «испепелению», особенно если она и дар, и вера, и судьба. Вместе с тем в экспрессивной ассоциации «любовь – поэзия» есть своя, художественная правда: она заключается в таланте эмоционального соучастия, лирического сотворчества, который способен предопределить как художественный уровень стихотворного произведения, так и историческое значение поэта. В стихотворении «Плохие поэты обычно фальшивы...» (1963) Сельвинский размышляет о типах поэтов-лириков. Сельвинский признается в том, что в стихотворном «цехе» есть плохие поэты: они фальшивы, «ибо работают ради наживы», а не для души. Среди поэтов есть и хорошие авторы: их художественная сила обусловлена искренностью, правдивостью. Но хороший поэт высказывается ровно настолько, насколько ему позволяет чувство разумности: он не способен

раскрыть многообразие своих чувств, настроений и вовлечь читателя в стихию сопереживания. Только гениальному поэту свойственно «безумие» задушевного лиризма: «Когда же является истинный гений, / С души он срывает заветный покров, / Он весь перед миром в огнях откровений, / Как хлынувшая из аорты кровь» [2, с. 508].

Сельвинский не просто отождествляет лиризм высказывания с поэтическим даром, он искренне убежден в том, что в эпоху технического прогресса человечество всецело посвятило себя службе разуму, способному предать в самой непредсказуемой форме. В стихотворении «Однажды у телевизора» (1966) Сельвинский рисует гротескную картину симфонического концерта, лишённого звуковой партии во время телевизионной трансляции. Для музыки звуки, воссоздающие мир человеческих чувств, – это и своеобразная «душа», и глубокое содержание, и единственно возможный способ существования. Лишенная звучания, музыка теряет ни много ни мало все, а музыканты превращаются в комические образы, которые бессмысленно «прыгают, как шимпанзе», пытаются управлять оркестром, неистово «мчатся» по фортепианной клавиатуре, «перерезают горло» у виолончели, «дуют» во флейты, стремясь убедиться в собственной значительности. Так и человек – без эмоциональной жизни, лирических переживаний он утрачивает не только собственную неповторимость, но и всю бытийную сущность. Это дает полное основание для пронзительного призыва: «Эй, скорее: стихов или музыки – / Мир без музыки сходит с ума» [2, с. 558].

Идеи об исключительной значимости эмоционального содержания и углубленного лиризма, высказанные в поэтических произведениях, самым подробным образом обосновываются в теоретических работах Сельвинского. В главной из них – «Студии стиха» (1962), написанной на основе огромного опыта преподавания в Литературном институте имени А. М. Горького, Сельвинский рассматривает три вида поэзии: лирику, эпос и драму. Вслед за другими литературоведами, родо-видовой особенностью лирики поэт-теоретик считает выражение чувств. За детальным анализом разновидностей эмоций и способов их художественного воплощения следует весьма примечательное обобщение: «лирику

создает страсть» [3, с. 463]. Чистый теоретик, скорее всего, отметил бы переживания, эмоции, настроения. Поэт-практик Сельвинский, выстраивая свои теоретические выводы, указывает на высшую, возможно, максимальную степень проявления чувств в лирическом творчестве – страсть. Сельвинский не менее убедительно размышляет и о других видах поэзии, подчеркивая, что в эпических произведениях системообразующими компонентами являются события и люди, «творящие эти события», а в стихотворной драме – действия и переживания героев, реализованные в сюжете и диалогах [3, с. 466–478]. При этом и для поэтического эпоса, и для стихотворной драмы существенное значение имеет лирическое начало – Сельвинский настаивает: «Хотя лирика теоретически относится к определенному виду поэзии, она входит в эпос и драму: трагедия превращается в драмодельщину, а эпопея в стихоплетство, если они не согреты дыханием лирической стихии. Лиризм – душа поэзии» [3, с. 466]. Становится очевидно, что в теоретической концепции Сельвинского лиризм объединяет все разновидности поэзии, но степень лиризма обуславливает специфику лирики, эпоса и драмы.

Поэтическое творчество Сельвинского отличается напряженной эмоциональностью, повышенным лиризмом, уходящими то в подтекст, как во многих лиро-эпических произведениях, то в лирический сюжет, как в большинстве стихотворений. Но даже этого Сельвинскому недостаточно: поэт безраздельно предстает «перед миром в огнях откровений», когда в лирических сочинениях обращается к автобиографическим мотивам и исповедальным интонациям. В стихотворении с «говорящим» названием «Из дневника» (1954) Сельвинский признается в мучительном нездоровье, наступающей старости, душевной усталости, эмоциональной обремененности, художественной недосказанности: «Я столько видел, пережил, продумал, / О стольком я еще не написал, / Не облегчил души, не отрыдался, / Что новые сокровища событий / Меня страшат, как солнечный удар!» [2, с. 451]. «Из дневника» мы частично узнаем и о сложной судьбе поэта, который знал, что такое голод, сидел в тюрьме, «был в чумном карантине», «тонул в реке Камчатке» и Ледовитом океане, «фашистами подранен и контужен». Сельвинский пытается отказать от новых жизненных впечатлений, но безуспешно: усталость души

опровергается памятью молодости, когда поэт собирается поехать на освоение целинных земель, в Кокчетав.

Аналогичным образом структурируется содержание еще одного стихотворения, «Прелюд» («Вот она, моя тихая пристань...» 1957). Исповедь сердца звучит во взволнованных словах Сельвинского: «Сколько падал я, подымался, / Сколько ребер отбито в боях! / До звериного воя влюблялся, / Ненавидел до боли в зубах» [2, с. 462]. Сельвинский рад тому, что в его сознании письменный стол ассоциируется с «тихой пристанью», душевным спокойствием. Усталость и огорчения забываются – стоит только взять перо «для тихого слова». Но совершенно неожиданно творческий процесс преобразается: духовный опыт подсказывает, что вместе с пером поэт «поднял ружье», что он, как и раньше, погружается в стремительный водоворот исторических событий, драматичные ситуации страстных переживаний, боевую тональность «громкого слова»: «Снова пламя! Видения снова! / И опять штормовые дела» [2, с. 462].

Конечно, особой эмоциональностью и автобиографическими мотивами Сельвинский обязан не только исторической эпохе, но и личной судьбе – его решительно невозможно назвать «кабинетным» поэтом. Сельвинский всегда участвовал в тех событиях, которые переживала вся страна, – беспримерной причастностью к суровым испытаниям, «диалектике души» народа определяется масштаб личности поэта, познавшего специфику многих профессий, ужас белогвардейского плена, ранения и контузии во время Гражданской и Великой Отечественной войн, борьбу за жизнь на ледоколе «Челюскин», фатальность встречи с И. В. Сталиным, тяжесть освоения целины. Исторический опыт обогащается впечатлениями от поездок по всей стране, в зарубежные государства: Турцию, Польшу, Чехословакию, Данию, Австрию, Германию, Францию, Англию, Японию. Творчество Сельвинского вызывает резкое неприятие партийного руководства и официальной критики, что остро переживается поэтом, – в 1930–1940-е гг. его обвиняют то в вольномыслии, космополитизме, то в порочном, антипартийном курсе, признавая произведения антихудожественными и вредными.

Обреченный на сложную судьбу, переполненную событиями и потрясениями, Сельвинский не может не выразить себя в творчестве. На помощь приходит в первую очередь лирика, требующая духовной мудрости, душевной исповедальности, стихийного лиризма. Не случайно, эмоционально шокированный жестокостью фашистов во время Великой Отечественной войны, Сельвинский писал: «Вчера посетил ров под Керчью, где лежат 7000 расстрелянных женщин, детей, стариков... И я их видел. Сейчас об этом писать в прозе не в силах, нервы уже не реагируют, что мог, выразил в стихах...» [2, с. 678]. Не подлежит сомнению, что глубоким лиризмом окрашены не только личные впечатления, художественные образы, разнообразные темы лирического творчества Сельвинского, но и его индивидуальное прочтение темы поэта, поэзии и русского стиха, вобравшей в себя содержательное богатство исторической эпохи и духовного опыта автора.

В поэтическом искусстве Сельвинскому дорога сила творческого преображения. Выстраивая реалистическую эстетику, поэт безоговорочно признает первичность явлений окружающего мира. Но в поэтическом творчестве они предполагают художественную «переплавку». Лирика в большей мере, по сравнению с эпосом и драмой, тяготеет к идеализации реальной действительности. В стихотворении «Моя знакомая русалка» (1936) Сельвинский аргументирует эту мысль на примере далеко не «поэтического» образа калеки – это не только эстетическое, но и нравственное обоснование: «Поэзия! Великое искусство! / Могуче обаяние твое... / Вот человек. Он родился калекой. / Но ты его увидела прекрасным! / И он становится счастливым, гордым, / он славит то, что было до сих пор / его проклятьем...» [2, с. 168–169]. В свою очередь, Сельвинский счастлив тем, что имеет право поэта «чужое горе переплавить в радость» [2, с. 169]. В стихотворении «Трагедия» (1958) вопрос о творческом преображении действительности перерастает в более широкую проблему художественных возможностей и эстетических границ искусства. Сопоставляя творческие способности поэта и композитора, Сельвинский сожалеет о том, что многочисленные звуки, слышимые композитором, воплощаются в нотных текстах лишь частично – так и поэт: «Он поет, как птица, но при этом / Слышит, как скрипит

земная ось» [2, с. 467]. Искусство предполагает неизбежное «умолчание» – распознать недосказанное предстоит слушателю и читателю.

Осмысливая специфику поэтического творчества, Сельвинский нередко обращается к сравнительным характеристикам с другими видами искусства. Из стихотворения «Гуно – Лист» (1962) явно следует, что кинематографу поэт отказывает в побуждении к сопереживанию, – герой кинокартины остается «независимым» от зрителей, наблюдающих «со стороны» за происходящим на экране. «Иное дело – поэзия», – восклицает Сельвинский [2, с. 501]. Поэзия всецело направлена на эмоциональное соучастие, которое начинается еще на этапе творческого процесса автора: «Но этого мало: ты / Среди авторских палитр / Несешь и свои мечты: / Вот перед нами герой. / Возьми хотя бы Грэт. / Автор тонкой игрой / Подсветил этот женский портрет; / В огоньках блистает рука, / Горностаи стан охватили, / Она белокура, как... / Соседка твоя по квартире» [2, с. 501–502]. Автор поглощен процессом художественного преобразования, он поэтизирует лирическую героиню, в своих чувствах и фантазиях все больше отдаляясь от реальных деталей. В данном стихотворении присутствует еще одно сопоставление – поэзии и музыки: оно очень необычно, так как построено на аллюзиях, требующих музыкальной эрудиции. Художественные трансформации образов соседки по квартире и Грэт ассоциируются у Сельвинского с творчеством Баха – Бузони и Гуно – Листа. Как известно, итальянский композитор рубежа XIX–XX вв. Ф. Бозони осуществлял прекрасные переложения произведений знаменитого И. С. Баха, а известный виртуоз XIX в. Ф. Лист писал транскрипции произведений своего французского современника Ш. Гуно. Для Сельвинского лирическое сопереживание, творческое преобразование реальных и художественных образов сродни оригинальным переложениям Бозони и Листа.

Из вышеизложенного материала можно было заметить, что к лирическим рефлексиям на тему поэта, поэзии и русского стиха Сельвинский активно привлекает различные аналогии, связанные с миром музыки. Для творчества Сельвинского синтез словесного и звукового искусств – характерная особенность, требующая специального комментария. Это поразительно, но лирика Сельвинского

действительно пронизана музыкой. Поэт одинаково увлеченно описывает звучание классических и джазовых произведений («Лебединое озеро» 1943, «У современности свои права» 1962), обильно использует как хорошо известную, так и узкопрофессиональную музыковедческую терминологию (скрипичный ключ, три форте, пианиссимо, флажолет, кантилена). Во многих лирических стихотворениях музыка является главной темой («Дуэт с японкой» 1932, «Шумы» 1954), в других сочинениях – сопоставляется с яркими образами («Тайна Бетховена» 1966, «О музыке, но не только» 1968). Внимание Сельвинского привлекают музыкальные жанры и формы, которые, несомненно, обогащают современное поэтическое искусство («Три песни» 1934, «Романс» 1959, «Космическая соната» 1934–1961, «Моление о чуде (Сюита)» 1963). Музыка подключается к раскрытию самых разных социально-политических, нравственно-эстетических, культурно-исторических, философских проблем, выявляя ценностные приоритеты личности, общества, человечества («Охота на нерпу» 1932, «Всемир! Всемир! Всемир! (Апокалипсис XX века)» 1957).

Вместе с тем еще одна грань музыкального искусства становится для Сельвинского едва ли не всепоглощающей – это экспрессия звуковой фактуры, которую поэт проецирует на звучание стихотворной речи: «Стихи – это, в сущности, ноты. / Тоска на них песню повесила, / Где паузы и длинноты, / Но ты их читаешь по своему, / Варьируя в ритме и темпе, / С певучестями или воями / В своем прогоняя тембре. / Ты здесь почти композитор» [2, с. 501]. Фрагмент из процитированного стихотворения «Гуно – Лист» можно смело рассматривать в качестве лирической иллюстрации к версификационной теории Сельвинского, подробно изложенной в «Студии стиха». В основе стиховедческой концепции поэта-практика лежит идея «певучести», присущей как музыке, разговорной речи, так и русскому стиху. «Певучесть» поэтического языка раскрывается в чередовании ударных и безударных слогов, наиболее ритмично организованных, как представляется Сельвинскому, в тактовом стихе [3, с. 363, 401]. Тактовую версификацию Сельвинский считает самой музыкальной и предлагает времяизмерительный принцип ее звуковой интерпретации: «Время звучания строки должно быть определенным, но сочетание сильных и слабых слогов может быть абсолютно свободным» [3, с. 404].

Следовательно, при исполнении стихотворных произведений будут структурно значимы компоненты, присущие музыкальному искусству: звуковые длительности, ритмические сочетания, паузы, темпы. Сельвинский доказывает, что тактовый стих, организованный по аналогии с музыкально-тактовой метро-ритмикой, не предполагает скандирование, тактовик требует дирижирования, – и приводит примеры дирижерских схем поэтических сочинений.

Подключая к анализу музыкально-тактовой концепции Сельвинского достижения современного стиховедения, необходимо отметить как ее творческую направленность, так и индивидуальный характер, предопределенный эпохой звучащего стиха, «живого слова» 1920-х гг. Конечно, времяизмерительные принципы не могут распространяться на качественную систему русской версификации, но системные представления Сельвинского о метро-ритмических формах стиха, разновидностях рифмы, типах поэтической композиции, фонетическом строе произведений свидетельствуют о глубокой причастности поэта-теоретика к традициям отечественной словесности и филологической науки. В данной связи достаточно вспомнить поиски музыкальности слова в лирическом творчестве В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, А. К. Толстого, Я. П. Полонского, «старших» и «младших» символистов, а также музыкальные теории стиха И. С. Рижского, А. М. Кубарева, В. И. Классовского, Ф. Е. Корша, Д. Г. Гинцбурга, Н. Н. Шульговского, М. П. Малишевского, представителей формальной школы и др. В теории и практике Сельвинский продолжает развитие важнейших тенденций.

Теоретические штудии во многом объясняют особый интерес Сельвинского к теме русского стиха в лирическом творчестве. В поэтических произведениях русский стих не отождествляется со стихосложением или версификационной техникой – эта проблема уже рассматривалась ранее. Понятие «русский стих» не всегда синонимично и прямому значению слова «поэзия». Лирические контексты обогащают словосочетание «русский стих» многочисленными коннотациями, с которыми ассоциируется очень емкая и разноплановая семантика: это и стихотворная речь, совокупность стихотворных произведений в отечественной литературе, поэтические традиции, это также вдохновение, избранничество, дар, но в не меньшей

степени – высокая любовь, культурное величие, национальная гордость. Так, в «Прелюде» («Черный лебедь, похожий на ноту...» 1934) Сельвинский останавливается на раскрытии проблемы преемственных связей в стихотворном искусстве. Поэт не сомневается в том, что в современную эпоху писать так, как это было свойственно классическим поэтам XIX в., невозможно – «Век не тот и задачи не те» [2, с. 427]. Но пренебрегать культурными взаимосвязями тоже недопустимо: «Мы в искусстве не прихожане, / И давненько усвоить пора б, / Что традиция не подражанье, / Ученик далеко не раб» [2, с. 428]. Сельвинский выступает за творческое обновление стихотворной речи, которое бы основывалось на вдохновенном «полете», ведь если говорить о преемственности и новаторстве, «То из русских великих традиций / Я беру основное: полет!» [2, с. 428]. Осознавая себя поэтом XX столетия и остро чувствуя стремительную динамику жизни, Сельвинский оставляет за собой право, как ему писать – «ямбом или не ямбом»: «Закопченный в дыму сражений, / Не люблю идеалов пустых. / Нет поэзии совершенной: / Есть живой или мертвый стих» [2, с. 428].

В стихотворении «России!» (1942) Сельвинский продолжает развитие темы русского стиха, высказывая широкие обобщения относительно историко-культурной значимости преемственных связей в поэзии. Сельвинский признается в любви к России, ее природе, женщинам, народу, слову. Поэт восхищается русским стихом, сумевшим выразить содержание национального бытия и вписать себя в историю мировой культуры. Сельвинский считает себя продолжателем художественных традиций классической и модернистской литературы – духовное наставничество не знает ни временных, ни пространственных границ: «Люблю великий русский стих, / Не всеми понятый, однако, / И всех учителей своих – / От Пушкина до Пастернака. / Здесь та большая высота, / Что и не пахнет трын-травой, / Недаром русское всегда / Звучало в них как мировое» [2, с. 367].

С высокой тональностью русской литературной классики взаимосвязаны размышления Сельвинского о целях и задачах поэтического творчества. Стихотворение «Поэзия» (1941), написанное во время Великой Отечественной войны в действующей армии, можно рассматривать в качестве программной декларации о

назначении поэзии и миссии поэта. Сельвинский отвергает развлекательные возможности версификационного искусства, предполагающего «игру» с рифмами, – истинная поэзия далека от «шутки». Сельвинский категорично отрицает индивидуалистичные мотивы творческой деятельности – настоящий художник утверждает свою «взволнованную речь» не ради славы. Поэт, одержимый поиском идейного смысла творчества, мучительно «переставляет слова» совсем в других целях: «В глубинах слова я постиг: / Свободы грозная стихия / Из муки выплеснула стих! / Вот почему он жил в народе. / И он вовеки не умрет / До той поры, пока в природе / Людской не прекратится род» [2, с. 345]. Поэзию Сельвинский называет «службой крови», которую автор, познавший стихию свободы творчества, «переливает» народу во имя борьбы, победы, ведь русский стих всегда «шел на баррикады» и «окликал бойцов, тоскующих о нем» [2, с. 345–346].

Осмысливая общественно-социальную роль поэзии, Сельвинский отстаивает необходимость сохранения исторической памяти, ибо она связана с судьбами людей, отдавших жизнь ради торжества мира, красоты, счастья. В стихотворении «У истории плохая память!...» (1947) Сельвинский прямо заявляет: «Много дел сегодня у поэта, / Но одно насущнейшее: это / Трауром по убиенным быть, / Медью стансов, бронзой сонета, / Лавой колокольной – в зиму, в лето – / Память человечества будить» [2, с. 440]. В поэзии Сельвинский видит как общественно-социальную, так и нравственную силу. Поэтическое слово выверяет характер духовных ценностей личности, способствует воспитанию души. В стихотворении «Человек выше своей судьбы» (1960) поэт пишет о том, что русский стих помогает сберечь волевые устремления человека, чувство собственного достоинства, индивидуальный смысл жизни: «Что б ни случилось – помни одно: / Стих – тончайший громоотвод! / Любишь стихи – не сорвешься на дно: / Поэзия сыщет, поймет, позовет» [2, с. 482]. При этом поэт не осознает себя ни прорицателем, ни пророком. В стихотворении «От имени земного шара» (1965) Сельвинский называет себя «только поэтом» и ничуть больше. Но миссия «поэта земного шара» и без прорицательных, пророческих намерений столь высока, что позволяет говорить от лица человечества, озвучивая главное требование жизни – мира во всем мире: «Не прорицатель я, / не пророк – / я только поэт / и только

поэтому / вам говорю / от имени земного шара: / ТРЕБУЕМ! МИРНОЙ! ЖИЗНИ! / Мы, миллиарды людей, / больше того: человеков» [2, с. 648]. В XX столетии была развязана кровопролитная вторая мировая война, а вслед за ней – жестокие войны во Вьетнаме, Доминиканской республике, Анголе, Мозамбике, Конго: у поэта есть неотъемлемое право напомнить миллиардам людей, что человек – это не предмет статистики, а единственная гарантия жизни цивилизации, способной сохранить себя исключительно в состоянии мира.

Несмотря на активное участие Сельвинского в исторической судьбе страны и народа, возвышенное осмысление творческой деятельности, его поэзия остается непонятой современностью. Психология читателя, оценки литературной критики, взаимоотношения поэта и эпохи – очень важные проблемы, которые Сельвинский настойчиво поднимает в ходе лирического раскрытия темы поэта, поэзии и русского стиха. В стихотворных сочинениях можно обнаружить мотивы личной драмы – лирическая героиня Сельвинского неизмеримо далека как от поэзии, так и от духовных поисков, художественного таланта автора: «Что мне в даровании поэта, / Если ты к поэзии глуха, / Если для тебя культура эта – Что-то вроде школьного греха» [2, с. 196]. При этом ключевой вопрос, связанный с творческим непониманием, поэт выносит в название другого стихотворения – «Легко ли душу понять?..» (1960). Сельвинский убежден, что среди множества примет есть одна черта, которая моментально обнажает духовный потенциал личности: «Скажи мне, кто твой поэт, / И я скажу тебе – кто ты» [2, с. 487]. Но итоги наблюдения за безошибочной приметой неутешительны: массовый читатель не подготовлен к восприятию настоящей поэзии, духовные запросы современников, увлеченных легким искусством, слишком незначительны, чтобы пойти по пути нравственного самоусовершенствования. В стихотворении «Не я выбираю читателя. Он...» (1954) Сельвинский с горечью пишет о том, что у его «соседа» тираж – миллион, а «У меня одинокие, как волки»: таков эстетический выбор читателя. Поэт чистосердечно обращается к современникам: «И все же немало я сил затратил, / Чтоб стать доступным сердцу, как стон. / Но только и ты поработай, читатель: / Тоннель-то роется с двух сторон» [2, с. 450]. Автор в необходимой мере «поработал» над «доступностью сердца», однако «Ниже писать,

чем умеешь, нельзя – / Это не в силах человеческих» [2, с. 450]. Сельвинский бескомпромиссно отказывается следовать за вкусами современников, прекрасно понимая, что вместе с этим произойдет утрата поэтической индивидуальности и творческой свободы.

В стихотворении «Читатель стиха» (1932) Сельвинский акцентирует еще один значимый момент: властное влияние литературной критики на формирование читательских приоритетов. Поэт не отрицает тот факт, что «Среди миллионов читающих газету, / Девять десятых не читает стихов» [2, с. 259]. Сельвинский не может не признать и результаты более детальной «статистики»: из этих «девятой десятых» современников кто-то читает «в дороге», поспешно следя за развитием сюжета; другие, не вникая в суть произведений, увлечены количеством прочитанного. А если к этим неутешительным данным присовокупить «розоватеньких, желтеньких, сереньких критиков, а также критиков переливчатого цвета шанжан», которым посвящено стихотворение, то становится очевидно, насколько сильным может быть воздействие критиков на психологию неискушенных читателей, насколько сложно настоящему поэту отстаивать право на собственную индивидуальность и свободу творчества: «Как часто бездушные критикококки / Душат стих, как чума котят, / И под завесой густой демагогии / В глобус Землю втиснуть хотят» [2, с. 260]. С безрадостной судьбой примиряют те редкие читатели, которых можно назвать «артистами», – они чувствуют трепетную душу автора, искренность его поэтического слова, а это дарит новые силы для истинного творчества: «И снова идешь среди воя собак / Своей. Привычной. Поступью. Тигра» [2, с. 261].

Проблема «поэт и критика» – одна из самых острых для Сельвинского. Он откровенно признается в том, что «критиками заживо зарыт» [2, 451]. Но поэт не собирается отступать от избранного пути. В стихотворении «Не верьте моим фотографиям...» (1953) просматривается интересная аналогия: поверхностные, подчас тенденциозные отзывы литературных критиков могут быть сопоставимы с фотографиями, запечатлевающими внешность человека. Фотографии не способны отразить богатство внутреннего мира личности, не говоря о схематичных трактовках

современных критиков: «Но критик, на руку шибкий, / Ведет и ведет свою линию: / “Ошибки, ошибки, ошибки...” / В стихах я решаю темы / Не кистью, а мастихином, / В статьях же я выгляжу схемой / Наперекор стихиям» [2, с. 448]. Это обстоятельство позволяет Сельвинскому сделать важное заявление, в подтексте которого звучит вызов критике: «Не верьте моим фотографиям: / Верьте моим стихам!» [2, с. 449].

У Сельвинского есть основания разговаривать с литературными критиками в категоричной тональности: не без влияния критики разворачивается более серьезная драма – искусственное отлучение поэта от народа и эпохи. В стихотворении «Занимаюсь от злости немецким...» (1933) Сельвинский пронзительно пишет о том щемящем чувстве одиночества, когда «Перекинуться словом не с кем / На роскошном моем языке» [2, с. 266]. По этой причине поэт даже готов заниматься немецким языком, до аскетизма «уходить в себя», мечтая о том, «Как бы стать поменьше, поуже, / Покруглее да попресней, / Поприлизанней, потрусливей» [2, с. 266]. Но «мечты» о приспособленчестве приводят не к их воплощению, а к горькому осознанию того, «Что родился я слишком рано / И неясен эпохе моей / Нелюбим я ей, неосвоен» [2, с. 266]. Поэт не скрывает: непонимание современников лишает его счастья, он чувствует себя невостребованным в эпоху массовой культуры и идеологического давления. «Не знаю, как кому, а мне / Для счастья нужно очень мало <...> / И чтоб народ любил поэта / Не под критической клюкой», – обобщает Сельвинский в стихотворении «Не знаю, как кому, а мне...» (1959) [2, с. 476]. Между тем любовь народа, единство с эпохой далеко не всегда сопутствуют художественным поискам поэтов, ставящих перед собой вневременные творческие задачи и высокие личностные цели.

Конечно, отношения с читателем, критикой, эпохой – важная проблема для любого поэта. Но как большого поэта Сельвинского ничуть не меньше волнует возможность творческого бессмертия, ибо оно тоже зависит от множества причин: уровня читательского восприятия будущих поколений, филологической культуры исследователей, нравственных ориентиров исторической памяти, неумолимого хода времени. Сельвинский далек от идеалистических представлений о бессмертии: в основе концепции, изложенной в стихотворении «Давайте помечтаем о

бессмертье...» (1964), лежит трудно опровержимая идея – «вся материя превечна». Хотя это стихотворение Сельвинский иронично называет «сказочкой», «игрой ума», он все-таки указывает, что к оригинальным фантазиям его побудила научная теория Норберта Винера. Физическую смерть отрицать невозможно – она неизбежна. Но поэт – необычный смертный, он мечтает о бессмертии. Сельвинский сразу отказывается славе, памятникам и статьям, посвященным личности поэта и его творчеству, в претензиях на обеспечение истинного бессмертия: «А я поэт. Я верую в бессмертье. / Оно не в монументах, не в статьях <...> / Увы, так называемая “слава” – / Эрзац бессмертья, только и всего. / Ее величье утешает слабо. / Мое ж бессмертье – это естество» [2, с. 511]. Бессмертие поэта заключается в «естестве», основанном на «электронном принципе», убеждает Сельвинский. Люди – это взаимосвязанные «очертанья электронов». Потому поэт, преобразившись «сквозь новый ген», через какое-то время появится снова – возможно, «тот и не тот». Памятники и статьи могут быть забыты, а жизнь «естества», материи вечна – эта идея вселяет надежду на объективную гарантию бессмертия поэта.

Как бы Сельвинский ни уверял в мощной силе «естества», он, как и другие поэты, не стал бы разубеждать в том, что в бытийной сущности человечества материальные субстанции неотделимы от духовной жизни. Стихотворение «Завещание» (1964) можно смело рассматривать в качестве духовного залога поэтического бессмертия Сельвинского. Обращаясь к потомкам, он взывает к вечности. Поэт допускает, что после его смерти «критики-громилы» будут подхватывать за обывателями слухи и сплетни, обвиняя во всевозможных земных грехах. Но Сельвинский упреждает низкое мифотворчество, ссылаясь на судьбу великих поэтов: «Для чего? Зачем? Его ль вина, / Что во имя подвига поэта / Нужно человеку испытать / Все на свете, даже дно при этом, / Чтобы обрести святую статью» [2, с. 519]. Байрон, Пушкин, Маяковский – они творили не для критиков, а для души всего человечества. Святыми помыслами было окрашено и творчество Сельвинского – в силу исторических обстоятельств современники недооценили талант поэта, но последующие поколения не могли не проникнуться благородством его живой мысли:

«О потомок! Среди дней превратных / Что бы ты, родной, ни услышал, / Не забудь, что был я вечный ратник / Рыцарского Ордена Стиха» [2, с. 519].

ВЫВОДЫ

Трактовка темы поэта, поэзии и русского стиха в лирическом творчестве И. Л. Сельвинского неразрывно связана с классическими традициями отечественной словесности XVIII–XIX вв. Вслед за М. В. Ломоносовым, Г. Р. Державиным, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, А. А. Фетом, Н. А. Некрасовым и др. Сельвинский вовлекает «вечную» тему в раскрытие сложных психологических, нравственно-эстетических, общественно-социальных, философских проблем. Один из зачинателей социалистической литературы XX в., Сельвинский отвергает художественную самоценность версификационной техники, пропагандистскую тональность и идеологическую направленность поэтического творчества, отстаивая идейную многогранность стихотворных произведений, творческую индивидуальность автора и правдивое содержание реалистического искусства. Высокие помыслы поэта адресованы не только современному читателю, но и потомкам, Отечеству, всему человечеству, ибо предназначение поэзии определяется величием ее исторической миссии в сохранении духовно-нравственных ценностей человека, культурно-эстетических приоритетов цивилизации, мирного характера общественно-политического прогресса. Сельвинский не ошибся, когда еще в 1920 г. написал в венке сонетов «Юность»: «Все для меня в стихе заключено» [2, с. 90]. Лирическое творчество действительно оказалось для Сельвинского «все» – почти полвека поэт с редкой преданностью служил русскому стиху, внося огромный вклад в развитие идейно-содержательных и художественных возможностей отечественной словесности.

Список литературы

1. Сельвинский, И. Л. Избранные произведения [Текст] / И. Л. Сельвинский. – Л.: Советский писатель, 1972. – 960 с.

2. Сельвинский, И. Л. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1 [Текст] / И.Л. Сельвинский. – М.: Художественная литература, 1971. – 711 с.
3. Сельвинский, И. Л. Я буду говорить о стихах [Текст] / И. Л. Сельвинский. – М.: Советский писатель, 1973. – 504 с.

References

1. Selvinskii I. L. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1972. 960 p.
2. Selvinskii I. L. *Sobranie Sochinenii: V 6 t. T. 1* [Collected Works: In 6 volumes. Vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1971. 711 p.
3. Selvinskii I. L. *Ya Budu Govorit o Stikhakh* [I'll Talk about Poetry]. Moscow: Sovetskii Pisatel Publ., 1973. 504 p.

**AND I AM A POET. I BELIEVE IN IMMORTALITY:
THE THEME OF A POET, POETRY, RUSSIAN VERSE
IN THE LYRICS OF I. L. SELVINSKY**

Makarova S. A.

Summary. The article considers the interpretational features of one of the main themes in the lyrics of I. L. Selvinsky – a poet, poetry and Russian verse. In the original interpretation of Selvinsky, the poetry is accompanied with motives of mystery, instinctiveness, inspiration, and love. Poetry has a great power of creative transformation of reality. Selvinskii is deeply concerned about the issues of artistic mastery: the correlation of the versification technique and the semantic structure of creations, the correspondence of the ideological meanings of poetry to the demands of times and to high ideals. The poet is acutely undergoes the misunderstanding of innocent readers and biased critics, the complex relationship with the era of historical cataclysms and technical progress. For Selvinsky a poet and poetry are inseparable from moral self-determination, because lyrical creativity implies both entertaining intentions, great fame, dependence on the contemporaries' opinion, and awakening of generations' memory, serving the people, calling for struggle, resort to eternity. True poetry is inextricably related to creative empathy, heartfelt lyricism, unvarnished openness – not coincidentally Selvinsky compare poet with music composer and likens sounding verse to music: these ideas are revealed not only in lyrical creations, but also in theoretical works. In the Selvinsky's lyrics, the theme of poet and poetry is involved in philosophical meditations about the freedom of creativity, immortality, and the possibilities of verbal art. For Selvinsky poetry is a supreme gift, but at the same time it is a serious responsibility towards oneself, society, and history.

Keywords: purpose of poetry, poet's mission, poetic technique, autobiographical inception, diversity of motives, theoretical concepts.

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»:

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: mengjia9339@mail.ru, v-orehov@mail.ru

В статье исследуются мотивы, побудившие А. С. Пушкина к созданию стихотворения «Клеветникам России». Пушкинский текст рассматривается в контексте российских общественных представлений о «польском вопросе», а также русско-французских отношений той поры. Анализ литературного материала позволяет заключить, что стихотворение «Клеветникам России» создавалось в соответствии с политическими убеждениями А. С. Пушкина, для которого «польский вопрос» являлся результатом стечения исторических факторов и делом исключительно русско-польских двусторонних отношений. Незаурядная роль, которую играл Пушкин в современной ему русской литературе, побуждала поэта выразить общественные взгляды и настроения в поэтической форме, таким образом предложив читателю вариант общенационального ответа на враждебную риторику со стороны Европы. **Ключевые слова:** имагология, А. С. Пушкин, национальный имидж, национальный стереотип, литературная репутация.

ВВЕДЕНИЕ

В августе 1831 г. в связи с событиями Польского восстания А. С. Пушкин написал оду «Клеветникам России», которая вызвала необычную читательскую реакцию. С одной стороны, публикация стихотворения была однозначно поддержана Николаем I, у которого поэт числился в списке «неблагонадежных». А с другой – пушкинский текст спровоцировал раздражение либеральной части общества, в том числе – ближайших друзей поэта. П. А. Вяземский, который был противником восстания [14, с. 263], тем не менее написал Пушкину разочарованное послание, в котором, по собственным словам, попытался «оцарапать» его. Из письма следовало, что «Клеветникам России» – это «шинельные» стихи, то есть Вяземский упрекал Пушкина в переходе на позиции казенной литературы [9, т. 11, с. 151–152]. В том же грехе, кстати, Вяземский упрекал и В. А. Жуковского, который выступил в печати в унисон с Пушкиным. Впрочем, это письмо в руки Пушкина не попало: Вяземский, видимо, опасаясь перлюстрации, не решился отправить «царапающее» послание.

Словом, стихотворение «Клеветникам России» серьезно повлияло на литературную репутацию А. С. Пушкина, поскольку, перекликаясь с публикациями официальной прессы [13, с. 193], сигнализировало о солидарности поэта с официальной точкой зрения. И причины этой солидарности некоторые читатели, скажем, Н. А. Мельгунов, расценили как «честолюбие» и «златолюбие» [16, с. 426]. Пушкин должен был предвидеть, что это стихотворение, а также написанное вскоре за ним стихотворение «Бородинская годовщина» (5 сентября 1831 г.), навлекут на него обвинения в отказе от поэтической независимости в пользу казенных преимуществ, однако решился на их публикацию [11 с. 5–7] – невзирая на репутационные издержки. Возникает вопрос: почему?

Цель статьи – выяснить мотивы, побудившие А. С. Пушкина к созданию и публикации стихотворения «Клеветникам России». Это подразумевает необходимость решения следующих **задач**: выявить особенности отношения поэта к «польскому вопросу»; рассмотреть стихотворение в контексте русско-французских отношений эпохи Польского восстания 1830–1831 гг.; решить вопрос об адресате пушкинского текста. **Объект** статьи – русско-французский имагологический диалог, предмет – поэтическая реакция Пушкина на французское вмешательство в «польский вопрос».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Польский вопрос» и логика исторической неизбежности

Пушкинское стихотворение носит не просто лозунговый характер, выражающий накал патриотического пафоса в обществе, но представляет собой некую историческую концепцию, в которую «вписаны» актуальные политические события. И симптоматично, что в самом начале текста Пушкин называет Польшу Литвой. Поэт таким образом стремился акцентировать внимание на древности межславянского «домашнего старого спора», о котором речь во второй строфе:

*Уже давно между собою
Враждуют эти племена;*

Это «отсылает» читателя к предыстории «польского вопроса», актуализирует «фоновые» исторические знания, бытующие в обществе и охватывающие ключевые события. Несложно реконструировать основное содержание этих знаний, восходящих к эпохе существования польско-литовского государства, известного под названием Великого княжества Литовского и существовавшего с XIII в.

Это княжество некогда было главным соперником Московского государства в Восточной Европе и в значительной степени состояло из земель, завоеванных у соседей. Среди прочего – из земель бывшей Киевской Руси: Белоруссии, основной части Украины и части Молдавии. В отношении Московии политика Литовского княжества была исключительно агрессивной. Опираясь на польские войска, к власти прорывались и Лжедмитрий I, и Лжедмитрий II. С 1610 по 1612 г. Москва была оккупирована польско-литовскими войсками. Все эти знания были живы в российском обществе, скажем, благодаря знаменитой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, содержащей множество «польских экскурсов» [1, с. 20]. Важно, что последний том карамзинской «Истории...», вышедший в 1829 г. (т. е. незадолго до Польского восстания), как раз и завершался рассказом о «неистовствах поляков» в захваченной Москве. Вот характерная цитата, повествующая о московском пожаре 1611 г.: «<...> Ляхи с гордостью победителей возвратились в Китай и Кремль любоваться зрелищем, ими произведенным: бурным пламенным морем, которое, разливаясь вокруг них, *обещало* им *безопасность*, как они думали, не заботясь о дальнейших вековых следствиях такого дела и презирая месть россиян!» [12, с. 291]

Как известно, позднее было освобождение от шляхты земель, утраченных в период смутного времени. А еще позднее междинстические склоки и распри с соседями привели польско-литовское государство к упадку. Но даже в таком состоянии Польша продолжала будоражить европейскую политику. И об этом читатели Пушкина знали уже по рассказам своих старших современников, принадлежавших к поколению «времен Очаковских и покоренья Крыма». В 1768 г.

России удалось добиться, чтобы власти Польши уравнили своих православных граждан, подвергавшихся систематической дискриминации, в правах с католиками. (А заметим, что основная часть православных подданных Польши – украинцы и белорусы). Этого оказалось достаточным, чтобы в Польше вспыхнуло восстание конфедератов, которые обратились за помощью к Турции, пообещав султану в случае победы над Россией передать в состав Османской империи Западную Украину. То есть шляхта была готова скорее развязать войну и пожертвовать территорией, нежели признать за православными равные права с католиками. Война действительно началась, но была Турцией проиграна. А потому Западная Украина султану не досталась.

Поскольку в Европе за Польшей укрепилась репутация непредсказуемого и беспокойного государства, Пруссия предложила Австрии и России отторгнуть от Польши земли, которые считались спорными. Так, в 1772 г. произошел первый раздел Польши, в результате которого Австрия взяла себе Львов, Пруссия – провинцию, которая и называлась Королевской Пруссией, а Россия – часть Белоруссии. Во время очередной русско-турецкой войны в Польше утвердилась антироссийская партия, что поставило под угрозу западную границу России. Чтобы решить борьбу за Польшу полюбовно, Россия и Пруссия в 1793 г. подписали договор о втором разделе, причем Пруссии отошли земли с этническим польским населением, а России – Волынь, Подолье и Литва. Однако и после этого ситуация в Польше не улеглась. Было восстание Костюшко, после которого Польша в 1795 г. была окончательно разделена между Австрией, Пруссией и Россией. Позднее Наполеон на короткое время восстановил государственность Польши, и польские военные в составе наполеоновских войск устремились на захват России и снова побывали в Москве, предавая ее огню и мечу. Результат был предсказуем: после падения Наполеона его союзница Польша оказалась трофеем России-победительницы. С 1814 г. Польша на правах особой автономии под названием Царства Польского стала частью России. Она имела свою конституцию, законы для Польши создавались местным парламентом – сеймом, более того – у Польши была собственная армия. То есть автономия была реальной. Тем не менее, в 1830 г. в Польше вспыхнуло очередное

восстание. Причем целью было не только собственное отделение от России, но еще и отторжение от Российской империи Украины и Белоруссии.

Эта цепочка событий (в пушкинской поэтической терминологии – «сии кровавые скрижали») закономерно рождала в сознании современников поэта убежденность, что сохранение Польши в составе Российской империи, это не результат «политических иллюзий» [24, с. 154] (по выражению одного современного автора), а – политическая неизбежность. Как присоединение Крыма в свое время было единственным способом оградить южные рубежи от набегов и турецкой агрессии, так и принятие под российскую державу Польши – было единственной гарантией безопасности западных границ.

Оба «польских» стихотворения Пушкина как раз и подводили читателя к той мысли, что подавление польского мятежа – не месть за прошлые обиды («Мы не сожжем Варшавы их; / Они народной Немезиды / Не узрят гневного лица»), а следствие исторической логики. То есть позиция Пушкина (и, надо полагать, основной части читателей, приветствовавших его «польские» стихи) основывалась не на «имперских настроениях», а на политических убеждениях, вызревших на почве исторических фактов. И совпадение этих убеждений с официальной позицией было обусловлено объективными условиями, а не результатами казенной пропаганды или корыстолюбием. Думается, Пушкин надеялся, что акцент на предыстории «польского вопроса» убедит читателя в этом. И значительная часть публики действительно восприняла стихотворения Пушкина как яркое выражение собственных взглядов. Это подтверждается популярностью обоих текстов. По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, в Петербурге стихам Пушкина с «живым участием рукоплескали» [7, с. 581], а по утверждению графини А. Д. Блудовой, «они повторялись всеми с увлечением» [6, с. 738]. Позднейшие критики также высоко оценивали стихотворение. По мнению Белинского, «“Клеветникам России” и “Бородинская годовщина” Пушкина, хотя и дышат бурным, пламенным дифирамбическим вдохновением, но <...> не могут быть названы гимнами или дифирамбами в строгом смысле, потому что в них слишком заметна личность поэта» [3, с. 47]. Под «личностью поэта» Белинский, надо полагать, подразумевал индивидуальные, искренние (а не обусловленные требованиями жанра

или политического заказа) чувства. То же самое, кажется, имел в виду и Чернышевский, когда утверждал, что «Пушкин был <...> свободен, когда писал “Клеветникам России” или “Руслана и Людмилу”» [20, с. 299].

Русско-французский диалог

Однако, кроме стремления поэтически сформулировать общественную позицию в отношении «польского вопроса», Пушкиным, думается, руководил и более важный мотив. Обратим внимание, что стихотворение «Клеветникам России» обращено вовсе не к восставшим полякам, а к французским парламентариям, или «народным витиям».

В доступных широкой аудитории комментариях Б. В. Томашевского к 10-томному собранию сочинений поэта можно прочесть, что «поводом к стихотворению послужили речи во Французской палате депутатов (Лафайета. Могена и других), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия» [22, с. 460]. Поскольку эти комментарии не цитируют сами речи французских депутатов, то у читателя складывается впечатление, что враждебные высказывания французских «витий» – действительно лишь внешний повод для поэта, чтобы достичь некой главной цели, а именно – поэтически оформить свое отношение к «польскому вопросу».

Такому пониманию вещей, во-первых, противоречит сам пушкинский текст, основная часть которого посвящена вовсе не Польше, а русско-французским отношениям, начиная с Московского похода. Во-вторых, для понимания мотивов, руководивших поэтом, необходимо учитывать как конкретику французских парламентских заявлений, так и общий контекст русско-французских отношений той поры.

Что касается конкретики французских выступлений, то она исчерпывающе представлена в богатой материалом, но, к сожалению, ставшей редкостью книге известного слависта В. А. Францева «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.», изданной в Праге в 1929 г. Здесь цитируются те самые речи французских депутатов,

вызвавшие гневный отклик Пушкина. Обратимся к ним и мы, переведа особенно показательные фрагменты на русский язык.

Хотя польский бунт по любым международным стандартам являлся исключительно внутренним делом России, намерение Николая I усмирить польское возмущение вызвало взрывную реакцию. В январе 1831 г. депутат Моген заявлял: «Россия желает двинуться на Францию: это Польша пока задерживает ее. Нам посчастливилось, а поляки несчастны...». В апреле он снова убеждал: «Сейчас намерение России нам известно – мы знаем, что она решилась на войну» [27, с. 9]. 11 августа депутат Лараби выразился совершенно определенно: «В этот момент наши самые преданные союзники <...> расплачиваются <...> за ту благородную храбрость, с которой они остановили варварские орды России... Что касается России, к чему нам щадить ее? Разве она когда-нибудь скрывала свои враждебные замыслы против нас?» [27, с. 12].

Подобная риторика превратилась для французского парламента в норму. В общественном мнении росла ненависть к России. Академик Е. В. Тарле, исследовав французские настроения той поры, отмечал, что после известия о взятии Варшавы Париж в течение нескольких дней был охвачен антироссийскими манифестациями, а все театры отменили представления: «Крики “Смерть министрам!” гремели по городу, – реконструирует ситуацию Тарле. – <...> Роялистская газета “La Quotidienne”, умеренно-либеральная “Journal des Débats”, оппозиционная “Le National” и другие влиятельные органы в разной степени выражали свою скорбь по поводу торжества Николая» [25, с. 21]. Важно заметить, что парижская пресса, ярко отражавшая враждебность общественного мнения не только к политике Николая I, но и к России, была доступна и российскому читателю, в том числе и Пушкину.

Разговоры французских парламентариев о военной угрозе со стороны России не имели под собой фактической почвы. Но раскрученная истерия сама по себе становилась почвой для развязывания войны, где нападение на Россию воспринималось бы как упреждающий удар по «русской угрозе». Пушкин сознавал эту опасность. 1 июня 1831 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «<...> Народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье еще, что мы

прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрыгу! А то был бы долг платежом красен» [23, т. 14, с.169]. «Ты знаешь, – сообщал Пушкин П. В. Нащокину 21 июля 1831 г., – что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то бог» [23, т. 14, с.197]. 11 сентября 1831 г. он писал П. Л. Осиповой: «Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? Вот вопрос, который нас занимает» [23, т. 14, с. 436].

Пушкинское поколение хорошо понимало, что враждебность французского общественного мнения формировалась давно, а во время Польского восстания лишь выплеснулась наружу. Некогда Париж чествовал русских солдат – победителей «корсиканского чудовища», однако к искренней радости изначально примешивалась изрядная доля уязвленной поражением национальной гордости. Постепенно ужасы наполеоновского режима забывались, а желание национального реванша обострялось. Но реванш был невозможен, пока Россия исполняла главную роль в политической жизни Европы. Объективной причиной постоянно нараставшей напряженности было стремление Франции увеличить свое международное влияние, что можно было осуществить только за счет сужения возможностей России. Так что Франция видела в России наиболее сильного из всех своих противников, а французская пропаганда успешно реанимировала самые «страшные» российские мифы. Польское восстание – лишь очередной повод заразить массы ненавистью к мифической «русской угрозе».

Для Пушкина было очевидным, что истинная причина враждебности вовсе не в сочувствии французских депутатов к Польше, а в ненависти к России: «Оставьте нас: вы не читали / Сии кровавые скрижали; / <...> И ненавидите вы нас...»

Кстати, эти пушкинские слова десятилетием позднее подтвердил и сам французский депутат Моген, чью воинственную речь мы только что цитировали. Летом 1840 г. он приедет в Москву и, встречаясь со славянофилами А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным и К. С. Аксаковым, заявит: «Мы не против России и совсем не за поляков; поддерживая поляков в 1830 г., мы защищали только

себя. Ваш государь хотел напасть на нас. <...> Владейте Польшею, возьмите Константинополь, только не трогайте нас. Но ваш государь не любит нас, и мы должны опасаться его беспрестанно» [2, с. 479]. Трудно сказать, какое чувство преобладало во французском обществе в пору польского восстания: страх перед Россией или ненависть к России. Но важно, что два этих чувства представляли собой взрывоопасную смесь, постепенно набирающую критическую массу и тотально подчиняющую себе общество.

Скажем, Беранже в 1830 г. написал стихотворение «Песнь казака». Русский казак – сын Аттилы – якобы направляется на завоевание Европы и взывает к своему скакуну:

*Неси меня в убежище искусств!
К мятежной Сене мчись, в разлив просторный,
Уж дважды раны омывал ты в ней.
Встряхни же гривой, о, скакун проворный,
И в прах топчи народы и царей!* [5, с. 586]

Виктор Гюго тогда же записал в своем дневнике: «Весной будет нашествие русских» [10, с. 148].

Нагнетание антироссийских настроений действительно привело к войне, правда, не в 1831 г., а в пору Восточного кризиса 1853–1856 гг., когда Англия и Франция высадили свой десант на российской территории под тем предлогом, что только так можно противостоять «русской угрозе». Причем французским обществом эта война была воспринята с истинным энтузиазмом. Е. В. Тарле, изучив французскую прессу кануна и начала Крымской войны, пришел к однозначному выводу: «<...> Когда Наполеон III по личным своим соображениям счел нужным начать войну против России, то он встретился с единодушною поддержкою самых разнообразных общественных классов и политических партий – от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов. <...> Франция явилась самым сильным из всех членов коалиции, <...> и этот член коалиции пошел в бой с тем одушевлением, которое никакими дипломатическими или династическими мотивами объяснить нельзя» [25, с. 15].

Кто адресат?

Хотя стихотворение «Клеветникам России» и обращено к французским депутатам, вопрос об истинном адресате этого поэтического послания не вполне очевиден. По верному наблюдению О. С. Муравьевой, «Пушкин <...> обращается именно к европейским политикам и журналистам», но в то же время «стихотворения, формально адресованные французским депутатам, реально предназначались все-таки русской аудитории» [17, с. 199].

В сентябре 1831 г. П. А. Вяземский на страницах своей записной книжки усомнился в целесообразности пушкинского обращения к «народным витиям»: «Пушкин в стихах своих: “Клеветникам России” кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, отвечать не будут на вопросы <...>» [8, с. 154]. Можно согласиться с тем, что Пушкин сознавал: его гневные строки не достигнут трибун французского парламента. Зачем же тогда поэт обращал свои стихи недостижимым адресатам?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует всмотреться в один из важных феноменов русской литературы XIX в. Речь идет о реакции русских литераторов на европейские тексты о России. Обостренный интерес к этим текстам был порожден победой над Наполеоном. Тогда стало особенно очевидным несоответствие между европейскими представлениями о России как отсталой, варварской стране, и настоящим положением вещей, ролью, которую сыграла Россия в освобождении Европы. Многие литераторы ограничивались тем, что коллекционировали иностранные тексты о России, благодаря чему, кстати, появилось знаменитое отделение «ROSSICA» Российской национальной библиотеки. Иные предпринимали переводы и комментированную публикацию иностранных «сказаний» о России. Такого рода публикаций в периодике того периода мы встречаем во множестве, в том числе – и в пушкинском «Современнике», причем в подготовке самого Пушкина [18, с. 34–35].

Осмысление отдельных зарубежных источников на определенном этапе позволяло выявить «общие места» иностранных «сказаний» о России, выделить

веками существующие негативные штампы и осознать потребность в разрушении несправедливых стереотипов, защите национального имиджа. К моменту создания Пушкиным стихотворения «Клеветникам России» необходимость ответа на неверные суждения иностранцев о России воспринималась как общенациональная задача, к решению которой стихийно подключались историки, публицисты, издатели. И по объяснимым причинам особая миссия в этом процессе была предназначена русской литературе. Так что среди литераторов той эпохи мы не сможем назвать, пожалуй, ни одного имени, не причастного к этой сфере межнационального диалога [18].

Но характерно, что наибольшая часть «ответов» на иностранные мнения оказывалась в отечественной печати, а не в европейской, адресовалась российскому читателю. И происходило это потому, что «ответ» на иностранные нападки должен был подвергнуться общенациональному осмыслению в России – литература выполняла роль кафедры при всенародном обсуждении вопроса, как вести себя с иностранцами, что рассказывать им о России и как отвечать на их выпады против России.

Отдельные литераторы при этом исполняли роль всероссийского рупора, формулируя в своих произведениях общенациональную позицию. По крайней мере, две причины объясняют, почему в 1831 г. Пушкин решился взять на себя эту роль. Во-первых, поэт вообще был щепетилен в вопросах отечественного престижа и исторической справедливости. Летом того же года, ходатайствуя о разрешении «взяться за редакцию политического и литературного журнала», Пушкин набрасывал в черновике и такое, например, предложение: «Ныне, когда <...> озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою <...>», «пускай позволят нам, русским писателям, отражать нападения иностранных газет» [23, т. 14, с. 283].

Во-вторых, Пушкин, конечно, сознавал, что достигнутый им уровень литературной славы побуждает отечественного читателя «делегировать» ему роль представителя русской культуры в непрерывном межкультурном диалоге. Порою эти читательские чаяния высказывались совершенно прямолинейно. В декабре

1825 г. Е. А. Баратынский взывал к нему: «Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление» [23, т. 13, с. 253]. В 1830 г. подобный призыв обращал к Пушкину С. П. Шевырев: «Ты русских дум на все лады орган! / Помазанный Державиным-предтечей, / Наш депутат на европейском вече, / Ты – колокол во славу россиян!» [21, с. 191].

Пушкин не мог игнорировать той «представительской» роли, которая поручалась ему российской публикой. А эта роль – «депутат на европейском вече» – требовала от поэта подать свой голос в трудной для России ситуации. И он его подал – предложил отечественной публике возможный вариант ответа «клеветникам России». А публика была вольна решать, принимать ли этот вариант в качестве окончательного ответа или продолжить поиски аргументов и формы, в которую следовало бы облечь «речь» в защиту своей страны.

Иными словами, пушкинский текст был адресован воинственно настроенным французам, но – опосредованно: идея, заключенная в этом тексте, поэтические формулы и пафос этого текста должны были быть «одобрены» отечественным читателем и им же переданы адресату.

Дальнейшая история литературы показала, что многие известные литераторы последовали по пути Пушкина и в напряженные моменты истории создавали поэтические отповеди «клеветникам России», явно ориентируясь на пушкинский текст и игнорируя угрозу быть обвиненными в заигрывании с властью. В 1835 г. Лермонтов написал собственный ответ «клеветникам России» («Опять народные витии...»), который был рассчитан на звучание в унисон с пушкинским стихотворением. Причем Лермонтов оценил пушкинский текст как результат нового и плодотворного для Пушкина творческого этапа:

Уж вас казнил суровым словом

Поэт, восставший в блеске новом

От продолжительного сна... [15, с. 360]

В 1855 г., когда французы уже не просто угрожали России с парламентских трибун, а бомбардировали Севастополь, даже В. Г. Бенедиктов, редко касавшийся политических тем, написал стихотворение «К отечеству и врагам его». Это был очередной вариант ответа «клеветникам России»:

*Вы с трибун, где дар витийства
Человечностью гремел,
Прямо ринулись в убийства,
В грязный омут бранных дел [4, с. 327-329].*

Заметно, что пушкинская традиция руководила и позицией Тютчева. В период очередного польского восстания 1863 г. воспитанный на европейской риторике генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов, внук полководца, отказался подписать приветственный адрес усмирителю Польши генералу М. Н. Муравьеву, назвав его «людоедом». Тютчев в связи с этим бросал презрительные строки:

*Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!.. [26, с. 333]*

Подобные примеры можно множить почти бесконечно, но наиболее показательной является позиция в этом вопросе П. А. Вяземского, который в 1831 г. упрекнул Пушкина за «шинельные» стихи. В период Крымской войны он находился на лечении в Европе и наблюдал, как пропагандистская машина Европы разжигает антироссийскую истерию и провоцирует вполне реальные военные действия. И что же? Вяземский не только ввязался в журнально-газетную полемику, но еще и опубликовал целый сборник «шинельных» стихов. Сборник назывался «К ружью». Вот характерные строки из него:

*Закити, святая сеча!
Грянь наш крик, побед предтеча:
Русский бог и русский царь! [9, т. 11, с. 41]*

Тогда же он издал в Европе брошюру «Письма русского ветерана 1812 г.», где изобличал ложные суждения европейцев о России. «В издаваемых нами письмах, –

сообщал Вяземский в предисловии, – решительно и бесповоротно опровергаются бесчисленные неправды, с такою назойливостью распускаемые этим роem писателей, подкупленных, запуганных или увлеченных неразумным предубеждением» [9, т. 6, с. 267]. Что характерно, эти публикации порою на самого Вяземского навлекали упреки в казенном патриотизме [19, с. 42].

По существу, в 1854 г. Вяземский повторял путь, которым Пушкин прошел в 1831 г., когда ожидал столкновения с Францией по поводу польского вопроса. Крымская война не прошла для Вяземского бесследно, и в 1863 г., в эпоху очередного польского кризиса он писал свой ответ «клеветникам России» – стихотворение «Французские журналы»:

Французским крикунам молчанье хуже пытки

<...>

Теперь они ордой на нас восстали дружно.

Им верить – пробудил в них жалость Польши стон;

Нет, власть законную поколебать им нужно:

Им нравится мятеж, какой бы ни был он [9, т. 12, с. 14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стихотворение «Клеветникам России» создавалось в соответствии с политическими убеждениями А. С. Пушкина, для которого «польский вопрос» являлся результатом стечения исторических факторов и делом исключительно русско-польских двусторонних отношений. Сходной точки зрения придерживалась значительная часть российского общества, и незаурядная роль, которую играл Пушкин в современной ему русской литературе, побуждала поэта выразить общественные взгляды и настроения в поэтической форме, таким образом предложив читателю вариант общенационального ответа на враждебную риторику со стороны Европы. Пушкин придавал большое значение публикации этого стихотворения, что подтверждается готовностью поэта идти на репутационные потери, вызванные тождеством его политической позиции с официальной точкой зрения.

Афористичность поэтических формул, патриотический пафос и убедительность пушкинского стихотворения превратили это произведение в один из прецедентных текстов русской литературы, вызвавших в дальнейшем целый ряд переосмыслений и тематических вариаций, порожденных сходными историческими ситуациями. Пушкинская позиция в вопросе публикации стихотворения «Клеветникам России», а также аналогичные ситуации в творческой биографии других литераторов, позволяют говорить о закономерности: русская литература XIX в. зачастую составляла оппозицию официальной идеологии, но в моменты исторических испытаний, общенациональных угроз она избегала вносить разлад в общественные настроения и нацеливалась на обеспечение национального идеологического единства.

Список литературы

1. Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века [Текст]: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.09 / Л. М. Аржакова. – М.: 2015. – 43 с.
2. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х кн. [Текст] / Н. П. Барсуков. – СПб., 1888–1910. – Кн. 5. – 520 с.
3. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. – Т. 2. – 930 с.
4. Бенедиктов В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – Л.: Сов. писатель, 1983. – 814 с.
5. Беранже П.-Ж. Полн. собр. песен: В 2 т. [Текст] / П.-Ж Беранже. – М.–Л., 1935. – Т. 1. – 854 с.
6. Блудова А. Д. Записки. Глава V. 1831 год. Польский мятеж [Текст] / А. Д. Блудова // Русский архив. – 1874. – № 3. – С. 715–761.
7. Вигель Ф. Ф. Письмо к приятелю в Симбирск [Текст] / Ф. Ф. Вигель // Русский архив, 1893. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 566–584.
8. Вяземский П. А. Записные книжки [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Рус. книга, 1992. – 384 с.

9. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб, 1878–1896. – Т. 6, 11, 12.
10. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
11. Жуковский В. А., Пушкин А. С. На взятие Варшавы [Текст] / В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. – СПб.: Военная типография, 1831. – 13 с.
12. Карамзин Н. М. История Государства Российского. В 12 т. [Текст] / Н. М. Карамзин. – СПб., 1816–1829. – Т. 12. – 243 с.
13. Краюшкина Н. Н. «На взятие Варшавы». К вопросу о литературной репутации Пушкина в 1830-е годы [Текст] / Н. Н. Краюшкина // Вестник Адыгейского гуманитарного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – № 1. – С. 23–31.
14. Кузнецов В. А. П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и Бородино, или За что князь Вяземский критиковал Жуковского и Пушкина [Текст] / В. А. Кузнецов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мат-лы XX Междунар. науч. конф. – М.: «Бородино», 2018. – С. 261–266.
15. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – Л.: «Наука», 1979–1981. – Т. 1. – 655 с.
16. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. [Текст]. – М.: Слово, 1999. – Т. 3 (1829–1832). – 624 с.
17. Муравьева О. С. «Вражды бессмысленной позор...» Ода «Клеветникам России» в оценках современников [Текст] / О. С. Муравьева // Новый мир. – 1994. – № 6. – С. 198–204.
18. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
19. Орехова Л. А., Сущинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского [Текст] / Л. А. Орехова, С. С. Сущинина // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.

20. Переписка Н. А. Некрасова. В 2-х т. [Текст]. – М.: Худ. лит., 1987. – Т. 1. – 543 с.
21. Поэты 1820–1830-х годов: В 2-х т. [Текст]. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т. 2. – 765 с.
22. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 3. – 495 с.
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресение, 1994–1997. – Т. 13, 14.
24. Ратников К. В. Русские стихотворные отклики на Польское восстание 1830–1831 гг. как дополнительный исторический источник [Текст] / К. В. Ратников // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 7. – Ч. 1. – С. 153–155.
25. Тарле Е. В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение [Текст] / Е. В. Тарле // Былое. – Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42.
26. Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 495 с.
27. Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» [Текст] / В. А. Францев. – Прага, 1929. – 144 с.

References

1. Arzhakova L. M. *Polskiy Vopros i ego Prelomleniye v Rossiiskoi i Istoricheskoi Polonistike XIX Veka: Avtoref. Diss. ... Dokt. Istor. Nauk* [The Polish Question and its Refraction in Russian Historical Polonistics of the 19th Century]. Moscow, 2015.
2. Barsukov N. P. *Zhizn i Trudy M. P. Pogodina. V 22-h Kn.* [Life and Works of M. P. Pogodin in 22 Volumes]. Sankt-Peterburg, 1888–1910, v. 5. 520 p.
3. Belinskij V. G. *Sobr. Soch. V 3-h t.* [Collected Works in 3 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1948, v. 2. 930 p.
4. Benediktov V. G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1983. 814 p.

5. Beranzhe P.-Zh. *Polnoye Sobraniye Pesen: V 2 t.* [Complete Songs in 2 Volumes]. Moscow–Leningrad, 1935, v. 1. 854 p.
6. Bludova A. D. *Zapiski. Glava V. 1831 God. Polskii Myatezh* [Notes. Chapter V. 1831. The Polish Rebellion]. *Russkii Arhiv*, 1874, no. 3, pp. 715–761.
7. Vigel F. F. *Pismo k Priyatelju v Simbirsk* [A Letter to a Friend in Simbirsk]. *Russkii Arhiv*, 1893, v. 2, no. 8, pp. 566–584.
8. Vyazemsky P. A. *Zapisnye Knizhki* [Notebooks]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1992. 384 p.
9. Vjazemsky P. A. *Poln. Sobr. Soch.: V 12 t.* [Complete Works in 12 Volumes]. Sankt-Peterburg, 1878–1896, v. 6, 11, 12.
10. Gyugo V. *Sobr. Soch.: V 15 t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1953–1956, v. 14. 766 p.
11. Zhukovsky V. A., Pushkin A. S. *Na Vzyatiye Varshavy* [In Honor of the Capture of Warsaw]. Sankt-Peterburg: Voennaya Tipografiya Publ., 1831. 13 p.
12. Karamzin N. M. *Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo. V 12 t.* [History of the Russian State in 12 Volumes]. Sankt-Peterburg, 1816–1829, v. 12. – 243 p.
13. Krayushkina N. N. *Na Vzyatiye Varshavy. K Voprosu o Literaturnoi Reputatsii Pushkina v 1830-e Gody* [On the Capture of Warsaw. To the Question of Pushkin's Literary Reputation in the 1830^s]. *Vestnik Adygeiskogo Gumanitarnogo Universiteta Publ., Serija 2. Filologija i Iskusstvovedenie*. Maikop, 2010, no. 1, pp. 23–31.
14. Kuznetsov V. A. *P. A. Vyazemsky, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin i Borodino, ili Za chto knjaz Vyazemsky Kritikoval Zhukovskogo i Pushkina* [P. A. Vyazemsky, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin and Borodino, or Why did Prince Vyazemsky criticize Zhukovsky and Pushkin]. *Otechestvennaya Voina 1812 Goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Mat-ly XX Mezhdunar. Nauch. Konf.* Moscow: Borodino Publ., 2018, pp. 261–266.
15. Lermontov M. Yu. *Sobr. Soch.: V 4-h t.* [Collected Works in 4 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1979–1981, v. 1. 655 p.
16. *Letopis Zhizni i Tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t.* [Chronicle of the Life and Work of A. S. Pushkin in 4 Volumes]. Moscow: Slovo, 1999, v. 3 (1829–1832). 624 p.

17. Muravyova O. S. *Vrazhdy Bessmyslennoi Pozor... Oda Klevetnikam Rossii v Otsenkakh Sovremennikov* [Shame on Senseless Enmity... Ode to the Slanderers of Russia in the Assessments of Contemporaries]. *Novyi Mir*, 1994, no. 6, pp. 198–204.
18. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Nacionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX v.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
19. Orekhova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaya Voina v Zhizni i Tvorchestve P. A. Vyazemskogo* [Crimean War in the Life and Work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoye Naslediye Kryma*. Simferopol, 2005, no. 10, pp. 42–50.
20. *Perepiska N. A. Nekrasova. V 2-h t.* [Correspondence of N. A. Nekrasov in 2 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1987, v. 1. 543 p.
21. *Poety 1820–1830-kh Godov: V 2-kh t.* [Poets of the 1820–1830^s in 2 Volumes]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1972, v. 2. 765 p.
22. Pushkin A. S. *Polnoye Sobraniye Sochinenii: V 10 t.* [Complete Works in 10 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, v. 3. 495 p.
23. Pushkin A. S. *Polnoye Sobraniye Sochinenii: V 19 t.* [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskreseniye Publ., 1994–1997, v. 13, 14.
24. Ratnikov K. V. *Russkie Stikhotvornye Otkliki na Polskoe Vosstanie 1830–1831 gg. kak Dopolnitelnyi Istoricheskii Istochnik* [Russian Poetic Responses to the Polish Uprising of 1830–1831 as an Additional Historical Source]. *Almanakh Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*. Tambov: Gramota Publ., 2007, no.7, ch. 1, pp. 153–155.
25. Tarle E. V. *Samoderzhaviye Nikolaya I Frantsuzskoye Obshhestvennoye Mneniye* [Autocracy of Nicholas I and French Public Opinion]. *Byloe*. Peterburg, 1906, no. 9, pp. 12–42.
26. Tyutchev F. I. *Sochineniya. V 2-kh t.* [Compositions in 2 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984, v. 1. 495 p.
27. Frantsev V. A. *Pushkin i Polskoye Vosstaniye 1830–1831 g. Opyt Istoricheskogo Kommentariya k Stikhotvorennyam Klevetnikam Rossii i Borodinskaya Godovshhina* [Frantsev V. A. Pushkin and the Polish uprising of 1830–1831 Attempted historical

commentary on the poems Slanderers of Russia and Borodino Anniversary]. Praga, 1929. 144 p.

**TO THE SLANDERERS OF RUSSIA:
AUTHOR POSITION AND LITERARY REPUTATION**

Orekhov V. V.

Summary. The article explores the motives that made A. S. Pushkin create an ode to the To the slanderers of Russia. In the article, the Pushkin text is studied in the context of Russian public ideas about the Polish question, as well as in the context of Russian-French relations of that era. An analysis of the literary material allows us to conclude that the poem Slanderers of Russia was created in accordance with the political convictions of Pushkin. The poet believed that the Polish question was the result of a confluence of historical factors and a matter of exclusively Russian-Polish bilateral relations. Pushkin occupied an extraordinary place in contemporary Russian literature. This particular literary position and the trust of readers encouraged the poet to express public views and moods in a poetic form. That is why Pushkin created an ode, which is a variant of a nationwide response to the hostile rhetoric that sounded in Europe.

Keywords: imagology, A. S. Pushkin, national image, national stereotype, literary reputation.

2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 070

ОСВЕЩЕНИЕ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Богданович Г. Ю., Дудкина А. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: bgdvnch@mail.ru, yakimanna@gmail.com

В статье рассматривается проблематика освещения церковно-религиозной тематики на российском телевидении. На примере двух федеральных телеканалов (Первый и Россия-1, регионального телеканала Первый Крымский) показаны типичные журналистские ошибки в подаче религиозной информации. Причины таких ошибок состоят в том, что журналисты сегодня не получают образования в направлении религиозной журналистики, а в редакциях СМИ отсутствует эксперт по вопросам религии. В данной статье предлагаются пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: церковно-религиозная тематика, российское телевидение, духовная грамотность, журналистские ошибки, духовно-нравственные ценности, религиозная журналистика.

ВВЕДЕНИЕ

Религиозная тематика сегодня становится все более и более *актуальной* не только в научной среде, но и во многих светских редакциях средств массовой информации.

Постановка проблемы. Анализируя и освещая реальность объективно, журналисты фиксируют определенный срез жизни общества. А современный социум по-разному реагирует на приемы и способы подачи информации разнообразной тематики. Одним из проявлений объективной реальности является достаточно высокий уровень религиозности у населения, который выражается в активном поиске и потреблении информации, основанной на религиозных ценностях и убеждениях. Согласно социологическим исследованиям, в России выявлены общественные институты, которые пользуются высоким уровнем доверия в социуме. На первом месте находится институт церкви, а на втором месте – средства массовой информации.

Это говорит о том, что аудитория, которая потребляет информацию массмедиа—это религиозное и верующее население страны. И именно такое, верующее общество является наибольшей аудиторией для любого из массмедиа. Однако, на сегодняшний день большинство светских средств массовой информации не компетентны в религиозных вопросах. И проявляется это в допущении ряда ошибок и неточностей в подаче христианских новостей на телеканалах. Журналисту невозможно соответствовать высокому профессиональному уровню, если в вопросах веры и церкви он проявляет духовную неграмотность.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В то время как в обществе растет спрос на религиозную информацию, СМИ остаются некомпетентны в вопросах веры и их актуализации. Те материалы, которые журналисты презентуют в медиа, демонстрируют полное отсутствие определенной культуры и элементарных тематических знаний. **Задачей** статьи является изучение неточностей и ошибок, которые допускаются при освещении церковно-религиозных событий на российском телевидении, определение причин некомпетентности работников медиа в сфере религии.

Научный интерес к религиозной журналистике у исследователей (М. Григорян, М.Л. Шевченко, Г. Кожевникова, И. В. Тимкин и др.) связан с изучением освещения церковных аспектов в массмедиа [7; 8; 9; 11]. Так, М.Л. Шевченко выделяет религиозную журналистику в отдельное направление, в рамках которого работники СМИ изучают и освещают жизнь и деятельность религиозных конфессий. Вместе с тем отмечается влияние религиозной журналистики на общественные, политические и культурные процессы [12]. М. Григорян [2, с.14] отмечает, что, с одной стороны, журналист, который пишет на религиозные темы, обязан придерживаться тех же правил, этики и профессионального уровня, по которым работают его коллеги в других направлениях. Но, с другой стороны, последствия ошибок, которые может допустить журналист, пишущий о религии, подчас непредсказуемы и несут конфликтный характер (это может быть и оскорбление чувств верующих, и даже религиозная вражда между конфессиями).

Поэтому сегодня остро назрела необходимость определить критерии и требования к творчеству религиозных журналистов. Это поможет выявить причины некомпетентности медийщиков в церковных вопросах, что в будущем обусловит успешность этой деятельности. Г. Кожевникова на основе публикаций в печатных СМИ выделяет следующие типичные ошибки журналистов, которые работают над религиозной тематикой: небрежность или невнимательность, некорректное употребление религиозных терминов, некорректный заголовок или анонс, юридическая безграмотность, смешение социальной проблематики и этнорелигиозной риторики [5].

Рассматривая проблематику подачи церковно-религиозной тематики на телевидении (были изучены два ведущих федеральных российских телеканала – «Первый канал» и «Россия-1» и один региональный телеканал Крыма «Первый Крымский»). Мы анализировали новостные сюжеты и информационно-аналитические программы на церковно-религиозную тематику за последние три года. В ходе исследования было выделено шесть критериев, по которым можно определить искажения в подаче информации на религиозную тематику: религиозная безграмотность; освещение церковно-религиозной темы в основном на большие христианские праздники или в контексте тематического «скандала»; религиозная ксенофобия и антисектантские настроения; при подаче религиозной информации не учитывается межконфессиональная палитра; незнание законов; отсутствие понимания у медиарботников сути религиозных традиций; умалчивание роли веры и христианских общин в социальной работе.

Если зайти в ньюз-рум телерадиокомпании и задать журналисту вопрос о вере и религии, первое, что он наверняка себе представит, – это репортаж о «чудотворной иконе» или трансляцию пасхального богослужения. Но на самом деле религиозные аспекты пронизывают различные тематические сферы: политику, экономику, социум, геополитику. Например, сегодня невозможно делать репортаж, например, о Судане (о разделении страны на два независимых государства), если не обладать минимальными познаниями о христианстве и исламе. Невозможно компетентно освещать конфликты на Ближнем Востоке или рассказать зрителю об Израиле, ни

разу не прочитав Библию. Сегодня без знаний вопросов религии невозможно рассуждать о социуме или геополитике [4].

На исследованных телеканалах все сюжеты на тему церковно-религиозных аспектов были поданы в контексте политических событий. Также практически в 90% сюжетов, связанных с христианской религией, освещаются события только одной христианской конфессии – православной. О католических или протестантских церковных новостях журналисты говорят крайне редко (хотя, например, количество религиозных общин в Крыму, согласно статистике на 2014 год, распределяется следующим образом: православные – 42,7%, мусульмане – 29,1%, протестанты – 20,1%, католики – 1,6%, иудеи – 0,9%, другие – 5,6%) [1].

В мире происходит много бедствий, в основе которых религиозные мотивы, которые, как правило, практически не освещаются в прессе. Например, в Индии регулярно среди бела дня убивают христиан, сжигают храмы. Такие события международного уровня не менее значимы, чем, например, протесты испанских гомосексуалистов против визита Папы Римского в Мадрид. Однако в медиа чаще освещается второе.

Аналитика исследуемых нами телеканалов также подтверждает тот факт, что основные события, которые освещались за последние три года – это два ключевых христианских праздника Пасха и Рождество. Событий на религиозную тематику, которые важны для общества, проходит достаточно много, однако на рассматриваемых телеканалах журналисты просто о них не говорят.

В большинстве случаев, когда журналист говорит о сенсационном расследовании на религиозную тему, в сюжете обязательно покажут и отметят какую-нибудь протестантскую церковь, приравняв ее к уровню секты. Так как в России принято считать, что христиане – это православная церковь, то другие христианские конфессии, такие как католики или протестанты, попадают под личные предубеждения и взгляды журналиста. Поэтому такие сенсационные «расследования» обычно строятся на видеоряде, в который попадают и материалы о настоящих сектах и о христианских церквях. В информационно-аналитической программе *Первого канала* от 12.10.2016г. «Время покажет. Осторожно секта!»,

наряду с такими, признанными государством, деструктивными сектами, как общество кришнаитов, центром ритмологии, свидетелями Иеговы, говорится и о протестантских церквях. Но сегодняшние редакции должны понимать, что при таком отношении некорректном владении информацией теряются стандарты объективности. В то же время нужно понимать, что употребление в сюжетах таких слов, как «секта», «сектанты», «зомбирование», оскорбляют религиозные чувства сотен тысяч христиан.

Известно, что христианство состоит из нескольких конфессий – православие, протестантизм, католицизм. И хотя каждая из конфессий основана на одинаковых принципах верования, все же каждая из них имеет свои индивидуальные особенности, о которых журналист обязан знать. Например, 25 декабря журналисты говорят о Рождестве как о католическом, а 7 января как о православном. Хотя 25 декабря есть много православных, и немало протестантов, которые отмечают этот праздник. Та же ситуация и с 7 января: в новостях журналисты говорят только о православных верующих, но по факту в этот день Рождество Христово празднуют многие протестанты, и даже католики. Пример такой ситуации наглядно демонстрирует сюжет *Первого Крымского* телеканала от 07.01.2017 «Патриарх Кирилл поздравил верующих с праздником Рождества Христова». Журналист говорит, что в этот день Рождество празднуют только православные христиане. Еще один сюжет *Первого Крымского* телеканала от 09.09.2015 «Религиозные лидеры Крыма обсудили общие проблемы», в котором всего два синхрона религиозных лидеров – представителя русской православной церкви и лидера мусульман Крыма. О представителях других христианских конфессий, которые явно были участниками этой конференции, журналист не сказал. Журналистская ошибка очевидна – при подаче религиозной информации не учтена межконфессиональная палитра.

Вместе с тем, увидеть сюжет о том, например, как празднуют Пасху представители других конфессий, признанных на государственном уровне и официально зарегистрированных, нередко проблематично. Журналисту следует понимать, что, согласно Конституции Российской Федерации, нет важных или

неважных религиозных объединений[2, с.26]. Этот тезис должен учитываться в редакционной политике СМИ.

Случается так, что из-за непонимания религиозных традиций и их истории журналисты часто освещают такую тематику в меру своего личного понимания. Это в свою очередь приводит к серьезному искажению сути информации. Например, одна из важных христианских традиций – пост перед Рождеством и Пасхой. И в это время в телеэфирах мы начинаем слышать массу информации о похудении, мнения диетологов и т.д. Но ведь такая христианская традиция, как пост призвана мотивировать и достичь совсем другие цели в человеке. И это далеко не похудение, а глубокое духовное таинство. Например, в сюжете *Первого канала* от 19.02.2018г. «У православных христиан начался Великий пост» о духовном значении поста говорится вскользь, но даются рекомендации врачей. Ошибка журналиста заключается здесь в том, что в сюжете по данной тематике отсутствует мнение экспертов – священнослужителей.

Еще один пример сюжета *Первого Крымского* телеканала из программы «Время новостей» от 7.01.2018: «Рождество - один из главных праздников христиан», в котором рассказывается не об истинной сути празднования Рождества Христова, а приводятся языческие традиции этого праздника.

Каждое из направлений, представляющих христианскую церковь (православие, католицизм и протестантизм), призвано нести в общество любовь и милосердие. Именно поэтому при каждой церкви существуют служение, которое выполняет социальную работу в обществе. Это могут быть и благотворительные фонды, и различные организации по предотвращению негативных явлений в социуме, служения по работе с детьми сиротами, инвалидами, пенсионерами и т.д. Однако если журналисты и освещают работу таких организаций, то в большинстве случаев умалчивают о роли веры и церкви в социальной работе.

В исследуемых нами телеканалах найти сюжет о социальной работе церкви достаточно сложно. За последние два года на двух федеральных телеканалах на эту тему говорилось только в двух сюжетах: 1. Новостной сюжет *Первого канала* от 27 апреля 2017 г. «В Петербурге проходит Межрегиональная конференция по

церковному социальному служению» 2. Новостной сюжет телеканала *Россия-1* от 19 декабря 2018 г. «Патриарх предложил обучать сестер милосердия современным медицинским технологиям». На региональном крымском телеканале *Первый Крымский* за три последних года в новостях о социальном служении, которая организует церковь, говорили всего один раз, в сюжете от 17 декабря 2017 г. «Дело милосердия: прихожане Свято-Екатерининского храма в Симферополе провели благотворительную ярмарку». Как известно, церковь всегда выполняла большую социальную работу в обществе. Православные, католические и протестантские церкви занимаются активным социальным служением в больницах, домах инвалидов, центрах реабилитации, приютах, детских хосписах, детских домах. И это как раз та объективная реальность, которую медиа обязаны освещать. Возможно, причина такого журналистского отношения до сих пор кроется в последствиях атеистической пропаганды, когда в СМИ можно было говорить только об участии государства в жизни и проблемах общества, хотя в некоторых случаях редакционная политика играет определенную роль.

ВЫВОДЫ

Все перечисленные ошибки, которые допускают журналисты при освещении церковно-религиозной тематики, можно корректировать. Возможно предложить пути решения данной проблемы:

1. В штате редакции должен быть специалист или эксперт по вопросам религии. И здесь будет уместно перенять опыт зарубежных медиагигантов, в редакциях которых присутствие профильного эксперта, компетентного в тематике веры, церквей, конфессий, вероучений, религиозных традиций – обязательная норма.

2. Повышать образование практикующих журналистов и студентов журфаков в сфере религиозной грамотности. Например, введение в учебный процесс на журналистских специальностях таких предметов, как «Освещение религиозной тематики в светских СМИ», «Прикладное религиоведение для журналистов», «Религиозная журналистика», поможет подготовить кадры, которые будут профессионально освещать конфессиональную направленность журналистики (и все,

что с этим связано). А подготовка нового поколения журналистов, которые будут духовно грамотны и будут правильно понимать религиозные аспекты, значительно поможет снизить неточности и ошибки в практической деятельности.

Список литературы

1. Васин М. Религиозная карта Крыма – инфографика [Электронный ресурс] / М. Васин // RISU. – 2014. – 8 апр. – Режим доступа: <http://risu.org.ru>. – (Дата обращения: 12.07.19).
2. Григорян М. Прикладное религиоведение для журналистов [Текст] / М. Григорян. – М.: Права человека, 2009. – 254 с.
3. Григорян М. Прикладная конфликтология для журналистов [Текст] / М. Григорян, О. Панфилов, М. Мельников. – М.: Права человека, 2006. – 158 с.
4. Егорова Л. Г. Трансформация медиаполя республики Крым в новых социополитических условиях [Текст] / Л. Г. Егорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 25–41.
5. Кожевникова Г. Журналисты о религиозных группах: между некомпетентностью и неприязнью [Текст] / Г. Кожевникова // Прикладное религиоведение для журналистов. – 2009. – С. 48–64.
6. Кухарчук Р. В. Новый журналист. Как освоить медиапрофессию [Текст] / Р. В. Кухарчук. – К.: Гранма, 2016. – 224 с.
7. Листрова-Правда Ю. Т. К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка [Текст] / Ю. Т. Листрова-Правда, М. Б. Расторгуева // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2006. – № 1. – С. 49–54.
8. Пантелеев Б. Проблема освещения религиозной тематики в СМИ [Электронный ресурс] / Б. Пантелеев // Центр религиоведческих исследований Religio Polis. – 2011. – 23 мар. – Режим доступа: <http://www.religiopolis.org> – (Дата обращения: 12.03.19).

9. Тимкин И. В. Понятие православной интернет-журналистики и критерии успешности церковного интернет-публициста [Текст] / И. В. Тимкин // Теология. Философия. Право. Теологические исследования. – 2018. – №2 (6). – С. 6–26.
10. Цвик В. Л. Мир новостей: новости мира [Текст] / В. Л. Цвик. – М. : Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2007. – 65 с.
11. Шайхитдинов Т. В. Сфера риска в освещении темы религии [Текст] / Т. В. Шайхитдинов // Вестник экономики, права и социологии. Социология. – 2016. – №1. – С. 314–317.
12. Шевченко М. Л. Религиозная журналистика: типы, принципы и проблемы институционализации [Электронный ресурс] / М. Л. Шевченко // Православие и мир. – 2009. – 21 ноя. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru>. – (Дата обращения: 12.03.19).

References

1. Vasin M. *Religioznaya Karta Kryma – Infografika* [Crimea Religious Map – Infographics]. RISU, 2014. Available at: <http://risu.org.ru>. (accessed 12 July 2019).
2. Grigoryan M. *Prikladnoe Religiovedenie Dlya Zhurnalistov* [Applied Religious Studies for Journalists]. Moscow: Prava Cheloveka Publ., 2009. 254 p.
3. Grigoryan M., Panfilov O., Melnikov M. *Prikladnaya Konfliktologiya Dlya Zhurnalistov* [Applied Conflictology for Journalists]. Moscow: Prava Cheloveka Publ., 2006. 158 p.
4. Egorova L. G. *Transformatsiya Mediapolya Respubliki Krym v Novykh Sotsiopoliticheskikh Usloviyakh* [The Republic of Crimea Media Space Transformation in New Social and Political Conditions]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5, no 1, pp. 25–41.
5. Kozhevnikova G. *Zhurnalisty o Religioznykh Gruppakh: Mezhdue Nekompetentnostyu I Nepriyaznyu* [Journalists on Religious Groups: Between Incompetence and Dislike]. *Prikladnoe Religiovedenie dlya Zhurnalistov*, 2009, pp. 48–64.

6. Kukharchuk R. V. *Novyi Zhurnalist. Kak Osvoit Mediaprofessiyu* [New Journalist. How to Master the Media Profession]. Kiev: Granmna Publ., 2016. 224p.
7. Listrova-Pravda Yu. T. *K Voprosu o Funktsionalnom Tserkovno-Religioznom Stile Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [On the Issue of the Functional Church-Religious Style of the Modern Russian Literary Language]. *Vestnik VGU. Filologiya. Zhurnalistika*, 2006, no 1, pp. 49–54.
8. Panteleev B. *Problema Osveshcheniya Religioznoi Tematiki v SMI* [The Problem of Covering Religious Subjects in the Media]. *Tsentr Religiovedcheskikh Issledovaniy Religio Polis*, 2011. Available at: <http://www.religiopolis.org>. (accessed 12 March 2019).
9. Timkin I. V. *Ponyatie Pravoslavnoi Internet-Zhurnalistiki I Kriterii Uspeshnosti Tserkovnogo Internet-Publitsista* [The Concept of Orthodox Online Journalism and the Criteria for the Success of the Church Internet Publicist]. *Teologiya. Filosofiya. Pravo. Teologicheskie Issledovaniya*, 2018, no 2 (6), pp. 6–26.
10. Tsvik V. L. *Mir Novostei: Novosti Mira* [World News: News in the World]. Moscow: *Institut Povysheniya Kvalifikatsii Rabotnikov Televideniya I Radioveshchaniya Publ.*, 2007. 65p.
11. Shaikhidinov T. V. *Sfera Riska v Osveshchenii Temy Religii* [The Scope of Risk in the Subject of Religion]. *Vestnik Ekonomiki, Prava I Sotsiologii. Sotsiologiya*, 2016, no 1, pp. 314–317.
12. Shevchenko M.L. *Religioznaya Zhurnalistika: Tipy, Printsipy I Problemy Institutsionalizatsii* [Religious Journalism: Types, Principles and Problems of Institutionalization]. *Pravoslavie i Mir*, 2009. Available at: <https://www.pravmir.ru>. (accessed 12 March 2019).

**COVERAGE OF CHURCH AND RELIGIOUS SUBJECTS ON RUSSIAN
TELEVISION**

Bogdanovich G. Yu., Dudkina A. V.

Summary. The article deals with the problems of covering church-religious subjects on Russian television. The example of two federal TV channels (*Pervyi* and *Russia-1*, regional TV channel *Pervyi Krymsky*) shows typical journalistic errors in the presentation of religious information. The reasons for such errors are that journalists today do not receive education in the direction of religious journalism, and there is no expert on religious issues in the editorial offices of the media. This article offers solutions to this problem.

Keywords: church-religious subjects, Russian television, spiritual literacy, journalistic errors, spiritual and moral values, religious journalism

УДК 070:316.77(292.471)

ТЕМА ЭКОЛОГИИ НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЯ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»

(2013–2015 гг.)

Егорова Л. Г.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: legora@list.ru

Тема экологии на страницах «Крымской правды» уступает по популярности публикациям, посвященным политико-экономическим, а также культурным аспектам жизни современного общества. В публикациях на данную тему обозначены серьезные экологические проблемы полуострова: загрязнение городов и поселков, отсутствие мусороперерабатывающих заводов, очистных сооружений. Эти факторы не способствуют повышению туристической привлекательности республики. Обеспокоенность вызывает и проблема сохранения целостности заповедных территорий, их активная застройка. Следует отметить, что наполнение темы в отмеченный период практически не изменяется, но трансформируется принцип подачи материала. Так, в 2013 году звучит резкая критика властей, редакция осуждает их бездействие. В 2014–2015 годах проблемы обозначаются, однако вместе с ними подробно описываются шаги, которые планирует предпринять руководство Крыма.

Ключевые слова: Республика Крым, региональный медиадискурс, печатные СМИ, тематика материалов, экология.

СМИ сегодня рассматриваются как важный, если не самый главный инструмент познания действительности и формирования социальной реальности [3]. Этим объясняется увеличение значимости медиакommunikации для индивида как члена общества. По справедливому замечанию Т. В. Ершовой, на сегодняшний день «стало очевидным преобладание информационной составляющей деятельности людей над всеми другими ее формами и компонентами» [2], что предопределяется как стремительным развитием традиционных массмедиа, так и высокими темпами распространения кабельных, спутниковых и электронных технологий фиксации, хранения и передачи информации.

Региональный дискурс СМИ является частью общего пространства СМИ страны, но при этом обладает специфическими признаками, отражающими особенности территории. Эти особенности системно проявляются в повестке дня

СМИ, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий, приоритетных темах и жанрах, организации диалога с аудиторией, композиционно-стилистическом устройстве медиатекстов. Отметим, что именно газета представляет «собственное восприятие реальности в той форме, которую считает наиболее подходящей для своих читателей» [4]. Интерпретируя ту или иную жизненную ситуацию, на основе которой строится медиатекст, журналист приобретает единомышленников и союзников или, напротив, недоброжелателей. «Социальное назначение массмедийного дискурса состоит в том, чтобы внушить аудитории необходимость «правильных» оценок и действий. Таким образом, основной целью дискурса СМИ является не описание, а убеждение, приводящее в конечном итоге целевую социальную группу к определенным действиям» [1], а потому исследователями современного медиадискурса отмечается необходимость выявления и описания средств воздействия, в том числе идеологических, обязательно наличествующих в любом масс-медийном произведении [5]. Газета как один из значимых для региона видов печатных СМИ, по нашему мнению, показательно концентрирует признаки регионального дискурса СМИ. Региональная повестка дня представлена несколькими ключевыми темами, характеризующими положение дел в республике на протяжении заданного отрезка времени. **Цель статьи** – анализ публикаций популярного регионального издания – газеты «Крымская правда» с 2013 по 2015 год, посвященных актуальной теме экологии. Представим результаты исследования.

Описанию экологической ситуации на полуострове в 2013 году в издании посвящено 23 публикации. Материалы, формирующие негативный имидж Крыма, преобладают – 70%. Так, например, в заметке «Зеленые легкие» (27 марта 2013 г., автор Максим Головань) поднимается проблема вырубki лесов и реликтовых растений: *«Проблема массовой вырубki можжевельника, ароматные подделки из которого так нравятся заезжим туристам и местным жителям, возникла давно, равно как и большой пробел в украинском законодательстве относительно этой проблемы...»*. Ряд публикаций посвящен загрязнению окружающей среды. Так, в заметках *«И на свалках могут яблони цвести»* (05 апреля 2013 г., автор Наталья

Гончарова) и «Весной и летом – привет пакетам!» (05 апреля, автор Максим Головань) описывается нелегальная ситуация со свалками: *«В ожидании строительства в Крыму мусороперерабатывающих заводов свалки вокруг Симферополя, Ялты и других крупных городов автономии разрослись до невероятных размеров...»; «Наш посёлок давно пора переименовать в Мусорное», – шутят жители Мраморного в Симферопольском районе. Шутят сквозь слёзы: люди годами ведут непримиримую борьбу с бытовым мусором, который ветром разносится по округе со здешней свалки...». Решение сложившейся проблемы возможно. Об этом говорится в статье «Мусор в городе» (20 ноября 2013 г., автор Дмитрий Мезенцев): *«Проблема вывоза мусора с городских улиц всегда остро стояла не только для Симферополя, но и для других более-менее крупных городов. Решить её можно несколькими путями: расширить полигон твёрдых бытовых отходов или наладить мусоросортировочное и мусороперерабатывающее производство...». Или в статье «Мусорная программа» (26 сентября 2013 г., автор Алексей Ермолин): *«На территории полуострова накоплено критическое количество твёрдых бытовых отходов - около 53 миллионов кубических метров. В этой ситуации, связанной с проблемами утилизации отходов, крайне необходимо наладить комплексную систему учёта, контроля, регулирования в сфере обращения с ТБО, считают в Министерстве регионального развития и ЖКХ АРК...».***

В Крыму остро стоит не только проблема утилизации бытовых отходов. Об этом речь идет в статье «Малореченское «море фекалий»» (21 августа 2013 г., автор Юлия Цисарь): *«Испорченный отдых и кишечная инфекция – «багаж впечатлений», который уже не первый год увозят из села Малореченского (Большая Алушта) курортники. А виной тому старые очистные сооружения, отравляющие акваторию фекалиями. Чиновники обещали, что к началу сезона–2013 строительство новой канализации наконец-то закончится. Однако воз и ныне там...».*

Ещё одна проблема – жестокое обращение с животными: *«По печальной традиции в курортный сезон Крым становится меккой для предпринимателей, предлагающих отдыхающим сфотографироваться с экзотическими животными и птицами. И нынешнее лето - не исключение. Только за последние полмесяца экологи*

изъяли у фотографов-живодёров в Ялте и Судаче восемь шиншилл и сову, в Евпатории десять голубей, в Симферополе двух краснокнижных птиц – орлана-белохвоста и канюка степного. Но даже потеря питомцев и регулярные проверки не останавливают коммерсантов. Почему?» («Мартышкин труд» (04 июля 2013 г., автор Максим Головань); статья «Цена жестокости» (02 августа 2013 г., автор Дмитрий Мезенцев): «Потребительское и негуманное отношение к местной фауне, увы, стало нормой для многих крымчан. Ещё свежи в памяти читателей резонансные новости о жестоком обращении с экзотическими животными на набережных полуострова. Тогда под давлением СМИ правоохранители провели серию рейдов по южнобережным городам и замученных животных передали зоопаркам...»).

Небрежное отношение к природе, её ресурсам ставит под угрозу сохранение крымских заповедников: *«Украинские экологи бьют тревогу – крымские заповедники на грани исчезновения. Там, где не должна ступать нога человека, идёт массовая вырубка деревьев, отстрел диких животных, а количество туристов, ежегодно проходящих через заповедные земли, вызывает у экологов шок...»* (статья «Человек – природе враг» от 06 ноября 2013 г., автор – Дмитрий Мезенцев). Публикаций, посвященных приоритету внимательного отношения к природе, сохранению природных богатств, в 2013 году всего 30%. Так, в заметке «Земля одарит урожаем» (14 июня 2013 г., автор Наталия Гончарова) рассказывается о намерении правительства сбалансировать природные и биологические ресурсы Крыма: *«В Ялте состоялась международная научно-практическая конференция по стратегии использования природных и биологических ресурсов в сельском хозяйстве. Ведущие учёные Украины, России и Польши обсуждали, как следует распределить сельхозугодья, чтобы производство продуктов не вредило, а восстанавливало экологическую систему нашего полуострова»*. Кроме этого, власти пытаются законодательно решить проблему рационального целевого использования земель: *«На официальном веб-сайте Госземагентства Украины размещён проект закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». В пояснительной записке к документу сказано, что главными целями государственного регулирования является*

привлечение к экономическому обороту земель сельскохозяйственного назначения с одновременной минимизацией потенциально негативных общественно-экономических последствий» («Белые правила – черный товар» от 06 июня 2013 г., автор Александр Ермолин). Реализуются планы по мусоропереработке: «Мусоросортировочный завод появится летом» (30 октября), автор Оксана Павленко: «А именно, в июне 2014 года. Об этом заявил директор Крымского республиканского предприятия «Чистый город» Валерий Гуменюк...».

Работа государственных органов направлена и на сохранение целостности заповедных земель: *«В нынешнем году Ялтинский горно-лесной природный заповедник отметил своё 40-летие. А вместе с взрослением научного учреждения растёт и число желающих «хапнуть» себе земельки на заповедной территории...» («Как прокуратура борется за ялтинский заповедник» (13 ноября), автор Максим Головань). Прежде чем принять решение о строительстве и разработке карьера возле Карадагского заповедника, правительством была инициирована общественная дискуссия. Ключевые позиции представлены в нескольких публикациях «Крымской правды» – «На карадагском карьере премьер поставил крест» (19 сентября, 2013 г., автор Дмитрий Мезенцев): «Горячие споры вокруг строительства карьера по добыче андезита возле Карадагского заповедника не утихают. Представители бизнес-структур и чиновники Совмина до последнего времени были уверены: карьер должен быть построен. Позиция экологов, депутатов Коктебельского поссовета и местных жителей диаметрально противоположна: карьера рядом с заповедником быть не должно, поскольку он будет отпугивать туристов и грозит уничтожением редкой флоры и фауны...»; «Экология дороже всего» (25 сентября 2013 г., автор Алексей Ермолин): «Наша газета неоднократно рассказывала о том, что вблизи курортного посёлка Коктебель собирались разрабатывать карьер по добыче андезита. Учёные-экологи, высказывавшиеся на страницах «Крымской правды», в один голос утверждали: разработка карьера неизбежно приведёт к нарушению рельефа, экологии и рекреации...». На страницах «Крымской правды» отмечены публикации с призывами заботиться об экологической ситуации Крыма. Например, статья «Не торгуйте хотя бы природой!» (17 октября 2013 г., автор Максим Головань): «Статус*

«природного заповедника» подразумевает высшую степень охраны и обязывает беречь территории, отнесённые к таковым, как зеницу ока. Это не справка для читателя, а напоминание для чиновников Минприроды Украины, экоинспекторов и администраций заповедников, которые, по-видимому, напрочь забыли об основных идеях заповедания территорий и ударились в бизнес...». Сохранение экологии Крыма важно и для экономического развития полуострова: заметка «Инвестор любит места, где экологически чисто» (22 мая 2013 г., автор Алексей Ермолин).

В 2014 году отмечены 24 публикации, освещающие тему экологического состояния полуострова. 75% публикаций, об экологических проблемах Крыма, создают негативный имидж полуострова. На первом месте – проблема вывоза и утилизации мусора. Так, в хронике «В Симферополе незаконно сортируется мусор» от 3 апреля 2014 года отмечается, что *«На полигоне твердых бытовых отходов, расположенном около жилого массива Каменка в Симферополе, ведется незаконная деятельность по сортировке мусора»*. Как и в 2013 году, актуальна проблема строительства новых очистных сооружений. Однако в 2014 году в публикациях смещается акцент – теперь подчеркивается, что данный вопрос решается властями. Приведем примеры: хроника «В прибрежных поселках Крыма заработают очистные сооружения» от 1 апреля 2014 г.: *«В трех прибрежных поселках Крыма к лету заработают очистные сооружения»*; заметка «Заместитель Агеева проверил очистные сооружения в Укромном» от 26 августа 2014 г.: *«Сегодня заместитель Симферопольского городского головы Анатолий Рогов проверил работу одного из стратегических объектов города – очистных сооружений, расположенных в селе Укромном»*. Актуальной остается проблема сохранения целостности заповедных территорий. Так, в интервью «Будь моя воля, я бы закрыл заповедники на замок» (5 февраля 2014 г., автор – Максим Головань) с директором КЭЖЦ Владимиром Борейко читаем: *«В наше время заповедники из научных учреждений всё больше превращаются в бизнес-структуры по заколачиванию денег, о чём неустанно говорят экологи»*.

Только зафиксированных 30% публикаций, посвященных экологической ситуации в Крыму, направлены на создание положительного имиджа Крыма. В

материале от 12 апреля 2014 г. «О заповедниках, свалках, прудах» министр экологии и природных ресурсов Республики Крым Геннадий Нараев подробно ответил на вопросы читателей. Среди них: *«Какова дальнейшая судьба крымских заповедников? Что делать с переполненными свалками отходов? Какие меры принимаются для санитарной очистки рек?»*. Также обсуждалась проблема **«дерибана земель крымских заповедников»**: *«На переходный период все заповедники переданы в управление Рескомлеса Крыма. Проводится инвентаризация, в ходе которой и станет ясно, что там ранее делалось на законных, а что на противоправных основаниях. Будет установлено, где были самозахваты территории, где незаконно выстроены те или иные строения, по которым затем будут приниматься соответствующие решения. Всё будет приведено в соответствие с действующим законодательством России»*. В публикациях указывается, что *«лесная отрасль полуострова всегда была и сейчас находится под особым контролем. Как и прежде, перед Государственным комитетом по лесному и охотничьему хозяйству Республики Крым стоит немало задач. Безусловно, одна из главных – переход на российское законодательство. Но не стоит забывать и о том, что нужно решать текущие проблемы, а также совершенствовать места отдыха, при этом не нанося ущерба биоразнообразию уникальных мест Крыма»* (11 ноября 2014 г., интервью «Не навредить природе!»). О том, как преодолеть трудности, редакции «Крымской правды» в интервью рассказал новый глава Госкомлеса Крыма Василий Чебанов.

Отмечается рост гражданской активности в деле организации субботников и акций по уборке прилегающих к домам территорий. Так, в заметке «В Симферополе прошла акция «Чистый берег» от 19 сентября 2014 г. читаем: *«В Симферополе в рамках всероссийской акции «Чистый берег» убрали мусор с берега водохранилища. Как сообщили «Крымской правде» в пресс-службе горсовета, мероприятию приняло участие около 200 симферопольцев. В основном это школьники и студенты, которые не пожалели своего свободного времени и вместе с крымскими бойцами МЧС пришли привести в порядок береговую зону водохранилища»*. Городскими советами приобретается специализированная техника для уборки улиц: например,

хроника «В Севастополе появилась роботизированная машина для уборки мусора» от 16 июня 2014 г.: *«В Севастополе 15 июня состоялась презентация новой роботизированной машины для уборки улиц «Шмель 2000».*

В 2015 году экологическое состояние полуострова описывают 22 публикации, 85% из них создают негативный имидж Крыма, обозначая существующие проблемы. На первом месте по количеству упоминаний – загрязненность городов и поселков. Отметим, что в материалах представлены пути решения проблемы. Так, в заметке «Не город, а сплошная свалка» (24 июня 2015 г., автор Алексей Ермолин) читаем: *«На состоявшемся вчера заседании правительства РК под председательством главы республики Сергея Аксёнова была рассмотрена проблема своевременного вывоза мусора в Симферополе, чтобы город не уродовали переполненные мусорные баки...».* Вторая проблема – отсутствие очистных сооружений: заметка «Очистная загвоздка» (25 июня 2015 г., автор Наталья Пупкова): *«Пока в регионах Крыма гадают, что принесёт наступивший курортный сезон, в селе Штормовом Сакского района опасаются, чтобы у них он вообще не сорвался. Есть здесь и море тёплое, и жильё, пансионаты хорошие, и магазины, кафе, и грязи лечебные, люди гостеприимные, только вот с очистными сооружениями беда».* На третьем месте – ущерб, который наносит природе человек своими действиями. Например, в заметке «Борьба природы с человеком» (23 июня 2015 г., автор Наталия Назарук) речь идет о высокой пожароопасности в Крыму и бездумном отношении к этому факту некоторых жителей и гостей полуострова: *«Пожароопасная ситуация в крымских лесах – традиционная проблема на полуострове в курортный сезон. Сколько об этом ни говори, а неосторожных любителей пожарить шашлыки в лесу под палящим летним солнцем с годами не убавляется. Однако угрозу крымской природе представляют не только туристы, беспечно чиркающие спичками».* В серии публикаций привлекается внимание к застройке плато Ай-Петри и угрозе экосфере горы: статья «Неужели Ай-Петри обречена?» (23 июля), автор Алексей Ермолин: *«Плато Ай-Петри, где краснокнижные растения соседствуют с эндемическими, продолжает подвергаться нападкам предприимчивых бизнесменов. О том, что в*

разное время при Украине депутаты и чиновники пытались подмять под себя плато горы Ай-Петри, мы сообщали неоднократно...».

ВЫВОДЫ

Экологическая тематика не относится к числу востребованных в издании «Крымская правда», несмотря на ее важность для жизни современного социума. Об этом свидетельствует количество отмеченных публикаций: в 2013 году – 23, в 2014 году – 24, в 2015 году – 22. Преобладают материалы, способствующие созданию негативного медиаобраза Крыма (2013 – 70%, 2014 – 75%, 2015 – 85%). В таких публикациях обозначены серьезные экологические проблемы, характеризующие жизнь полуострова: отсутствие мусороперерабатывающих заводов, очистных сооружений, замусоривание территорий. Эти факторы не способствуют повышению туристической привлекательности республики. Обеспокоенность вызывает и проблема сохранения целостности заповедных территорий, их активная застройка. Отметим, что на протяжении исследуемого периода претерпевает изменение принцип подачи материала. Так, в 2013 году звучит резкая критика властей, редакция осуждает их за бездействие. В 2014 и 2015 годах экологические проблемы обозначаются, однако вместе с ними подробно описываются шаги, которые планирует предпринять руководство Крыма. Публикаций, которые формируют позитивный имидж республики, немного, и они однотипны: как правило, рассказывают о необходимости сохранения уникальной крымской территории, приводят комментарии чиновников о планах по улучшению экологической ситуации на полуострове.

Список литературы

1. Дементьева К. В. Формирование дискурса региональных массмедиа [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 10. — URL: <http://human.snauka.ru/2014/10/8050> (дата обращения: 26.03.2019).

2. Ершова Т. В. Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века [Электронный ресурс] / Т. В. Ершова. – Режим доступа: <http://www-psychology.ru/library/00075.html> (дата обращения: 26.03.2019).
3. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.
4. Hodge R., Kress G. *Language as ideology*. New York: Routledge, 1993. 230 p.
5. *Mass Communication Research Methods* / A. Hansen, S. Cottle, R. Negrine, C. Newbold. London, 1998. 350 p.

References

1. Demytyeva K. V. *Formirovaniye Diskursa Regionalnykh Massmedia* [The Formation of Regional Mass Media Discourse]. *Humanitarian Research*, 2014, no 10. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/10/8050> (accessed 26 March 2019).
2. Yershova T. V. *Kontseptualnyye Voprosy Perekhoda k Informatsionnomu Obshchestvu XXI Veka* [Conceptual Issues of the Transition to the Information Society of the 21st Century]. Available at: <http://www-psychology.ru/library/00075.html> (accessed 26 March 2019).
3. Melyukhin I. S. *Informatsionnoye Obshchestvo: Istoki, Problemy, Tendentsii Razvitiya* [Information Society: Origins, Problems, Development Trends]. Moscow: Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1999. 208 p.
4. Hodge R., Kress G. *Language as Ideology*. New York: Routledge, 1993. 230 p.
5. *Mass Communication Research Methods* / A. Hansen, S. Cottle, R. Negrine, C. Newbold. London, 1998. 350 p.

THE THEME OF ECOLOGY ON THE PAGES OF *THE KRYMSKAYA PRAVDA*

(2013–2015)

Yegorova L. G.

Summary. The theme of ecology on the pages of *The Krymskaya Pravda* is exceeded in popularity by publications on political, economic, and cultural aspects of modern society. In publications on this topic, serious environmental problems of the Crimea are indicated, namely pollution of cities and towns, lack of garbage recycling plants, sewage treatment plants. These factors do not contribute to increasing the tourist attractiveness of the Republic of Crimea. Concern is also caused by the problem of maintaining the integrity of protected areas, their active development. It should be noted that the content of the topic within the indicated period practically does not change, but the principle of presentation of the material is transformed. Thus, in 2013 sharp criticism of the authorities was heard, the editors condemned their inaction. In 2014–2015, problems are identified, but along with them, the steps that the Crimean leadership plans to take are described in detail.

Keywords: Republic of Crimea, regional media discourse, print media, thematic range of materials, ecology.

УДК 070

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ АНО «ОБЩЕСТВЕННАЯ КРЫМСКОТАТАРСКАЯ
ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЯ»)**

Яблоновская Н. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
e-mail: yablon@rambler.ru

В статье изучается деятельность Автономной некоммерческой организации «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» (АНО «ОКТРК»), созданной в Республике Крым в 2015 г. Особое внимание автор обращает на особенности контента и языковой политики ОКТРК, обусловленные ее этническим характером. Анализируются материалы двух медиаресурсов – крымскотатарского телеканала «Миллет» («Народ») и крымскотатарского радио «Ватан седасы» («Голос Родины»), отмечается их роль в сохранении крымскотатарских языка и культуры, а также в отражении различных аспектов жизни многонационального Крыма.

Ключевые слова: этническая журналистика, крымскотатарский телеканал, крымскотатарское радио, «Миллет», «Ватан седасы».

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на все большую популярность, которую сегодня приобретают интернет-СМИ, самым массовым и эффективным медиа в России продолжает оставаться телевидение.

То же можно сказать и об этническом телевидении, которое является одним из лучших способов сохранить культурные ценности каждого народа, воссоздать языковую среду в каждой семье, что, безусловно, является ценным для всех народов России.

Особенно важным создание собственного телеканала было для крымских татар, переживших в XX в. депортацию и преодолевающих ее последствия, в том числе языковые и этнокультурные, до настоящего времени. До депортации крымскотатарское население полуострова жило преимущественно в селах, прекрасно

знало свой родной язык, и гораздо хуже русский. После депортации языковая ситуация стала принципиально иной.

Как справедливо указала в своих работах проф. А. М. Эмирова, «в условиях ссылки крымскотатарский язык перестал выполнять все свои социальные функции, кроме одной – «семейного» языка, вследствие чего распалась стилистическая система языка. Из словарного состава исчезли – за невостребованностью в новых условиях проживания – огромные пласты слов, связанных с традиционными для крымских татар формами жизнедеятельности: табаководством, отгонным животноводством, промышленным садоводством, виноградарством и др.» [8, с. 149].

По данным переписи населения 2014 года, из 227011 крымских татар в Республике Крым, указавших владение языками, русским языком владеют 225988, т.е. 99,55 %, а крымскотатарским – только 88219 человек, т.е. 38,86 % [3], в городе Севастополе из 2814 [4] крымских татар владеют родным языком только 700 человек [5].

Для того, чтобы сохранить крымскотатарский язык и дать новый импульс к его развитию, нужно, чтобы он пришел в каждую крымскотатарскую семью, в каждый дом, чтобы росла не только его демографическая мощь (количество говорящих на нем), но и коммуникативная мощь (число социальных сфер, обслуживаемых языком): и самый эффективный способ для этого – создание крымскотатарского телерадиовещания.

Цель нашего исследования – установить роль АНО «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» в сохранении крымскотатарского языка и культуры, а также в поддержании межнационального согласия в Республике Крым.

Задачи статьи:

– проследить основные этапы развития крымскотатарских радио и телевидения в Крыму;

– изучить соответствие контента и языковой политики телеканала «Миллет» и радио «Ватан седасы» задачам сохранения и популяризации крымскотатарского языка и культуры;

– проанализировать, как в информационной политике «Общественной крымскотатарской телерадиокомпании» реализуются принципы межнационального согласия и диалога культур.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Первая радиопрограмма на крымскотатарском языке вышла 1 Мая 1930 года, с июня того же года началось регулярное радиовещание [10, с. 161]. Практически одновременно с началом радиовещания в Крыму была организована крымскотатарская редакция крымского радио, выходила крымскотатарская радиогазета «Ленин елы» («Ленинский путь»), имевшая утренний, дневной, пионерский, вечерний (основной) и ночной выпуски [10, с. 162]. Ответственным редактором «Ленин елы» был известный журналист, сотрудник областной крымскотатарской газеты «Енъи дюнъя» («Новый мир») Амет Озенбашлы. В разные годы в крымскотатарской редакции крымского радио работали Ф. Аметова (диктор, с 1938 по 1941 г.), Б. Ваапов, А. Дерменджи (в 1938–1940 гг. – гл. редактор крымского радио), Г. Мурадов (1931–1941, режиссер драматического отдела), М. Севдияр (Муединов) (зав. лит. отделом), Э. Топчи (солистка), Р. Тынчеров, Я. Шерфединов (муз. редактор) [10, с. 163]. На крымском радио в 1930-е гг. на русском и крымскотатарском языках велись политинформации и передачи по самообразованию, детские программы, звучала крымскотатарская музыка. Для улучшения межкультурного диалога часть песен переводилась с крымскотатарского на русский язык, и наоборот.

Работа крымскотатарского радио продолжилась и в годы Великой Отечественной войны. По указанию ЦК ВКП(б) в сентябре 1942 г. была организована крымскотатарская редакция при Всесоюзном радиокomitee, для работы в которой по рекомендации крымского обкома в Москву были приглашены: журналист Юсуф Болат (ответственный редактор), кандидат филологических наук Асан Ислямов и бывший сотрудник газеты «Кызыл Крым» и инструктор Крымского обкома ВКП(б) Ваап Османов (литработник и диктор редакции). Редакция начала свою работу 8 сентября 1942 г.: в этот день в 18.00 с обращения к крымскотатарской интеллигенции

к крымскотатарскому населению началась первая передача. В первые месяцы работы крымскотатарской редакции для ее вещания в день отводилось 57 мин., с 10 января 1943 время выхода программ было увеличено на 10 минут, к концу 1943 г. время вещания составило 77 минут. В программах транслировались сводки Совинформбюро, оригинальные статьи, подготовленные отделом контрпропаганды при ВРК и самой редакцией, а также статьи из центральных газет и вести из-за границы. Существовала рубрика юмора и сатиры, в которой прозвучал цикл фельетонов о походе Ахмет-Ахья Озенбашлы по Крыму. Национальный колорит программ поддерживала крымскотатарская музыка [11].

После депортации с 1957 г. радиовещание на крымскотатарском языке было с трудом восстановлено в Ташкенте (слова «Крым, крымский, крымскотатарский» в программах крымскотатарской редакции запрещалось употреблять).

С июля 1989 г. Крымский радиокomitee начал радиовещание, а с февраля 1990 г. – телевещание на крымскотатарском языке [2, с. 164].

В сентябре 1991 г. началась организация Главной редакции на крымскотатарском языке (объем радиовещания составлял 90 минут в месяц, телевещания – 65 минут в месяц). В начале 2000-х гг. объем радиовещания ГТРК «Крым» на крымскотатарском языке составлял 24 часа в месяц, телевещания на крымскотатарском языке – 16 часов в месяц [2, с. 164–165].

В феврале 2005 г. В Крыму появилась первая крымскотатарская FM-радиостанция – «Мейдан» [12, с. 220].

С 1 сентября 2006 г. в Крыму начал вещание первый крымскотатарский телеканал «АТР», а 1 июня 2013 года – аффилированный с ним крымскотатарский детский телеканал «Lale» (в переводе с крымскотатарского – «Тюльпан») [9, с. 140].

1 апреля 2015 года они прекратили вещание в Крыму, а представители крымскотатарской общественности справедливо заговорили о возникшем вакууме в крымскотатарском сегменте эфирного вещания.

Но эта пустота вскоре была заполнена. Распоряжением Совета Министров Республики Крым от 09.06.2015 г. № 507-р была создана Автономная

некоммерческая организация «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» (АНО (ОКТРК)) [6].

1 сентября 2015 года в Крыму начал работу первый на территории России крымскотатарский телеканал «Миллет» («Нация»). Учредителем «Миллет» выступил Совет Министров Республики Крым в лице Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым [7].

«Миллет» вещает 24 часа в сутки из Симферополя. На 1.06.2019 г. 80 % территории Крыма покрыто аналоговым телесигналом, а 95 % – цифровым. Целевой аудиторией «Миллет» являются представители крымскотатарского народа, проживающие в Крыму и за его пределами. Благодаря спутниковому вещанию телеканал доступен не только в России, но и в Восточной Европе, Турции и странах Центральной Азии.

Целью телеканала является сохранение и развитие крымскотатарских культуры, традиций и языка. В связи с этим около 70 % его эфира составляют программы на родном языке.

Передачи телеканала «Миллет» на крымскотатарском языке

Название передачи	Хронометраж (мин.)
«Саба» (Утро)	120
«Хаберлер» (Новости)	2 выпуска по 15– 30 мин.
Детская передача «Маматеке» (Одуванчик)	26
«Хэштег иште» (передача о путешествиях по Крыму) – крымскотатарский	26
«Къадынлар алеми» (Женский мир) – крымскотатарский	26
«Чалгъыджи life» (музыкальная программа) – крымскотатарский	25
«Яйля бою» (фольклорная программа) – крымскотатарский	60

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ В СОХРАНЕНИИ...

«Тарих излери» («Следы в истории», программа об истории крымских сел) – крымскотатарский	26
«Хаберлер. Афта» (Новости. Неделя).	30

Как видно по данным таблицы, программа «Саба» («Утро») занимает особое место по хронометражу среди остальных передач. Это утреннее шоу, полное полезной, актуальной и развлекательной информации, транслируется в прямом эфире с 7 до 9 утра ежедневно, за исключением выходных дней.

В рамках этой программы в эфир выходят выпуски таких рубрик, как «Ичтимай сорав» (Соцопрос), «Гузеллик сырлары» (Секреты красоты), «Сабалыкъ» (Завтрак), «Бизим тараф» (О достопримечательностях Крыма), «Шиирлер» (Стихотворения), дополнительные сюжеты, связанные с каким-либо знаковым событием, а также рубрика «Ана тили» («Родной язык»), помогающая в изучении крымскотатарского языка. В рамках рубрики редактором выбирается тема, по которой ведущая озвучивает ключевую лексику на крымскотатарском языке. «Ана тили» пользуется успехом не только у крымских татар, восстанавливающих знание родного языка, но и у представителей других народов, интересующихся крымскотатарской культурой.

Популярна у зрителей и рубрика «Шиирлер» («Стихотворения»). В ней звучат произведения крымскотатарских поэтов. У аудитории также есть возможность услышать свои собственные произведения в эфире, отправив их на почту телеканала.

Безусловно, передачи на родном языке выполняют ряд важных функций: это и погружение в национальную языковую среду, и знакомство с национальными традициями, культурой, историей, и воспитание толерантности, в первую очередь, у подрастающего поколения. Именно в этом и заключены неоспоримые достоинства регионального этнического телевидения.

Специально для детской аудитории на телеканале выходит программа «Маматеке» («Одуванчик»), рубрики которой развлекают юных зрителей и приобщают их к крымскотатарскому языку, культуре, традициям, основам ислама.

Каждую неделю по воскресеньям юные ведущие программы готовят интересные сюжеты и раскрывают самые разные и увлекательные темы, тем самым призывая своих сверстников любить и уважать родной язык и традиции. Путешествия по

Крыму, интересные факты, свежие новости – основные составляющие контента «Маматеке».

Еще одно важное направление деятельности телеканала – перевод его студией дубляжа на крымскотатарский язык художественных, документальных и анимационных фильмов.

В то же время «Миллет» систематически обращается и к русскоязычной аудитории, информируя ее о событиях жизни крымских татар и в целом давая актуальную для всех крымчан информацию: например, новостийная программа «Хаберлер» («Новости») производится телеканалом в двух равнозначных по содержанию и объёму языковых версиях – крымскотатарской и русской, выпуски «Хаберлер» выходят 5 раз в день: три раза – на русском языке и два – на крымскотатарском. Многие выпуски «Хаберлер» содержат информацию о жизни различных культурно-национальных автономий Крыма.

На русском языке на телеканале также выходит ток-шоу «Крымский консенсус», содействующее укреплению общегражданской солидарности, проект «Спортивный характер» (о спорте в Крыму и о здоровом образе жизни), кулинарно-развлекательная программа «Софрагъа буюрынъыз» («Приглашаем к столу»), в которой известные люди Крыма готовят вместе с ведущей свои любимые блюда, программа «Бизим акъкъмыз» («Наше право»), рассказывающая о российском законодательстве и о том, как защитить свои права, программа «Ачыкъ лаф» (Открытый разговор), построенная как интервью с интересными людьми с обсуждением актуальных тем и социальных проблем полуострова.

Передачи телеканала «Миллет» на русском языке

Название передачи и язык вещания	Хронометраж (мин.)
«Хаберлер»(Новости) – на рус. яз.	3 выпуска по 15– 30 мин.
«Ачыкъ лаф» (Открытый разговор)	26
«Крымский консенсус»	90
«Бизим акъкъмыз» (Наше право)	25

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ В СОХРАНЕНИИ...

«Софрагъа буюрынъыз!» (Просим к столу!)	26
«КрымоМания»	26
«Спортивный характер»	26
«Итоги недели. Хаберлер»	30

В сетке вещания канала присутствует сразу два крымских трэвел-проекта – русскоязычный развлекательный проект «Крымомания» и «Хэштег, иште» на крымскотатарском языке, который рассказывает как об известных и малоизвестных уголках Крыма.

Контент канала представлен информационными («Хаберлер» («Новости»)), информационно-аналитическими (итоговая программа «7 кунь» (7 дней), «Хаберлер. Афта»), а также «Учь фильжан къаве» («Три чашечки кофе»), «Бизим акъкъмыз» («Наше право»), «Ачыкъ лаф» («Открытый разговор») и др.), развлекательными (утреннее шоу «Саба» («Утро»), кулинарная передача «Софрагъа буюрынъыз» («Добро пожаловать к столу»), музыкальный рейтинг «Бинъ хит» («Тысяча хитов») и др.), познавательными (шоу–викторина «Биз билемиз!» («Мы знаем!»), «Маматеке» («Одуванчик») и др.) программами.

Особое внимание уделено на телеканале теме религии. Рубрики, посвященные исламу, есть в программах «Саба» и «Маматеке», для женщин выпускается исламская программа «Къадынлар алами» («Мир женщин»). Цикл телевизионных программ «Селям алейкум» раскрывает общие моральные и духовные ценности ислама. Выпуски программы «Мераба, Рамазан!» рассказывают о том, как отмечают Рамазан крымские мусульмане. Важно, что все исламские рубрики и программы телеканала направлены на гармонизацию межконфессиональных и межэтнических отношений, способствуют профилактике этнического и религиозного экстремизма.

Востребованной на телеканале является и документалистика. Трагическим событиям прошлого на «Миллет» были посвящены цикл документальных телепрограмм о Великой Отечественной войне «Атешли еллар» («Огненные дороги») и цикл документальных фильмов о депортации «Джанлы хатырлар» («Живые воспоминания»).

С 6 февраля 2017 года в Крыму работает радиостанция «Ватан седасы» [1], которая начала трансляции в Симферополе на частоте 99,5 МГц, позднее – в Красноперекоске и Джанкое, а сегодня количество ее передатчиков достигло 13:

№	Населенный пункт	Мощность (кВт)	Частотный канал
1.	пгт. Черноморское	0,01	96,1
2.	г. Красноперекоск	1,0	107,00
3.	г. Джанкой	0,5	106,4
4.	с. Кировское	0,03	98,5
5.	г. Бахчисарай	0,001	88,9
6.	г. Феодосия	0,1	107,3
7.	г. Ялта	0,1	98,5
8.	г. Алушта	0,1	90,5
9.	г. Белогорск	0,1	103,6
10.	г. Керчь	0,5	91,2
11.	г. Судак	0,1	90,7
12.	с. Чапаевка	0,1	102,5
13.	г. Симферополь	1	99,5

В эфире радио «Ватан седасы» шесть раз в день на крымскотатарском и русском языках выходит информационная программа «Хаберлер вакъыты» («Время новостей»), с 7 до 10 утра в будни транслируется утренняя развлекательная программа «Бизим тараф» («Наш край»), ежедневно в 21:00 выходят сказки на крымскотатарском языке «Тылсымлы масаллар» («Волшебные сказки»), по средам и пятницам в 20:00 звучит историческая программа «Керчек тарих» («Правдивая история»), есть детская информационно-развлекательная программа «Тосунчыкь ФМ», женская программа «Алем-и Нисван» («Женский мир»), религиозные программы «Ислям нуры» («Свет ислама», четверг в 11:00) и «Мухтешем иляхийлер» («Великолепные религиозные песнопения», пятница в 12:00), музыкально-

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ В СОХРАНЕНИИ...
развлекательные программы «Ватан иле уйле» («Родина в полдень»), «ХайырLINE» (программа поздравлений), «Музыка хаберлери» («Музыкальные новости») и др.

Для освещения важных событий жизни крымскотатарского народа «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» использует формат прямых эфиров. Прямые теле- и радиотрансляции велись во время празднования Хыдырлеза и Ураза-Байрама, телетрансляция – с Всекрымского чемпионата по национальной борьбе куреш. Во время траурных мероприятий, посвященных годовщине депортации, проводилась телетрансляция из мемориального комплекса «Сюрень» и прямые включения с акции «Свеча памяти» на площади им. Ленина в г. Симферополе (18 мая 2019 г.).

ВЫВОДЫ

Анализ контента телеканала «Миллет» и радио «Ватан седасы» показывает, что «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» стремится к удовлетворению разнообразных информационных, культурных, образовательных и рекреационных потребностей крымскотатарского народа. Особо следует отметить роль ее медиаресурсов в сохранении и развитии крымскотатарского языка, о чем свидетельствует наличие специальных рубрик по его изучению, большого количества национальноязычных программ (в том числе для детской аудитории), а также активная работа по переводу на крымскотатарский язык художественных, документальных и анимационных фильмов студией дубляжа. Являясь этническим СМИ, АНО «ОКТРК» в то же время отображает все аспекты жизни многонационального Крыма и является одним из объединяющих факторов в республике.

Список литературы

1. В Крыму заработало первое крымскотатарское радио [Электронный ресурс] // ТАСС: официальный сайт. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/3999587> (Дата обращения: 11.08.2019).

2. Габриелян, О. А., Ефимов, С. А., Зарубин, В. Г. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство [Текст] / О. Габриелян, С. Ефимов, В. Зарубин. – Симферополь: Амена, 1998. – 340 с.
3. Перепись населения в Республике Крым 2014. Итоги [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю: официальный web-сайт. Итоги. – Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/9959888049859c55918cf12d12c3261e/pub-04-05.pdf (Дата обращения: 11.08.2019).
4. Перепись населения в Республике Крым 2014. Итоги [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю: официальный web-сайт. Итоги. – Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/0b6a2e80454bd171aa4efec4d78fa45b/pub-04-01.pdf (Дата обращения: 11.08.2019).
5. Перепись населения в Республике Крым 2014. Итоги [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю: официальный web-сайт. Итоги. – Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/82d229804551593ba26ffec4d78fa45b/14.4.+ВЛАДЕНИЕ+ЯЗЫКАМИ.pdf (Дата обращения: 11.08.2019).
6. Распоряжение Совета Министров Республики Крым от 09.06.2015 г. № 507-р «О создании автономной некоммерческой организации «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания»» [Электронный ресурс] // Портал Правительства Республики Крым: официальный сайт. – Режим доступа: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/4605> (Дата обращения: 11.08.2019).
7. Устав автономной некоммерческой организации «Общественная крымскотатарская телерадиокомпания» [Электронный ресурс] // Миллет: официальный сайт. – Режим доступа: <http://trkmillet.ru/files/documents/ustav.PDF?fdc> (Дата обращения: 11.08.2019).

8. Эмирова, А. М. Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития [Текст] / А. Эмирова // Вопросы филологии. – 2003. – № 2 (14). – С. 149–156.
9. Яблоновская, Н. В. Возникновение и развитие крымскотатарских СМИ для детей [Текст] / Наталья Яблоновская // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 26 (65). – № 3. – С.135–142.
10. Яблоновская, Н. В. Многонациональное радиовещание Крыма: история и современность [Текст] / Наталья Яблоновская // Ученые записки Таврического национального университета им. В. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62). – № 4. – С. 161–168.
11. Яблоновская, Н. В. Работа редакции газеты “Кызыл Крым” и крымскотатарской редакции при Всесоюзном радиокомитете во время оккупации Крыма [Текст] / Н. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 63. – С. 121–125.
12. Яблоновська, Н. В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність [Текст] / Н. Яблоновська. – Сімферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2006. – 312 с.

References

1. *V Krymu Zarabotalo Pervoe Krymskotatarskoe Radio* [The first Crimean Tatar Radio Launched in Crimea]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/3999587> (accessed 11 September 2019).
2. Gabrielyan O. A., Efimov S. A., Zarubin V. G. *Krymskie Repatrianty: Deportatsiya, Vozvrashchenie i Obustroistvo* [Crimean Repatriates: Deportation, Return and Resettlement]. Simferopol: Amena Publ., 1998. 340 p.
3. *Perepis Naseleniya v Respublike Krym 2014. Itogi* [Census of the Republic of Crimea 2014. Results]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/9959888049859c55918cf12d12c3261e/pub-04-05.pdf (accessed 11 September 2019).
4. *Perepis Naseleniya v Respublike Krym 2014. Itogi* [Census of the Republic of Crimea 2014. Results]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/r

- resources/0b6a2e80454bd171aa4efec4d78fa45b/pub-04-01.pdf (accessed September 11 2019).
5. *Perepis' Naseleniya v Respublike Krym 2014. Itogi* [Census of the Republic of Crimea 2014. Results]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/82d229804551593ba26ffec4d78fa45b/14.4.+ВЛАДЕНИЕ+ЯЗЫКАМИ.pdf (accessed September 11 2019).
 6. *Rasporyazhenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 09.06.2015 g. № 507-r «O Sozdanii Avtonomnoi Nekommercheskoi Organizatsii “Obshchestvennaya Krymsko-Tatarskaya Teleradiokompaniya”»* [Decree of the Council of Ministers of the Republic of Crimea dated 06.06.2015 No. 507-r «On the Establishment of an Autonomous Non-Profit Organization “Public Crimean Tatar Television and Radio Company”»]. Available at: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/4605> (accessed 11 September 2019).
 7. *Ustav Avtonomnoi Nekommercheskoi Organizatsii «Obshchestvennaya Krymskotatarskaya Teleradiokompaniya»* [Charter of the Autonomous Non-Profit Organization *Public Crimean Tatar Television and Radio Company*]. Available at: <http://trkmillet.ru/files/documents/ustav.PDF?fdc> (accessed 11 September 2019).
 8. Emirova A. M. *Krymskotatarskaya Filologiya: Sovremennoe Sostoyanie i Perspektivy Razvitiya* [Crimean Tatar Philology: Current Status and Development Prospects]. *Voprosy Filologii*, 2003, no 2 (14), pp. 149–156.
 9. Yablonovskaya N. V. *Vozniknovenie i Razvitie Krymskotatarskikh SMI Dlya Detei* [The Emergence and Development of Crimean Tatar Mass Media for Children]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo, Seriya «Filologiya. Sotsialnye Kommunikatsii»*, vol. 26 (65), no № 3, pp.135–142.
 10. Yablonovskaya N. V. *Mnogonatsionalnoe Radioveshchanie Kryma: Istoriya i Sovremennost* [Multinational Broadcasting of the Crimea: History and Modernity]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo, Seriya «Filologiya. Sotsialnye Kommunikatsii»*, 2010, vol. 23 (62), no 4, pp. 161–168.
 11. Yablonovskaya N. V. *Rabota Redaksii Gazety «Kyzyl Krym» i Krymskotatarskoi Redaksii pri Vsesoyuznom Radiokomitee vo Vremya Okkupatsii Kryma* [Work of the Editorial Board of the Newspaper *Kyzyl Krym* and the Crimean Tatar Editorial Office at

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ В СОХРАНЕНИИ...
the All-Union Radio Committee During the Occupation of Crimea]. *Kultura Narodov Prichernomorya*, 2005, no 63, pp. 121–125.

12. Yablonovska N. V. *Etnichna Presa Krimu: Istoriya ta Suchasnist* [Ethnic Presa Krimu: History and State]. Simferopol: Krimnavchpedderzhvidav Publ., 2006. 312 p.

**THE ROLE OF REGIONAL ETHNIC TV AND RADIO BROADCASTING IN
THE PRESERVATION OF NATIONAL LANGUAGE AND CULTURE (ON THE
EXAMPLE OF “PUBLIC CRIMEAN TATAR TV AND RADIO COMPANY”)**

Yablonovskaya N. V.

Summary. The article studies the activities of the Autonomous Non-Profit Organization *Obshchestvennaya Krymskotatarskaya Teleradiokompaniya* (Public Crimean Tatar Television and Radio Company), which was established in the Republic of Crimea in 2015. The author pays special attention to the peculiarities of the content and language policy of the organization due to its ethnic character. The materials of two media resources are analyzed – the Crimean Tatar television channel *Millet* (People) and the Crimean Tatar radio *Vatan Sedasi* (The Voice of Motherland), their role in preserving the Crimean Tatar language and culture, as well as in reflecting various aspects of the life of the multinational Crimea.

Keywords: ethnic journalism, Crimean Tatar TV channel, Crimean Tatar radio, *Millet*, *Vatan Sedasi*.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1'366

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ

Попова А. Р.

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»,
Г. Орел, Россия
E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

Статья посвящена изучению нестандартного использования морфологических ресурсов русского языка при создании обширного класса имен собственных – имен персонажей компьютерной игры. Материалом настоящего исследования выступают онимы, функционирующие в многопользовательской Интернет-игре «Небеса» (словник насчитывает около четырёх тысяч единиц). Данные лексемы представляют собой новый объект ономастики. Именующие персонажа единицы выполняют целый ряд функций: самопрезентация и индивидуализация игрока, выражение отношения к игровым и внеигровым объектам, эстетическая и контактоустанавливающая функции. При именовании своего персонажа игрок может задействовать, помимо лексико-семантических, фразео-семантических, синтаксических, орфографических, графических и пунктуационных, также и морфологические ресурсы русского языка. Отличительной особенностью анализируемых лексем является прежде всего специфика их частеречной принадлежности. Наряду с именами собственными, восходящими к существительным (что типично для онимов ввиду обладания семантикой предметности), распространены онимы, соотносительные со многими другими частями речи, каковым не свойственна способность наименования лица, человека. Выявлены сотни имён персонажей компьютерных игр, представляющие собою имена прилагательные в разных грамматических формах, имена числительные и местоимения некоторых лексико-грамматических разрядов, разнообразные формы глаголов, наречия, слова категории состояния. У подобных онимов происходит – в разной степени – деактуализация грамматических категорий. Онимизируются также слова частей речи, не обладающие грамматическими категориями: слова служебных частей речи, междометия и звукоподражания. В результате использования таких единиц в новой для них функции – имени персонажа компьютерной игры – происходит «опредмечивание» лексем различных частей речи.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, морфология, часть речи, грамматическая категория, лексика компьютерных игр.

ВВЕДЕНИЕ

Относительно новая сфера компьютерных игр в настоящее время вовлекает миллионы участников, что неизбежно ведет за собой пополнение фонда национального русского языка значительным количеством номинативных единиц

(лексических и фразеологических) и новых лексико-семантических вариантов уже существующих слов. Появляется масштабная, детально проработанная игровая реальность, нуждающаяся в специальных номинациях, представленная многообразными персонажами, неодушевленными предметами с их свойствами, функциями, возможными действиями. Растет и развивается огромный пласт современного компьютерного жаргона, куда входят как единицы широкого распространения, то есть используемые в целом ряде компьютерных игр, так и единицы, номинирующие уникальные реалии какой-либо определенной игры.

Во многих играх необходимо не только обозначить некое явление, но и индивидуализировать его, назвать и тем самым выделить из ряда однородных, что достигается при помощи онимов. Подобные единицы становятся объектом современной ономастики.

Многопользовательская браузерная игра «Небеса», одна из известных и широко распространенных российских Интернет-игр, насчитывающая миллионы игроков, предполагает наделение персонажа личным именем, которое должно быть уникальным (в пределах данной игры). Данная игра существует с 2010 года, её богатый и разноплановый ономастикон формируется непосредственно в настоящее время, является новым, неизученным и нуждается в разноаспектном описании.

Целью настоящей статьи является выявление комплекса морфологических ресурсов языка, используемых для номинации имени игрового персонажа: слова каких именно частей речи, какие морфологические формы, в какой количественной пропорции подвергаются онимизации, во многих случаях порождая нестандартные, оригинальные наименования персонажей.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Специфика игровой механики такова, что «автор» не может присвоить своему персонажу уже задействованную последовательность букв, цифр, пунктуационных знаков. Следовательно, в данной компьютерной игре имя собственное в полной мере реализует присущую ему функцию идентификации объекта – назначения ему уникального статуса. Так, «имя собственное – слово (эквивалент слова), которое

называет объект (реалию), выделяя его из ряда ему подобных, индивидуализируя и идентифицируя его и тем самым отграничивая его от других объектов того же ряда, иначе говоря, – это индивидуальное наименование элемента действительности» [3, с. 59]. Таким образом, игроку необходимо применить ряд «приемов индивидуализации имени персонажа» [4, с. 113].

В данном случае в принципе невозможна *одноименность* – ср. определение явления А. В. Суперанской: «...мы рассматриваем как случаи одноименности, если имя дано нескольким индивидам в одном и том же денотативном ряду (несколько мужчин по имени Иван)...» [5, с. 13].

В компьютерной игре «Небеса» общение, переписка, иначе говоря, развернутое речевое взаимодействие между играющими минимально (игра ведется посредством выстраиваний комбинаций из фишек на игровом поле по принципу «три в ряд»), и потому персонаж выступает, по сути, основным и единственным представителем игрока. Следовательно, актуальной является самопрезентация через имя персонажа – антропоморфного существа, в своеобразном «общении» с которым игрок проводит немало времени. При этом имя содержит в себе не только типичную функцию онима – функцию выделения объекта из ряда однородных – но и некоторые вторичные, дополнительные функции.

Оним нередко выполняет функцию эстетическую (имя может быть придумано игроком и быть благозвучным, нравиться ему – *Ланиотерия*, а может представлять собою актуальное для игрока имя/фамилию/прозвище героя книги или фильма. Подобных примеров сотни: *Гаргантюа*, *НастасьяФилипповна*, *Доктор_Ливси*, *ТЕРМИНАТОР*, *Джек__Воробей* и мн. др.).

Оним может быть в определенной степени эпатажным (*НебритаяНога*, *Убийца_Бабушек*, *Эпатажный* – орфография и пунктуация здесь и далее сохранены); может отражать отношение к игре, к персонажу, к каким-то внеигровым явлениям – юмор либо иронию (*ПэруыйРасИграю*, *VIP_гроба_скрип*, *Здоровый_пациент*, *Бензиновый_пуни*); может содержать в той или иной форме установку на контакт, обращение к другим игрокам (*Я_еще_вернусь_*, *ВсехПорву*, *примем_в_клан_* и т.п.).

Некоторые имена собственные подразумевают дифференциацию «свой-чужой»: так, например, игроки одного так называемого «клана» (небольшой группировки) присвоили персонажам похожие имена: ср. *ВРЕДняшка*, *ВРЕДНЮГА*, *ВРЕДНЫЙ_АНГЕЛ* и др. (клан *ВРЕДНЫЕ*).

Отметим, что цельнооформленность структурно сложного онима задана параметрами игры: имя не должно содержать пробелов, поэтому пробел заменяется различными пунктуационными знаками или опускается.

Как показывают наши наблюдения (в картотеке около 4000 имен собственных), в ономастиконе данной игры встречаются чаще всего: 1) личные имена и (или) фамилии – по-видимому, имена самих играющих, причём таких именовании большинство, 2) личные имена героев книг, фильмов, имена мифологических существ – происходит их вторичная онимизация, 3) нарицательные существительные – наименования человека по внешним и внутренним свойствам – в функции онимов, 4) нарицательные существительные – наименования представителей животного мира – зоонимы, орнитонимы и др. – в функции онимов. Семантическая классификация игровых онимов сложна и многообразна, насчитывает десятки группировок, выше приведены лишь самые объёмные.

Так или иначе, чаще всего номинант представляет собой *имя существительное*, что вполне объяснимо: персонаж есть некий субъект, лицо, и для его именовании логичнее всего использовать лексему с общим категориальным значением предметности. «Предметность как основное свойство категории собственных имен требует от слов, относящихся к ней, субстантивности. Поэтому при широких возможностях различных частей речи быть именем собственным лучшие «кандидаты» в имена собственные – существительные. А не-существительные (слова и даже фразы) – стремятся к субстантивации» [6, с. 109]. Именно в этом грамматическом классе существует обширная группа существительных со значением лица – классифицирующих и характеризующих. Именно с помощью существительного можно назвать, а также в той или иной степени эмоционально и экспрессивно охарактеризовать человека с точки зрения пола, возраста, внешности, черт характера, интеллектуальных способностей, рода занятий и т.д.

При наречении персонажа игрок располагает некоторыми сведениями о таковом. Пользователю «даны» пол персонажа, так называемый культ (то есть класс, обладающий определенными внешними характеристиками и набором игровых возможностей), образ (дополнительный внешний вид, получаемый за достижения в игре). Эти сведения проявляют себя в именах персонажей, но нечасто: ср. *уЖаСнАя* (культ Ужасающего), *Скорбист*, *Скорбун* (культ Скорби), *Защитильник* (культ Защитника), *Merchandiser* (образ «Торговец»; в переводе с английского языка данное слово означает «торговец»), *МЯСНИК* (образ «Мясник») и др.

Однако же сотни (в общей сложности) наименований, подвергшихся онимизации, не являются существительными и в своем первичном значении не обладают семантикой предметности.

Наиболее активно в функции наименований персонажей используются **имена прилагательные**, что объясняется спецификой данной части речи: прилагательные наиболее пригодны для характеристики лица – в данном случае, антропоморфного персонажа. Прилагательные в русском языке нередко подвергаются субстантивации, что в данном случае удобно и актуально. По словам В. В. Виноградова, «категория имен существительных непрестанно вовлекает в свою систему бывшие формы имен прилагательных (ср.: *портной, посыльный, верховой...* и т.п.)» [1, с. 51].

Как показывает проанализированный материал, игроки выбирают самые разнообразные характеристики: по внешним особенностям – причем внешность может соответствовать облику персонажа (*Костлявый* – образ «Скелет»), а может и не соответствовать (...*маленький...*), по чертам характера, приписываемым персонажу либо актуальным для игрока (*Derzkaya*), номинация может представлять собой обобщенную эмоциональную характеристику (*хорошая*), колористическую характеристику (*Хаки, Зелёновый*). Оним-прилагательное далеко не всегда содержит предметно-логическую связь с персонажем, выражая некую произвольную характеристику (*мокрый, глухой, разная, Солнечная, Колочая, MORSKAYA, НормАльный* и мн. др.). Преобладают качественные прилагательные, что объяснимо: персонажу присваиваются некие «качества». Относительные прилагательные единичны: *тамбовский*. Количество притяжательных прилагательных также очень

невелико: по-видимому, такие номинации отсылают к самому игроку и образованы от личного имени суффиксальным способом: *ксюхин, Людкин, Димочкин*.

Как и в современном русском языке, в присвоении имен персонажам игры в значительно большей степени используются полные формы прилагательных: краткие формы имеют специфические семантические, грамматические и стилистические свойства и в обиходной разговорной речи встречаются нечасто. Онимизация кратких прилагательных непродуктивна: *Великолепен, крута, Влюблена*.

Формы сравнительной простой степени отмечаются редко и только в структурно сложных онимах – лексикализованных словосочетаниях: *НежнееНожа, СлащеМести*, поскольку само употребление данной формы предполагает указание на объект сравнения. Формы превосходной степени – как простой, так и сложной – также малоупотребительны. В обоих зафиксированных случаях имеет место элятивное значение: *самый_главный, великодушнойшая* – то есть безотносительно высокая, «максимальная» степень качества.

Третья из именных частей речи – **имя числительное** – казалось бы, не пригодна для онимизации, поскольку ни один из разрядов числительного не номинирует человека или какое-либо его свойство, но обозначает абстрактное число, определенное или неопределенное количество предметов, порядок при счете. На первый взгляд, само общее категориальное значение препятствует созданию имени собственного. Тем не менее, подобные лексемы в функции онима встречаются: количественные числительные (в том числе в цифробуквенных сочетаниях) *Шесть6, семь7, СЕМЬ07, Тринадцать_*, *SeVeN*, порядковые числительные *третий, Четвёртый, ТридцатьВторой*.

Отвлеченность значения **местоимений**, отсутствие у них номинативной функции, четкой «привязанности» к определенному денотату и наличие функции дейктической – все это являет собой препятствие для онимизации. Однако же и такие наименования существуют. В игре зафиксированы, например, онимы – неопределенные местоимения *Чтото, КтоЛибо*, онимы – определительные местоимения *сама, Самая* (нетипичная орфография привносит два смысла: оним прочитывается как лексема *самая* или же как сочетание слов *сама я*), *самая-самая*

(местоимение подвергается неполной адъективации и приобретает значение «лучшая»).

Глаголы, имеющие общее категориальное значение процессуального признака, именуют персонаж весьма своеобразно – с точки зрения совершаемых им либо совершаемых игроком действий. Как можно заметить, в столь нетипичных онимах использованы разные видовременные формы глагола: *Хожу, замучаю, Захреначу, Окреп, Насмешил, СДЕЛАЛ*. Именно с помощью глаголов осуществляется контактная функция игрового имени – функция обращения к другим игрокам: *Порадуюсь, Х.В.А.С.Т.А.Й.С.Я, УЛЫБНИСЬ, _Угадай_, Забей*. В ряде случаев используются особые формы глаголов: *Бултых, имяк, hlorp*. Показательно отсутствие инфинитивов как максимально абстрактных по семантике, не передающих реальности/ирреальности действия, времени его совершения и актуальных характеристик самого субъекта – лица, числа и рода.

Онимы-причастия встречается нередко, поскольку причастия, подобно прилагательным, активно субстантивируются и могут обозначать признак лица (в данном случае – активный, процессуально-качественный). Наличие у причастий родовой характеристики также делает данный класс слов удобным для номинации персонажей, дифференцированных по половому признаку. При немногочисленности подобных номинаций обращает на себя внимание доминирование причастий настоящего времени действительного залога, которые активно субстантивируются и в литературном языке (ср. *говорящий, слушающий, трудящиеся* и т.п.): *Созерцающий, Атакующая, Бьющий_Пьющий* и т.п. Отмечаются окказиональные причастия – *непокоримая*, а также в сочетании *Перееханый_Енот* (имеет место образование отсутствующей в литературном языке формы причастия страдательного залога прошедшего времени).

Деепричастия, по нашим наблюдениям, в процессе наименования персонажей не задействованы, поскольку автономно не употребляются, обозначая действие добавочное при основном действии, выраженном сказуемым. Такой оним потребовал бы определенной синтаксической конструкции – предложения, осложненного деепричастным оборотом, что весьма неудобно и «громоздко». Ни структурно

простых онимов-деепричастий, ни структурно сложных онимов, содержащих компонент-деепричастие, в нашем материале не отмечено.

В качестве наименований персонажей используются **наречия** (в том числе и местоименные), что также нетипично для слов данной части речи, обозначающей признак действия (чаще всего), предмета, другого признака: *Абыкновенно, Неособо, КактоТак, Wsegda, ЗАЧЕМ, kakto, Домой* и т.п. Не всегда при изолированном употреблении лексемы вне контекста предложения либо словосочетания реально определить часть речи – наречие либо слово категории состояния: *Отлично, замечательно*. Слова же **категории состояния**, при всей их немногочисленности, чаще используются в онимах, равных по структуре односоставным безличным предложениям: *ТакНадо, ПоРаПоБаБаМ, ПоРаПоБаРаМ, тебе Джигурдец* (оказиональное слово категории состояния, образованное от фамилии актера, певца и кинорежиссера *Джигурда*). Простые онимы, представленные одним словом категории состояния, в нашем материале отмечены всего дважды: *КАПУТ, Пофиг* – причем оба слова стилистически маркированы.

В процесс наименования персонажей вовлекается даже служебная часть речи, частица, что – при нормативном употреблении – не соответствует ее семантике (отсутствие номинативной функции) и особенностям употребления (невозможность употребляться самостоятельно, изолированно) – ср. *Просто_напросто*.

Присущая значению **междометия** эмоциональность делает данную часть речи весьма привлекательной для онимизации: таких номинантов немало, причем в целях усиления эмоциональности используются орфографический прием удвоения, утроение и т.д. букв, что типично для Интернет-общения: *Ahh, .ух., ООоёёЙЙЙ, brrr..., ...опаньки..., она__на, ОбаНа, ОБА_НА, Uncc..., Atass, О_Ее, ухтыблинухтыблин, йехууу* и др. В функции онима нами зафиксировано единственное императивное междометие – подзывное слово *КЫСКЫС*.

Звукоподражательные слова, часть речи, «представители» которой обладают соответствием формы и содержания, активно используются игроками. Имена персонажей воспроизводят звуки, издаваемые человеком, в данном случае, смех (*хехе, мухаухаха, Ухахаха, бугагага*), а также звуки, издаваемые представителями

живого мира (___Мур___, муррррр, Мурмур., Чик_чирик, Вжжжж) и какими-либо предметами (ВЖИК_ВЖИК, Тук..Тук, туцтуц, дыдыЦ и др.).

Отмечаются и слова речевого этикета в качестве имен персонажей – *превед*, *Оривидэрчи* – обе единицы являются так называемыми «олбанизмами» (словами с определенного рода нарушениями орфографических правил, когда из ряда омофоничных написаний в данной позиции выбирается намеренно ошибочное).

Как можно заметить, присущие персонажу компьютерной игры внешние особенности, действия, боевые и защитные возможности далеко не всегда оказывают влияние на мотивацию присвоенного персонажу имени. Во многих случаях игрок вкладывает в имя некие актуальные для него понятия, признаки, действия и т.п., абсолютно не связанные с номинируемым персонажем.

Такая закономерность соответствует предназначению онимов: «Для имен собственных основной является функция названия предметов действительного или воображаемого мира. Они обладают свойством прозрачности – сквозь них как бы просвечивает референт, выбор которого... независим от условий коммуникации (если отвлечься от возможности существования нескольких носителей одного имени). Наличие значения у собственного имени, подобно разводам на стекле, делало бы его менее прозрачным, мешая увидеть денотируемый объект, поскольку образ, лежащий в основе значения имен собственных, как правило, не соответствует свойствам их носителей...» [7, с. 190]. Таким образом, номинации, имеющие индикативную направленность («индикатив соответствует номинации, протекающей в русле реальной модальности и закрепляющей в имени собственном свойства самого денотата» [2, с. 302]), не являются доминирующими в данной сфере.

Как правило, пол персонажа и род онима – существительного, прилагательного или причастия – совпадают, что важно, поскольку персонажи дифференцированы по половому признаку. «Категорию грамматического рода некоторые ученые не без основания считали и считают «наиболее характерным морфологическим признаком»... имен существительных. Ведь в некоторых группах имен существительных могут отсутствовать внешние признаки других категорий: падежа и числа (ср.: *какаду*, *губоно*, *пари* и т.п.)» [1, с. 58]. Однако нам многократно

встречались несоответствия рода онима полу персонажа, вызванные, как можно предположить, несовпадением пола персонажа и пола игрока. Некоторые части речи, некоторые грамматические формы обладают категорией рода, и потому возможно выявить подобные «противоречивые» номинанты: (*Ольга_Олик, СВОБОДНАЯ, Дина_Каталкина* – персонаж мужского пола; *ZEUS, edvard, инок, Колонизатор, устал* – персонаж женского пола и т.п.).

Родовая характеристика присутствует в рассмотренных именах собственных далеко не всегда: не все онимизированные части речи или определенные словоформы в принципе обладают родом (некоторые формы глагола, наречия: *Забей, Приплыли, Домой* и др.). Или же если оним структурно равен некоторым типам словосочетаний (*Призрак_и_Тьма*) либо предложению (*Я_из_Сочи, вытьююкроовь, вМагазинЗайди* и др.).

Поскольку каждый персонаж уникален, при создании имени собственного «не работает» категория числа. Малофункциональна и категория падежа. Заметим, что в онимах – лексикализованных словосочетаниях и предложениях, в соответствии с закономерностями управления в русском языке, встречаются разные падежные формы существительных (*СоздательМира, Обречена_наУспех, АнгелСРожками, Я_в_ПЕЧАЛИ*), однако же в структурно простых онимах представлен только именительный падеж.

Глагольные признаки (вид, переходность, возвратность, залог, наклонение и др.) в именах собственных не выполняют своего основного назначения – практически не характеризуют действие. Грамматические категории глагола остаются значимыми лишь в тех онимах, которые являются не только номинациями персонажа, но и обращениями к другим игрокам: при этом, что вполне логично, актуальны наклонение (*УЛЫБНИСЬ, Порадуюсь*), лицо и число (*будешьотодран, Забей, замучаю*). Однако и эти особенности вторичны, поскольку такие словоформы представляют собой личное имя.

Довольно редки архаичные словоформы: *еси_в_Небеси, человеце*. Иногда игроки намеренно используют ненормативные словоформы: *Консерва* – существительное *plurality tantum* не имеет форм единственного числа, *Пельменя* – вместо нормативного

пельмень. Ср. также в структурно сложных онимах-предложениях: *ща_победю* – достраивание не существующей в парадигме глагола *победить* формы первого лица единственного числа; *Я_БесюсЯ* – просторечная форма первого лица единственного числа глагола *беситься*. Или же игрок создает собственную форму окказионального слова: *БудуСкорбить* – в данном случае предполагается инфинитив *скорбить*, то есть «играть персонажем культа Скорби» (в литературном языке существует глагол *скорбеть* с иным значением).

ВЫВОДЫ

Новые, образованные в последнее десятилетие онимы – имена персонажей компьютерных игр – составляют часть ономастического пространства национального русского языка. Для создания таких онимов используется комплекс языковых средств (фонетические, графические, словообразовательные, лексико-семантические, грамматические, фразеологические средства). Внутри данного комплекса обращает на себя внимание активность использования морфологических ресурсов русского языка.

Характерным для компьютерной игры приёмом именованья персонажа выступает нетипичное использование в качестве онимов слов всех знаменательных частей речи, а также частиц, междометий и звукоподражательных слов. Наиболее часто онимизируются, помимо имён существительных (что типично для процесса онимизации), имена прилагательные, глаголы, междометия и звукоподражания.

Все части речи, кроме имён существительных, в созданных онимах меняют свой статус. Три определяющих часть речи признака – общее категориальное значение, морфологические категории и синтаксическая функция – становятся менее актуальными либо неактуальными.

Нестандартность и оригинальность онимов обусловлена спецификой их мотивации: в большинстве исследованных единиц мотивационный признак не связан с какими-либо особенностями номинируемого персонажа.

Особенностью образования имён персонажей компьютерной игры является «опредмечивание» лексем любых частей речи и выдвижение на первый план

функции индивидуализации имени, то есть его соотнесенности с уникальным денотатом – конкретным персонажем конкретного игрока.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М., 1986. – 640 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5306> (дата обращения 15.01.2019).
2. Голомилова М. В. Архетипы онимической номинации: индикатив, дедикатив, дезидератив / М. В. Голомилова // В созвездии слов и имен: сборник научных статей к юбилею М. Э. Рут / Отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург, 2017. – С. 302–321.
3. Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография / Л. А. Климкова / Науч. ред. И. А. Ширшов; МГПУ. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
4. Попова А. Р. Приемы индивидуализации имени персонажа интернет-игры / А. Р. Попова // Трубачевская соборная встреча: Сборник материалов научных чтений. Вып. 2. / Под ред. Г. В. Егоровой и В. И. Супруна. – Волгоград: Изд-во МОУ ЦДОД «Олимпия», 2014. – С.113–117.
5. Суперанская А. В. Апеллятив – онома / А. В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 5–33.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
7. Языковая номинация (общие вопросы): коллективная монография / Отв. ред. Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 400 с.

References

1. Vinogradov V. V. *Russkii Yazyk (Grammaticheskoe Uchenie o Slove)* [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. Textbook for Universities /

-
- Ed. G. A. Zolotova. 3th ed., corr. Moscow, 1986. 640 p. Available at: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5306> (accessed 15 January 2019).
2. Golomidova M. V. *Arkhetipy Onimicheskoi Nominatsii: Indikativ, Dedikativ, Deziderativ* [The Archetypes of the Onymic Nomination: Indicative, Dedication, Desiderative]. *V Sozvezdii Slova i Imen: a Collection of Scientific Articles for the Anniversary of M. E. Ruth*. Yekaterinburg, 2017. Pp. 302–321.
 3. Klimkova L. A. *Nizhegorodskaya Mikrotoponimiya v Yazykovoii Kartine Mira* [Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world]: Monograph, *Moskovskiy Gorodskoy Pedagogicheskii Universitet* [Moscow State Pedagogical University]. Arzamas: *Arzamasskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Institut* [Arzamas State Pedagogical University] Publ., 2007. 394 p.
 4. Popova A. R. *Priemy Individualizatsii Imeni Personazha Internet-igry* [Methods of Individualization of the Name of the Character of the Internet Game]. *Trubachevskaya Sobornaya Vstrecha: Collection of Materials of Scientific Readings*. Issue 2. Volgograd: Munitsipal'noye Uchrezhdeniye Dopolnitel'nogo Obrazovaniya Tsentr Dopolnitel'nogo Obrazovaniya Detei Olimpiya Publ., 2014. Pp. 113–117.
 5. Superanskaya A. V. *Apellyativ – Onoma* [Appellative – onoma] // *Imya Naritsatelnoe i Sobstvennoe*. Moscow: *Nauka* Publ., 1978. Pp. 5–33.
 6. Superanskaya A. V. *Obshchaya Teoriya Imeni Sobstvennogo* [The General Theory of a Proper Name]. Moscow: *Nauka* Publ., 1973. 367 p.
 7. *Yazykovaya Nominatsiya (Obshchie Voprosy)* [Language Nomination (General Questions)]: Collective Monograph. Moscow: *Nauka* Publ., 1977. 400 p.

MORPHOLOGICAL TECHNIQUES FOR CREATION A NAME OF A COMPUTER GAME CHARACTER

Popova A. R.

Summary. The article is devoted to the study of nonstandard using of morphological resources of the Russian language to create an extensive class of proper names, names of a computer game characters. The material of the research is the onyms that function in the Multi User Internet game «Heaven» (the dictionary contains about four thousand items). These lexical items represent a new object of onomastics. Character naming items perform a number of functions: self-presentation and individualization of gamer, expression of attitude towards game and off-game objects, aesthetic and contact making functions. Naming own

character, a gamer can use – in addition to lexical-semantic, phraseological-semantic, syntactic, orthographic, graphic and punctuation – also morphological resources of the Russian language. The distinctive feature of the analyzed lexemes is, first of all, the specificity of their part of speech affiliation.

Along with proper nouns related with nouns (this is typical for onyms in view of the possession of the semantics of objectivity), there are a lot of onyms that correlate with many other parts of speech, which do not have the ability to name a person. Hundreds of computer game character names have been identified, including: adjectives in different grammatical forms, numerals and pronouns of some lexical and grammatical categories, various forms of verbs, adverbs, words of category status. In such onyms, to a varying degree, deactivation of grammatical categories occurs. The words of speech parts that do not have grammatical categories are also onimized: words of service parts of speech, interjection and onomatopoeic words.

As a result of using of such items in a new function for them – the name of the character of a computer game – «objectification» of lexemes of various parts of speech occurs.

Keywords: onomastics, proper name, morphology, part of speech, grammatical category, vocabulary of computer games.

УДК 808.5

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ПЕЧАТНЫХ СМИ КРЫМА

Чабаненко Т. С.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: kostina-tatyana@mail.ru

Автор статьи обращается к актуальной проблеме соблюдения норм русского литературного языка в современных СМИ. Вместо того чтобы быть, как раньше, образцами хорошей речи, работники массмедиа все чаще засоряют ее. Это отражается и на повседневной языковой жизни общества, потому что население продолжает воспринимать СМИ как источник правильной речи, а роль их с каждым годом только растет. Для анализа выбраны три ежедневных печатных издания Республики Крым: «Крымская газета», «Крымская правда», «Крымские известия». Несмотря на то что любая статья перед выпуском может и должна быть отредактирована, в том числе и на наличие опечаток, неправильностей, почти в каждом номере обнаружены ошибки всех типов: от орфографических и пунктуационных до логических и фактических. Ряд неточностей свидетельствует о журналистской невнимательности, но большинство их отражает существенные пробелы в языковой подготовке авторов статей. Поэтому необходимо наладить сотрудничество между работниками СМИ и специалистами-филологами, которые будут проводить регулярное обучение журналистов, повышать их грамотность и культуру речи. Для максимально эффективного повышения речевой компетентности сотрудников газет целесообразно использовать результаты проведенного исследования, так как анализ собранной картотеки показал, какие именно ошибки допускаются чаще всего. Первый же шаг на пути улучшения качества газетных статей с позиции соблюдения речевых норм, по мнению автора статьи, заключается в обязательном редактировании материалов специально подготовленными сотрудниками: редакторами и корректорами.
Ключевые слова: литературный язык, норма, речевая ошибка, СМИ, газеты.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема соблюдения норм литературного языка уже несколько десятилетий является предметом активного обсуждения в научной среде (Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, О. Б. Сиротинина, А. П. Сковородников, Г. Я. Солганик, И. А. Стернин, В. В. Химик, Е. Н. Ширяев и мн. др.) и в обществе. Происходит расшатывание [9] или, по словам Б. Ю. Нормана, «смягчение литературной нормы» [10, с. 67]. В других работах идет речь о деструкции литературной нормы, отмечается стойкая тенденция «к пренебрежению литературной нормой, к ослаблению, а часто и разрушению традиций речевой

культуры в межличностном общении» [5, с. 32]. Все чаще говорят не только о речевой культуре, но и об антикультуре [11; 3].

В этих условиях активно развивается сравнительно молодая область междисциплинарного знания – лингвоэкология, или эколлингвистика [13]. Для охраны русского языка предпринимаются меры, в том числе на законодательном уровне. В 2005 г. вступил в силу закон «О государственном языке Российской Федерации», а в 2012 г. он дополнен Комментарием, включающим сборник статей по проблемам языкового регулирования в России и за рубежом, а также двухтомный комплексный словарь «Нормы современного русского языка как государственного». Этот закон принес свои плоды, но, как отмечают специалисты, не в полной мере и ненадолго [8; 12].

Исследователи признают, что большая роль в сохранении русского языка должна принадлежать СМИ. Язык СМИ традиционно считался одним из источников литературных норм, в настоящее время влияние массмедиа только растет, они – неотъемлемый спутник жизни человека. Газеты, телевидение, радио, Интернет – каждый может выбрать оптимально подходящий источник информации. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, в XXI веке «в условиях информационного общества культурно-языковое влияние наиболее активно осуществляется именно по каналам массовой коммуникации» [6, с. 46]. И. В. Анненкова считает, что «тексты современных средств массовой информации сегодня представляют собой ядро современной русской национальной культуры» [2, с. 76]. Г. Я. Солганик подчеркивает: «Если в XIX в. понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает язык СМИ» [14, с. 25].

Таким образом, обновление современного русского языка происходит именно через СМИ, они оказывают основное влияние на речевую культуру общества. Но влияние это оценивать положительно в большей части невозможно. Стремление к раскованности, ориентация на речь масс отодвинули на второй план ценность правильной речи, в СМИ пришли люди без специального филологического

образования, что не могло не отразиться на качестве готовых материалов. По словам Ю. Н. Караулова, «мы имеем дело с общим снижением культурно-речевого уровня использования языка в СМИ, которое естественным образом отражается на повседневной языковой жизни общества, на "состоянии" русского языка» [7, с. 30]. О. Б. Сиротинина пишет весьма категорично: «СМИ превращают богатейший литературный русский язык в жалкое, изуродованное (вроде размороженных батарей и довлеть над нами), обедненное и засоренное его подобие» [12, с. 32].

Действительно, многие, даже федеральные каналы пестрят языковыми ошибками: *Там полно-полным сезонных овощей* (Первый канал); *В том, что анимлаг будет полным, нет никакого сомнения* (Первый канал); *Мы предполагали о том, что здесь будут какие-то сидячие места* (НТВ); *Будь вы турист или командировочный, вы наверняка окажетесь здесь – на смотровой площадке* (НТВ); *Теперь это настоятельная рекомендация ко всем гражданам страны* (Пятый канал); *Несмотря на такие беспрецедентные меры безопасности провокаций не удалось избежать* (Россия 1); *Скоро в школу, поэтому стоит задуматься о кружках по интересах* (Россия 1). Особенно часто языковые нормы нарушаются на молодежных каналах, где совсем юные ведущие, очевидно, не знакомы даже с основными правилами. Вот только несколько примеров речевых ляпов ведущих молодежного телеканала «Пятница»: *Можно я посмотрю прейскурант цен* («Ревизорро»); *Ульяновск – город промышленный, поэтому сюда приезжает много командировочных* («Ревизорро»); *Именно в этом здании встретился Пол Маккартни и Джон Леннон* («Орел и решка»); *Похоже, природа – единственное богатство страны, которая стоит того, чтобы приехать сюда* («Орел и решка»). Как видим, при отборе ведущих, а также при подготовке выпусков к эфиру руководители телеканала явно не обращают внимания на речевую составляющую.

ИЗЛОЖЕНЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Становится интересно, как обстоит дело с печатными СМИ. Ведь если речь ведущих зачастую звучит в прямом эфире, спонтанно, то печатный текст всегда

может и должен быть вычитан, перепроверен. К сожалению, и в этом случае надежды оправдываются не часто. Весьма актуальной остается фраза из «Независимой газеты»: «Журналистов надо учить и учить!». Такой заголовок носила статья, посвященная круглому столу «Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения» 2000 года.

Чтобы обучение было максимально эффективным, следует понимать, какие речевые ошибки допускают чаще других. Определить это – **цель** настоящей статьи. В качестве **материала для исследования** были выбраны ежедневные газеты Крыма: «Крымская газета», «Крымская правда», «Крымские известия» (далее в примерах – КГ, КП и КИ соответственно).

В ходе исследования обнаружилось, что ошибки разных типов встречаются практически в каждом газетном выпуске. Буквально за две недели только одно издание может «подарить» внимательному читателю несколько десятков примеров отклонения от норм литературного языка. Есть и явные опечатки, опiski – следы невнимательности журналиста: *Отдельное счастье холодной мартовской зимой было укутываться в легкое летнее одеяло* (КП, 30.03.2019) – вряд ли автор не знает, что март – весенний месяц; *А проклятый Лягушонок кричал больше всех*, – *вспоминалась по этому поводу реплика шакала из сказки Киплинга про Маугли* (КИ, 05.04.2019) – автор просто забыл открыть кавычки в начале предложения; *Государственное унитарное предприятие «Крымтроллейбус» в течение месяца установит новый автоматический комплекс для мыться транспорта, сообщил генеральный директор предприятия Илья Проконьев* (КГ, 30.03.2019) – здесь явно необходимо отглагольное существительное *мытья*; *Девочка нарисовала печь, внутри который – цветок* (КИ, 12.04.2019) – союзное слово *который* должно стоять в женском роде, а слов мужского рода в главной части нет. Конечно, каждый может проявить невнимательность, особенно когда время ограничено, но не являются ли такие оплошности признаком неуважения к читателю?

Немногочисленные фактические ошибки вызваны, возможно, также невнимательностью авторов: *Но признался, что исторические персонажи даются сложнее, а самой трудной была роль Резанова в спектакле «Юнона» и «Авось»* (КИ,

09.04.2019) – правильно: в спектакле «Юнона и Авось»; – *Где взяли деньги на проведение референдума? – Нашли из внутренних ресурсов. Как и на решение многих других городских проблем в течение февраля-марта 2018 года* (КП, 27.03.2019) – очевидно, речь идет о 2014 г., и, даже если интервьюируемый оговорился, в статье это следовало исправить.

Не всегда спасают журналистов программы по проверке орфографии: *Напомним: туристические кластеры республики Крым создаются в Евпатории, Саках, Феодосии, Ленинском и Черноморском районах* (КП, 20.03.2019) – в официальных названиях государств и государственных объединений все слова, кроме служебных, пишутся с прописной буквы; кстати, выше в статье правильно написано *Республика Крым*; *В театре в день весеннего равноденствия дарили подарки – розыгрывали призы* (КП, 23.03.2019) – в безударном положении следует употреблять приставку *раз-*; *Какие только образы ни создавали талантливые дети за эти годы!* (КП, 20.03.2019) – в восклицательных утвердительных предложениях используется частица *не*; *И не ответченный телефонный звонок – повод для паники (чего уж там, сама грешна, начинаю беспокоиться, если мама не откликается)* (КИ, 03.04.2019) – причастие *не* имеет зависимых слов, поэтому с *не* должно писаться слитно.

Нередки на страницах крымских газет логические ошибки. Например: *В январе-феврале 2019 года расходы консолидированного бюджета РК выросли по сравнению с прошлым годом более чем почти на 9% и составили 15,9 млрд. рублей, заявила замглавы крымского правительства – министр финансов республики Ирина Кивико* (КП, 26.03.2019) – слова *более чем* и *почти* противоречат друг другу по смыслу; *Напомним, что если в 2013 году Крым собирал в бюджет республики один миллиард долларов в год, сегодня – в два с половиной раза больше* (КГ, 12.03.2019) – в одном предложении сразу три ошибки: во-первых, логическая, неоднозначность, так как создается ощущение, что Крым собирал деньги не в свой бюджет, а в бюджет какой-то непонятной республики; во-вторых, если указываются сборы за конкретный год, не надо далее писать «в год»; в-третьих, на стыке союзов *что если* не хватает запятой; *Обсуждались, в частности, планы реконструкции мемориала «Сапун-гора», а*

также предложение воссоздать легендарный бриг «Меркурий», участвовавший в морских сражениях времён Русско-турецкой войны. Затем, в ходе встречи главы государства с общественностью Крыма и Севастополя, обсуждались актуальные вопросы (КП, 20.03.2019) – две ошибки (логическая и стилистическая): во-первых, использование слова *актуальные* во втором предложении заставляет предположить, что указанные в первом предложении планы и предложения к числу актуальных не принадлежат; во-вторых, совершенно не украшает статью повтор слова *обсуждались* в двух предложениях подряд; Виктор Кот потерял зрение ещё 14 лет назад. Диагноз в медицинской карте – тотальная слепота. (...) Зато теперь она <собака> понимает своего хозяина с **ослабленным зрением** буквально с полуслова, даже по жестам и походке (КП, 23.03.2019) – возникает противоречивость, потому что ослабленное зрение не предполагает полной слепоты.

Зафиксированы различные речевые ошибки: и фразеологические, и словообразовательные, и морфологические, и даже орфоэпические: **Более-менее** привели в божеский вид лишь центральную часть набережной, создав скверик напротив парикмахерской «Волиебница» и музучилища (КИ, 05.04.2019) – из устойчивого выражения недопустимо убирать даже союз, поэтому верно *более или менее*; на страницах «Крымской правды» есть такая же ошибка, что свидетельствует о ее распространенности; До 9 мая **навряд ли** что-то изменится (КП, 21.03.2019) – словообразовательная ошибка: в русском литературном языке есть только слово *вряд ли*; Весна ознаменовалась яркими красками на прилавках: зелень, **тёрпкая** редиска, манящие огурцы и помидоры (КП, 27.03.2019) – отрадно, что редакция газеты так трепетно относится к точкам над буквой ё, но тогда и следить за ее уместностью необходимо не менее ревностно, чтобы не нарушать нормы орфоэпии, правильно *терпкий*; Так, по словам министра, заводом «Залив» на перевооружение потрачено более 2,5 миллиарда рублей, заводом «Море» – более **полмиллиарда** рублей, заводом «Фиолент» – около миллиарда рублей (КП, 20.03.2019) – морфологическая ошибка: в косвенных падежах числительные с *пол-* имеют форму *полу-*: *полумиллиарда*. Но все же это единичные примеры.

Чаще встречаются ошибки лексические. Среди них и свойственное только разговорному стилю использование наречия *где-то* в значении «примерно, приблизительно», и весьма распространенное, но неверное сочетание *дорогие цены*, вместо *низкие*. Сразу в нескольких примерах неверно выбран один из паронимов: *Сам Сергей Зырянов с большим удовольствием **апробировал** работу приложения, послушав выдержку из речи Президента России о воссоединении Крыма с Родиной* (КГ, 05.03.2019) – правильно *опробовал*, так как *апробировать* – это провести апробацию, т. е. официально одобрить, а не просто проверить; ***Обессилившие** от борьбы с попуаями местные фермеры обратились за помощью к властям* (КГ, 06.03.2019) – еще в школе объясняют разницу между парами *обессилеть – обессилить, обезлесеть – обезлесить* и т.п., в данном случае уместно *обессиленные*, т.к. фермеры стали бессильными; *Сдать ЕГЭ в это время смогут выпускники прошлых лет, а также выпускники текущего года, которые по уважительным причинам, подтвержденным **документарно**, не могут принять участие в экзаменах в основные сроки* (КП, 20.03.2019) – слово *документарно* имеет ограниченную сферу употребления, на что указывает помета «фин.» в словаре, а вот его пароним *документально* общеупотребительный и имеет значение «основанный на документах». Таким образом, в крымских СМИ, как в целом «в современной устной и письменной речи ошибочное словоупотребление встречается значительно чаще, чем нарушение произносительных или грамматических норм русского литературного языка» [4, с. 58].

Являются не стилистическим приемом, а ошибкой, свидетельствующей о неумении использовать синонимическое богатство языка, неуместные повторы одних и тех же или однокоренных слов, тавтология: *Маленькие и взрослые могут не только почерпнуть любопытные сведения о городе и людях, в нем живущих, но и **поучаствовать** в разнообразных мастер-классах. К примеру, на момент пребывания в музее «Крымская газета» могла **поучаствовать** в мастер-классе по валянию акварельной шерсти* (КГ, 06.03.2019); *Теперь же «зимникам», как, кстати, и «летникам», предстоит в оставшееся время до Игр в Токио-2020 и в Пекине-2022 усилить погоню за **будущим** «золотом» предстоящих чемпионатов мира, **которое***

может трансформироваться в будущее олимпийское «золото», без которого, как говорится, отныне «каши не сварить» на мировых спортивных аренах! (КП, 26.03.2019) – предложение в целом сложно для восприятия, его целесообразно разделить на несколько; *Местом размещения 12 старинных видов стал почтамт, причём фото **обрамлены рамками**, как картины, что создаёт дополнительные ретро-ощущения* (КИ, 16.04.2019).

Самыми же многочисленными оказались ошибки, связанные с незнанием синтаксического строя языка. Их стоит разделить на две группы: пунктуационные ошибки и собственно речевые синтаксические ошибки. Рассмотрим каждую группу детально.

Пунктуационные ошибки весьма разнообразны, но среди них наиболее часто возникают:

1. Сложности в постановке запятой перед союзом *и* в разных ситуациях: *По мнению экспертов, в том числе и психологов, такая ностальгия может быть связана с желанием и музыкантов и слушателей осязать творчество* (КГ, 13.03.2019) – однородные члены, соединенные повторяющимся союзом *и*, должны разделяться запятой; *И надо понимать, что никогда никаких отношений гармонии и любви между Россией и Западом не было, нет, и не будет* (КГ, 15.03.2019) – наоборот, однородные члены, соединенные одиночным союзом *и* (*нет и не будет*), запятой не разделяются; *Так что рисковать родителям не стоит: лучше подождать, пока ребёнку, давшему право на денежный сертификат, исполнится 3 года и потратить сумму безналично* (КП, 27.03.2019) – перед союзом *и* заканчивается придаточная часть, поэтому нужна запятая; *У львовянки от ненависти побелели скулы и претендента на главное кресло во власти она называла уничижительным местоимением «воно»* (КИ, 05.04.2019) – части сложносочиненного разделяются запятой; возможно, автор посчитал это сложное предложение простым. Особое внимание следует обратить на случаи, когда союз *и* соединяет однородные придаточные с общим для них главным: *Ибо не заметить, как изменился Крым за 5 лет, и куда за это время завёл «европейский выбор» бастардов «козацкого роду», попросту невозможно* (КП, 23.03.2019); *Белинский и Чернышевский сказали, что*

Гоголь сошёл с ума, и что за это произведение его надо сослать в Сибирь (КП, 30.03.2019); *В начале прошлого года по Крыму разнеслась весть о смерти молодой женщины, которой вот-вот должно было исполниться всего-то 22 года, и которая уже полгода носила под сердцем ребёнка* (КИ, 09.04.2019).

2. Пунктуационные ошибки на стыке союзов: *Оперативники выяснили, что пока хозяин машины ходил за покупками, его нетрезвый друг сел за руль и скрылся на «семерочке»* (КП, 28.03.2019); *Главное, не забудьте, что если уже получаете выплату и ребёнку исполнился год, надо снова обратиться за ней – на следующие полгода* (КП, 27.03.2019); *Не сочтите за хвастовство, но когда пишу автопортрет, ставлю перед собой те же задачи, работаю в том же ключе, что и Винсент Ван Гог, и Рембрандт – признаётся Данила Березовский, представивший на выставку 7 работ* (КИ, 16.04.2019); *В случае победы он вступит в должность лишь в начале июня, а чтобы начинать сразу с этого, надо быть очень смелым и решительным человеком, к тому же иметь дополнительные «подушки безопасности»* (КИ, 16.04.2019) – запятая на стыке союзов не ставится только в том случае, если опущение или перестановка придаточной части требует перестройки подчиняющей предикативной единицы, в таком случае после первого союза в придаточной части следует двойной союз, обычно имеющий в главной части предложения слово *то*.

Среди речевых синтаксических ошибок чаще других встречаются:

1. Ошибки в употреблении однородных членов предложения, нередко – в предложениях с парными союзами: *Востребованными в курортных регионах остаются как профессии руководящего состава, так и линейного персонала* (КГ, 14.03.2019); *Тогда водителя могут не только лишить прав, но и свободы* (КП, 26.03.2019); *Автомобилистка должна не только получить штраф 2000 рублей за движение в пешеходной зоне, но и наказание за убийство кота* (КП, 22.03.2019) – во всех примерах из-за неверного расположения части союза в предложении соединенными в однородный ряд оказываются не однородные члены, зачастую – слова разных частей речи; *Согласно распоряжению Совета министров РК, в крымскую собственность перешло не только основное производство, а весь*

имущественный комплекс (КП, 27.03.2019) – искажен союз *не только... но и*; *Ловлю себя на мысли, что после созерцания гимнасток я начал **вникать и наслаждаться** самим **номерами*** (КИ, 03.04.2019) – соподчинение слов, требующих дополнений в разных падежах: *вникать во что-то, а наслаждаться чем-то.*

2. Неверное управление: *На всю страну прогремел **инцидент о том**, как 10 марта в московской квартире нашли истощенную пятилетнюю девочку* (КГ, 14.03.2019) – неоправданно используется указательное слово *то*, ведь существительное *инцидент* предполагает при себе определение (какой?); *Кроме того, произведена очистка полосы отвода, обочин, откосов и разделительных полос от посторонних предметов – **448,3 кубических метров*** (КП, 20.03.2019) – правильно: *метра*; *Признались: в каждой семье **чтут память о солдатах и офицерах**, которые в составе 51-й армии принесли на крымскую землю долгожданный мир* (КИ, 09.04.2019) – правильно: *читать память чью-либо, кого-либо.*

3. Нарушения в согласовании определений и определяемых слов: *Это **праздник** наступления весны у тюрко- и персоязычных народов, **символизирующего** пробуждение природы, очищение души и начало новой жизни.* (КГ, 13.03.2019) – правильно: *символизирующий*; *Следователи возбудили уголовное дело по факту **отравления** двух школьниц в Красноперекопске, **повлекшее** смерть одно из них, сообщила пресс-служба Главного следственного управления Следственного Комитета России по Республике Крым* (КП, 23.03.2019) – правильно: *повлекшего.*

4. Ошибки в согласовании подлежащего и сказуемого: *Даже **те**, кто до этого момента скептически относился к народным песням, за один вечер **превратился** в восторженного почитателя* (КГ, 06.03.2019) – сказуемое *превратился* ошибочно связано к местоимению *кто* из придаточной части, а не к *те* из главной; *МИА «Россия сегодня» **предоставила** возможность крымским журналистам в формате видеомоста услышать мнение ведущих экспертов, обсуждавших тему на площадке интернет-издания «Украина.ру»* (КИ, 03.04.2019) – сказуемое, вероятно, по ошибке отнесли к приложению «Россия сегодня», а не к подлежащему-аббревиатуре среднего рода МИА (по ключевому слову – агентство).

Как видим, пунктуационные и синтаксические ошибки в исследуемых газетах очень разнообразны. Они составляют основную часть собранной картотеки, т. е. их больше, чем всех других ошибок вместе. Действительно, на практике «именно синтаксис часто оказывается камнем преткновения даже для тех, кто стремится свято соблюдать нормы грамотной речи» [1, с. 48–49].

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Говорить о том, что современные крымские СМИ могут служить источником образцовой нормированной речи, не приходится. Даже в газетных текстах, которые теоретически могут и должны быть выверены редакторами и корректорами, множество речевых ошибок. Можно предположить, что должность корректора в изданиях не существует вовсе. Необходимо разъяснять руководителям СМИ, насколько важно следить за речью их работников, проводить корректорскую работу над публикуемыми текстами. Потребность в грамотных корректорах явно существует, и эта потребность острая. Крайне важно повышать уровень речевой подготовки и самих журналистов. В Крыму это особенно актуально, потому что многие годы количество часов на изучение русского языка в школах и вузах планомерно снижалось. В результате даже журналисты с профильным, филологическим образованием показывают невысокий уровень владения языком. Эта ситуация явно нуждается в скорейшем изменении. Необходимо планомерное сотрудничество специалистов-филологов, журналистов и их руководителей, следует возвращаться к практике обязательного редактирования материалов, а не ограничиваться саморедактированием, которое не может дать необходимого эффекта. Пресса не должна быть рассадником безграмотности. Пока регулярно нарушается правильность речи, говорить о соблюдении иных ее коммуникативных качеств (чистоты, богатства, выразительности и др.) бессмысленно.

Список литературы

1. Авдеевнина О. Ю. Мнение о том, что... // Русская речь. – 2016. – № 5. – С. 48–57.
2. Анненкова И. В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 69–78.
3. Вавилина Т. Ю., Мишланов В. А., Шиморек Я. Речевая культура и антикультура в современной массовой коммуникации (на материале текстов русского, польского и немецкого сегментов Интернета) // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 4 (20). – С. 112–124.
4. Головина Э. Д. Когда смешивают ареал с ореолом, а балахон с балдахином // Русская речь. – 2011. – № 3. – С. 58–62.
5. Данилевская Н. В. Деструкция литературной нормы в современной массовой коммуникации // Речевая коммуникация в средствах массовой информации: матер. II Междунар. науч.-практич. семинара. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – С. 32–35.
6. Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3. – С. 38–53.
7. Караулов Ю. Н. О состоянии современного русского языка // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 25–30.
8. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Речевой этикет в СМИ как фактор влияния на речевую культуру российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 5–9.
9. Крылова О. А. Речевая культура и языковая политика в современном российском обществе // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 52–56.
10. Норман Б. Ю. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика. – 1998. – № 1–2. – С. 57–68.
11. Салимовский В. А. Культура речи и антикультура // Дискурс, культура, ментальность / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. соц.-пед. академия, 2011. – С. 34–50.

12. Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 1. – С. 25–37.
13. Сквородников А. П. Экология русского языка. – Красноярск: «СФУ», 2016. – 388 с.
14. Солганик Г. Я. О современной культурно-речевой ситуации // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 23–30.

References

1. Avdevnina O.Yu. *Mnenie o Tom, Chto...* [The View That]. *Russkaya Rech'*, 2016, no 5, pp. 48–57.
2. Annenkova I.V. *Yazyk Sovremennykh SMI v Kontekste Russkoi Kul'tury* [The Language of Modern Media in the Context of Russian Culture]. *Russkaya Rech'*, 2006, no 1, pp. 69–78.
3. Vavilina T.Yu., Mishlanov V. A., Shimorek Ya. *Rechevaya Kul'tura i Antikul'tura v Sovremennoi Massovoi Kommunikatsii (na Materiale Tekstov Russkogo, Pol'skogo i Nemetskogo Segmentov Interneta)* [Speech Culture and Anti-culture in Modern Mass Communication (on the Material of Texts of Russian, Polish and German Segment of the Internet)]. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 2012, no 4 (20), pp. 112–124.
4. Golovina E. D. *Kogda Smeshivayut Areal s Oreolom, a Balakhon s Baldakhinom* [When the Natural Habitat is Mixed with a Halo, and a Robe with a Canopy]. *Russkaya Rech'*, 2011, no 3, pp. 58–62.
5. Danilevskaya N. V. *Destruktsiya Literaturnoi Normy v Sovremennoi Massovoi Kommunikatsii* [Destruction of the Literary Norm in Modern Mass Communication]. *Rehevaya Kommunikatsiya v Sredstvakh Massovoi Informatsii: Materialy II Mezhdunarodnogo Nauchno-Prakticheskogo Seminara*. St.-Petersburg: St.-Petersburg Government University, Higher School of Journalism and Mass Communication Publ., 2013, pp. 32–35.
6. Dobrosklonskaya T. G. *Rol' SMI v Dinamike Yazykovykh Protsessov* [The Role of the Media in the Dynamics of Language Processes]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2005, no 3, pp. 38–53.

7. Karaulov Yu. N. *O Sostoyanii Sovremennogo Russkogo Yazyka* [About the State of the Modern Russian Language]. *Russkaya Rech'*, 2001, no 3, pp. 25–30.
8. Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. *Rechevoi Etiket v SMI kak Faktor Vliyaniya na Rechevuyu Kul'turu Rossiiskogo Obshchestva* [Speech Etiquette in the Media as a Factor of Influence on the Speech Culture of the Russian Society]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2015, Vol. 15, no 1, pp. 5–9.
9. Krylova O. A. *Rehevaya Kul'tura i Yazykovaya Politika v Sovremennom Rossiiskom Obshchestve* [Speech Culture and Language Policy in Modern Russian Society]. *Russkaya Rech'*, 2006, no 1, pp. 52–56.
10. Norman B. Yu. *Grammaticheskie Innovatsii v Russkom Yazyke, Svyazannye s Sotsial'nymi Protsessami* [Grammatical Innovations in the Russian Language Related to the Social Processes]. *Rusistika*, 1998, no 1–2, pp. 57–68.
11. Salimovskiy V. A. *Kul'tura Rechi i Rehevaya Antikul'tura* [Speech Culture and Speech Anti-Culture]. *Diskurs, Kul'tura, Mental'nost'*. Nizhnii Tagil: Nizhnetagil'skaya Gosudarstvennaya Sotsial'no-Pedagogicheskaya Akademiya Publ., 2011, pp. 34–50.
12. Sirotinina O. B. *Chto Meshayet Effektivnosti Sovremennoi Kommunikatsii?* [What Hinders the Effectiveness of Modern Communication?]. *Ekologiya Yazyka i Kommunikativnaya Praktika*, 2017, no 1, pp. 25–37.
13. Skovorodnikov A. P. *Ekologiya Russkogo Yazyka* [Ecology of the Russian Language]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2016. 388 p.
14. Solganik G. Ya. *O Sovremennoi Kul'turno-rechevoi Situatsii* [About the Modern Cultural and Speech Situation]. *Aktual'nye Problemy Stilistiki*, 2016, no 2, pp. 23–30.

SPEECH CULTURE OF THE CRIMEAN PRINT MEDIA

Chabanenko T. S.

Summary. The author of the article refers to the actual problem of compliance with the norms of the Russian literary language in the modern media. Instead of being, as before, examples of good speech, media contributors are increasingly clogging it. This is reflected in the everyday language life of society, because the people

continue to perceive the media as a source of correct speech, and the role of media is only growing from year to year. Three daily printed editions of the Republic of Crimea were chosen for the analysis: *The Krymskaya Gazeta*, *The Krymskaya Pravda*, *The Krymskiye Izvestiya*. Any article before release can and should be proofread, including the presence of typos, mistakes, but almost every issue marked errors of all types: from orthographic and punctuation to logical and factual. Several of inaccuracies evidence of journalistic thoughtlessness, but the majority of them reflects the considerable gaps in the language training of the journalists. Therefore, it is necessary to establish cooperation between media workers and specialists in Philology. The last-named may conduct regular training of journalists, increase their literacy and speech culture. It is advisable to use the results of the study for the most effective increase of speech competence of contributors, because the analysis of the database showed us most widespread mistakes. But first of all it is obligatory need editing of materials by specially trained staff: editors and proofreaders.

Keywords: literary language, language norm, speech mistake, media, newspaper.

1. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК81'33

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КОНТЕНТА САЙТА

Гулевец Н. А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
г. Севастополь, Россия
E-mail: ngulivets@gmail.com

Участники межкультурного общения, в том числе в сфере бизнеса, потенциально сталкиваются с проблемами, вызываемыми национально-специфическими особенностями их культур. Представителем компании в виртуальном пространстве является вебсайт, следовательно, его создатели сталкиваются с проблемой прагматической адаптации текста с целью привести его к соответствию требованиям, предъявляемым определенной культурой. В предлагаемой статье автором проанализирован корпус текстов, опубликованных на официальных вебсайтах крупных американских корпораций, а также их соответствий на страницах мексиканских представительств. Цель исследования – определить степень прагматической адаптации текста сайта американской компании при передаче его на испанском языке для мексиканской аудитории. Проведенный анализ показал, что текст на испанском языке в большинстве случаев адаптируется с целью соответствия национальным особенностям, социально-культурным установкам и ценностным ориентирам культуры Мексики. В исследовании были отмечены случаи частичной и полной адаптации сообщения, что может быть связано с глобальной ориентацией ведения бизнеса американской компанией и приоритетностью регионального направления для мексиканского представительства. Разница культурного кода деятельностного подхода к восприятию окружающей действительности (США) и статичного (Мексика) также приводит к прагматической адаптации текста. Отсутствие прагматической адаптации связано со спецификой организационной культуры компании (в основном сектор IT), не учитывающей особенности национальных характеристик.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, текст, вебсайт, культура, бизнес.

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие общественных и деловых отношений подразумевает установление активных международных контактов, при этом одним из главных условий их эффективности является взаимопонимание и уважение культурных и социальных ценностей партнеров по коммуникации.

Трудности понимания языка, так называемый «языковой барьер», не являются самым сложным этапом в установлении международных связей. Несомненно, более

важным считается преодоление национально-специфических особенностей компонентов культур-коммуникантов, которые могут приводить к затруднению процесса межкультурного общения [7, с. 75].

Как отмечает Л. С. Бархударов, «...понятие прагматики включает в себя все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового опыта людей, участвующих в коммуникации» [2, с. 107]. В некоторых случаях прагматическая установка на иноязычного и инокультурного партнера по коммуникации требует определенных трансформаций («прагматической адаптации»), влекущих за собой изменение содержания текста [8, с. 172].

Прагматическая адаптация представляет собой некую трансформацию текста и учитывает культурные, социальные, социолингвистические, маркетинговые и экономические параметры новой локали и соответствующего сегмента рынка [1, с. 12].

Сайт компании можно рассматривать как «орудие маркетинга» в борьбе за клиента, таким образом контент сайта международной компании будет адаптирован в соответствии с социокультурными установками локальной аудитории. Культурная адаптация является неотъемлемой составляющей процесса локализации наряду с лингвистической, физической и бизнес-адаптацией [14].

Целевая аудитория пользователей сайта компании обладает определенными социальными, психологическими, культурными особенностями, и, принимая их во внимание, компания максимально эффективно воздействует на потребителей, принадлежащих данной целевой аудитории, а также улучшает свой имидж и способствует повышению узнаваемости торговой марки [5, с. 17–18].

Цель данной статьи – определить степень прагматической адаптации текста сайта американской компании при передаче его на испанском языке для мексиканской аудитории. Материалом исследования послужили тексты корпоративных сайтов крупных международных компаний с головным офисом в США, а также тексты, опубликованные на сайтах их представительств в Мексике.

Культурные параметры прагматической адаптации представляют особый интерес в настоящем исследовании, поскольку культура является всеобъемлющим явлением, оказывающим воздействие на все области жизнедеятельности человека, сферу бизнеса в том числе.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Появление и быстрое распространение сети Интернет позволило крупным компаниям расширить международное присутствие и влияние, используя электронные площадки для рекламы и продвижения товаров и услуг. Крупные компании представляют информацию на своих официальных сайтах на нескольких языках, что дает возможность посетителю выбрать язык сразу на стартовой странице. Современный вебсайт имеет сложную структуру, и одна из главных маркетинговых задач – адаптировать сайт с учетом лингвистических, социокультурных и функциональных требований определенной аудитории.

Лингвокультурная асимметрия в межкультурной коммуникации эффективно преодолевается, когда прагматическая презумпция базируется на внеязыковых знаниях реципиента [см. 3, с. 53]. Проведенный сопоставительный анализ текстов, опубликованных на сайтах американских компаний и их представительств в Мексике, свидетельствует о влиянии как национальной, так и организационной культуры на процесс адаптации с целью создания эффективного контента, в результате чего текст может быть частично или полностью адаптирован, а в некоторых случаях оставлен без изменений в силу определенных, чаще профессиональных, факторов.

Отсутствие адаптации текста

Ф. Тромпенаарс в своем исследовании [15] анализирует типы современных организационных культур, основывая свои выводы на таких характеристиках, как централизация и стиль управления компании, ориентация на достижение цели или межличностные отношения и т. д. В результате были выделены несколько типов

организационных культур: «Семья», «Эйфелева башня», «Управляемая ракета» и «Инкубатор».

Обобщенный тип корпоративной культуры IT-компаний Ф. Тромпенаарс классифицирует как «Инкубатор», основными характеристиками которого исследователь определяет равенство, стремление к поиску творческих решений актуальных задач, ценность человеческого ресурса [15, с. 107–108].

Культура «Инкубатора» не зависит от национальных культурных особенностей; как результат – компания не адаптирует текст, мексиканская сторона предоставляет перевод исходного текста на испанский язык:

Apple's most important resource, our soul, is our people. – En Apple, la gente es nuestro recurso más importante. Es nuestra alma (Apple Inc.);

Explore how we maximize every person's contribution – from our employees to our customers – so that the way we innovate naturally includes diverse thought. – Explora cómo maximizamos los aportes de cada persona, desde nuestros empleados hasta nuestros clientes, para que la forma en que innovamos incluya de forma natural un pensamiento diverso (Microsoft Corporation).

Организация обеспечивает условия развития личности, открывает возможности роста и самовыражения:

Every new product, service, or feature we invent is the result of people working together to make each other's ideas stronger. – Todos los productos nuevos, servicios o las funcionalidades que inventamos son el resultado de personas trabajando juntas para fortalecer las ideas de todos (Apple Inc.).

Примечательно использование обобщающего «мы», «наш» в тексте корпоративного сайта как американского, так и мексиканского представительства. В исследовании Г. Хофстеде [11] именно мексиканская национальная культура характеризуется высоким показателем уровня коллективизма, а основополагающее утверждение американской культуры – свобода и равенство индивидуальностей. Однако корпоративная культура «Инкубатора» нивелирует национальные различия, и обобщающее «мы» становится не репрезентантом национальной культуры, а

проявлением особенностей трудовых взаимоотношений в коллективе единомышленников, объединенных для достижения общей творческой цели:

For every product we create, we consider the impact it will make – on our customers, on our people, and on our planet. – Para cada producto que creamos, tomamos en cuenta el impacto que tendrá en nuestros clientes, en nuestra gente y en nuestro planeta (Apple Inc.);

Check out how we deliver secure, private, and reliable computing experiences based on sound business practices. – Revisa cómo entregamos experiencias computacionales seguras, privadas y confiables basadas en nuestros sólidos procedimientos empresariales (Microsoft Corporation).

Отсутствие адаптации текста характерно не только для IT-компаний: в редких случаях не адаптируют текст корпорации, которые не принадлежат данному сегменту рынка. Приведем один из редких примеров:

We believe our first responsibility is to the patients, doctors and nurses, to mothers and fathers and all others who use our products and services. In meeting their needs everything we do must be of high quality. – Creemos que nuestra primera responsabilidad es con los médicos, enfermeras y pacientes, con las madres y padres y todos los demás que utilizan nuestros productos y servicios. Para responder a sus necesidades, todo lo que hagamos debe ser de primera calidad (Johnson & Johnson).

Таким образом, национальная идентификация в неадаптированном тексте не зафиксирована, стратегии компании формируются глобализационными процессами, охватывающими как экономические, так и культурные и социальные сферы жизнедеятельности:

Our customers are all over the world, so it's by design that Apple employees are all over the world, too. – Nuestros clientes están en todo el mundo, y por lo mismo, los empleados de Apple también están en todas partes (Apple Inc.).

Частичная адаптация текста

Обладание межкультурной коммуникативной компетенцией – необходимый пререквизит эффективного межкультурного общения, поэтому поверхностная

адаптация (перевод) может оказаться недостаточной для того, чтобы избежать ошибок на прагматическом уровне [см. 4, с. 136]. Так, изучение текстового наполнения веб-сайтов компаний позволило выделить случаи частичной лингвокультурной адаптации текста сайта американской компании при передаче его для мексиканского потребителя.

Здесь уместно говорить о технологии лингвистической локализации текста сайта. Локализация – это процесс, посредством которого цифровой контент и продукты, разработанные в одной локале (определяемой географией, языком и культурой), адаптируются для продажи и использования в другой локале. Локализация включает собственно перевод текста, а также адаптацию невербального содержания с учетом культурных, технических и регуляторных требований новой локале [10, с. 4]. Результат процесса локализации – создание текста, который соответствует новой экономической и культурной среде, выполнен с учетом ее лингвистических особенностей, но не искажает начального смысла [4, с. 136].

Ориентация бизнеса (глобальная vs. национальная) может привести к частичной адаптации текста, например:

We will provide branded products and services of superior quality and value that improve the lives of the world's consumers, now and for generations to come. As a result, consumers will reward us with leadership sales, profit and value creation, allowing our people, our shareholders and the communities in which we live and work to prosper. – Nuestro propósito es el de proveer marcas y productos de superior calidad que generen valor para la vida de los consumidores de hoy y de mañana. Como resultado, son ellos quienes nos recompensan con liderazgo en ventas, ganancias y generación de valor, llevando a que nuestra gente, nuestros clientes y comunidades prosperen (The Procter & Gamble Company).

Так, глобальная направленность деятельности американского офиса ограничивается на сайте мексиканского представительства: американская компания стремится улучшить жизнь своих клиентов во всем мире (*improve the lives of the world's consumers*), при этом мы понимаем, что «местным сообществом» считается весь мир (*the communities in which we live and work*); мексиканский сайт имеет национальную

ориентацию (*nuestra gente, nuestros clientes y comunidades*), глобальное присутствие не воспринимается как решающее – эта информация опущена (*la vida de los consumidores*).

Рассмотрим еще один пример:

We operate within the letter and spirit of the law. – ... operando siempre bajo el marco de la ley de cada comunidad (The Procter & Gamble Company).

Текст американского сайта представляет деятельность компании в рамках всеобъемлющего закона (*the law*), в то время как мексиканская сторона делает акцент на национальных или территориальных особенностях (*la ley de cada comunidad*).

Наблюдаются случаи, когда причиной частичной прагматической адаптации является национальная специфика региона, то есть на формирование региональной стратегии компании влияют национальные ценностные ориентиры:

Passion for Winning. *We are determined to be the best at doing what matters most. – Por último, la Pasión por Ganar estará implícita en cada una de nuestras decisiones, teniendo siempre el deseo de mejorar* (The Procter & Gamble Company).

Здесь американская культура достижений влияет на эксплицитное языковое выражение стремления побеждать (*passion for winning*) и быть лучшим (*be the best*). В то же время в тексте сайта мексиканского представительства используется вводное «наконец, в конце концов» (*por último*), что свидетельствует о том, что страсть к победам не является приоритетом для общества, а основное стремление представительства в Мексике заключается в желании становиться лучше (*el deseo de mejorar*).

Полная адаптация текста

Стремление сохранить исходный прагматический потенциал текста, а также соответствовать социокультурному коду другого народа обуславливает применение стратегии адаптации ко всему тексту, что ведет к полной его реконструкции и изменяет его «цели, функции и способы воздействия на аудиторию» [9, с. 41]. Итак, компания адаптирует сообщение, полностью изменяя текст; основная причина данного процесса – разница культур и общественного мировосприятия.

В этих условиях в полной мере применяется процесс локализации текста сайта корпорации, а его эффективность наблюдается в том случае, если он «...осуществляется на основе оценки контента веб-сайта с кросс-культурной точки зрения и с учетом требований принимающей культуры» [6, с. 140].

В своем исследовании 1961 года американские антропологи Ф. Клакхон и Ф. Стродбек [см. 12] выделяют параметр отношения человека к деятельности как один из определяющих ценностные ориентиры общества и классифицируют культуры как деятельностные, статично-деятельностные и статичные.

Деятельностная американская культура нацеливает бизнес на постоянное движение для получения лучших результатов; основные характеристики данного типа организационной культуры – инициативность, активный подход к делу, стремление к развитию. Культура Мексики статична, сконцентрирована на присутствии в определенном моменте и созерцании происходящих процессов.

Таким образом, различие в способах ведения бизнеса связано с общим отношением человека к деятельности, что в дальнейшем отражается в тексте сайта:

To help us achieve this vision, we've defined a clear set of strategies: Faster, Stronger, and Better.

Faster

Stronger

Better

FASTER –

Como parte de esta estrategia de Desempeño con Sentido, hemos centrado nuestras acciones en 3 pilares:

Productos

Planeta

Personas (PepsiCo, Inc.).

В тексте американского сайта деятельностный подход выражен как лексически (глагол *achieve*), так и грамматически – посредством употребления сравнительной степени прилагательных (*faster, stronger, better*). В тексте «быстрее» повторяется

дважды и во втором случае выделяется графически, что указывает на важность данного признака.

Для мексиканского потребителя активный глагол «достигать» (*achieve*) меняется статичным «расположить, сосредоточить» (*centrar*), а сама стратегия компании – уже не стремление к превосходным и быстрым результатам, а твердая, устойчивая позиция на рынке, основанная на трех утвержденных компанией столпах или опорах.

Деятельностная культура США имеет явную добавочную характеристику – стремление к достижению успеха, так как именно достижение наивысших результатов является показателем эффективности компании в американской бизнес-культуре (ср.: маскулинность американской культуры в классификации Г. Хофстеде [11]):

We have a compelling desire to improve and to win in the marketplace. – Estamos decididos a ser los mejores (The Procter & Gamble Company).

Употребление глаголов «совершенствоваться» (*improve*), «побеждать» (*win*) в американском тексте свидетельствует о выборе активной жизненной позиции в американской культуре, что также переносится на сферу бизнеса и отражается вербально. Статичный глагол «быть» (*ser*) в тексте мексиканского представительства подтверждает концепцию статичности мексиканской культуры, что приводит к полной прагматической адаптации данной части текста: «побеждать на рынке» становится «быть лучшими», что, однако, не меняет общий прагматический потенциал фрагмента текста.

В зависимости от культурных особенностей каждого региона компания определяет собственные принципы работы:

We attract, develop and retain a premier workforce of talented men and women around the globe, and we encourage them to think independently, take initiative and be innovative. – ...luchamos por contratar y retener al personal más calificado, y nos esforzamos por maximizar sus oportunidades de éxito a través de programas de capacitación y desarrollo personal y profesional. Estamos comprometidos con mantener un ambiente de trabajo sano, que se enriquece por la diversidad y se caracteriza por la comunicación abierta, la confianza y el trato justo (Exxon Mobil Corporation).

Из примера видно, что в своих сотрудниках в США корпорация Exxon Mobil поощряет независимость, инициативу, реализацию способностей и талантов, а в Мексике акцент делается на личное и профессиональное развитие сотрудников, открытость общения, доверие и справедливое обращение. В данном случае культурная специфика двух народов также приводит к адаптации сообщения: особенности деятельностной культуры достижений США могут не оказать должного эффекта на потребителя в Мексике, где среди культурных ценностных доминант преобладают такие как ориентация на человека и семейные отношения [13, с. 29-31].

Глобальная и региональная ориентация бизнеса также может приводить к полной адаптации текста:

MetLife is one of the world's leading financial services companies... MetLife has helped generations of people around the world protect their finances, property, family and future. In the process, we have shown our commitment to safeguarding families, serving communities and strengthening society as a whole. – Hace 150 años que MetLife trabaja para ti, y por ti nos hemos mantenido a la vanguardia en seguros de personas y servicios financieros... Estamos aquí gracias a nuestros cien millones de clientes alrededor del mundo, y a nuestra disposición de aprender, evolucionar y adaptarnos a los cambios de la vida, de la mano contigo (MetLife, Inc.).

Американский офис MetLife, Inc. заявляет о глобальном, всеохватывающем присутствии (*one of the world's leading financial services companies, helped generations of people around the world, strengthening society as a whole*), в то время как мексиканское представительство ориентировано на внутреннего потребителя (*MetLife trabaja para ti, por ti nos hemos mantenido a la vanguardia..., de la mano contigo*).

ВЫВОДЫ

Процесс транснационализации мировой экономики подразумевает расширение влияния крупнейших корпораций и создание обширной сети филиалов. В данном случае корпоративный сайт является средством консолидации информации о

компания и предоставляет возможность наиболее полно заявить о себе потенциальным партнерам, клиентам или сотрудникам.

Современный корпоративный сайт отражает не только специфику бизнес-культуры определенного сектора экономики, но и, безусловно, культурные и социальные особенности общества. Распространение бизнеса за пределы страны возникновения предполагает учет новых социокультурных факторов, что в дальнейшем влияет на степень доверия и расположенность к корпорации. В результате создается новый сайт, нацеленный на локальную аудиторию и основанный на ценностях ориентирах другого народа.

Процесс прагматической адаптации текста необходим для передачи информации при межкультурном взаимодействии, учитывает новые культурные и экономические условия, однако даже при изменении текста сохраняет начальный смысл сообщения.

Результаты изучения степени прагматической адаптации текста сайта мексиканского представительства американской транснациональной компании показывают, что текст на испанском языке в большинстве случаев адаптируется с целью соответствия национальным особенностям, социально-культурным установкам и ценностным ориентирам данной культуры.

В исследовании были отмечены случаи частичной и полной адаптации сообщения, что может быть связано, например, с глобальной ориентацией ведения бизнеса американской компанией и приоритетностью регионального направления для мексиканского представительства.

Полная адаптация текста отражает суть культурного кода нации: деятельностная американская культура и статичная мексиканская – это причина разного взгляда на событие, что в результате вербально выражается разными средствами. Активность, инициативность, прогресс – характеристики организационной культуры США (*improve the lives, achieve this vision, **passion for winning**, desire to improve and to win* и др.); концентрация на присутствии в определенном моменте, развитие межличностных отношений, справедливость взаимоотношений – основа мексиканской деловой культуры (*centrar acciones en 3 pilares, mantener un ambiente de trabajo sano, caracterizarse por la comunicación abierta, la confianza y el trato justo* и др.).

Однако были отмечены и случаи перевода текста на испанский язык без прагматической адаптации; зачастую это связано с особенностями корпоративной культуры и сферы бизнеса, которой принадлежит та или иная компания.

Перспективность данного исследования обуславливается прежде всего практической необходимостью правильно интерпретировать особенности культуры участников ситуации межкультурного делового общения. Именно адекватная глубокая оценка социокультурных особенностей позволит адаптировать сообщение и максимально эффективно передать информацию с учетом языкового и неязыкового опыта коммуникантов.

Список литературы

1. Ачкасов, А. В. Параметры Г. Хофстеде в курсе «Локализация веб-сайтов» [Текст] / А. В. Ачкасов // Актуальные проблемы переводоведения: материалы 45-й Международной филологической конференции «Федоровские чтения». – 2016. – С. 11–15.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л. С. Бархударов. – Москва: Международные отношения, 2008. – 240 с.
3. Бубнова, И. А., Сардарова, А. А. Прагматическая адаптация при переводе как способ преодоления лингвокультурного барьера [Текст] / И. А. Бубнова, А. А. Сардарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 53–57.
4. Зинкевич, О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста [Текст] / О. В. Зинкевич // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – №3(111). – С. 135–137.
5. Левицкий, А. Э., Кондаков, А. И. Трудности англо-русского перевода в сфере локализации видеоигр [Текст] / А. Э. Левицкий, А. И. Кондаков. – Москва: «КДУ», «Университетская книга», 2019. – 126 с.
6. Сулейманова, О. А., Щепилова, А. В., Беклемешева, Н. Н., Фомина, М. А. Прагматическая адаптация контента сайта университета как средство мотивации адресата [Текст] / О. А. Сулейманова, А. В. Щепилова, Н. Н. Беклемешева,

- М. А. Фомина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 137–149.
7. Текст как явление культуры [Текст] / Г. А. Антипов [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.
 8. Швейцер, А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) [Текст] / А. Д. Швейцер. – Москва: Наука, 1988. – 215 с.
 9. Baker, M., Saldanha, G. Routledge Encyclopedia of Translation Studies [Текст] / G. Saldanha, M. Baker. – New York: Abingdon, Routledge, 2011. – 704 p.
 10. Dunne, K. J. (ed.) Perspectives on Localization [Текст] / K. J. Dunne (ed.). – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006. – 356 p.
 11. Hofstede Insights. Country Comparison. – Режим доступа: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/mexico,the-usa/>. – (Дата обращения: 10.06.2019).
 12. Kluckhohn, F. R., Strodtbeck, F. L. Variations in Value Orientations [Текст] / F. R. Kluckhohn, F. L. Strodtbeck. – Evanston, IL: Row, Peterson, 1961. – 437 p.
 13. Lewis, R. D. When Cultures Collide: Leading across Cultures [Текст] / R. D. Lewis. – Boston, London: Nicholas Brealey International, 2006. – 599 p.
 14. Localization Industry Standards Association. Localization Translation Services. – Режим доступа: <https://thetranslationcompany.com/>. – (Дата обращения: 16.04.2019).
 15. Trompenaars, F., Woolliams, P. Business Across Cultures [Текст] / F. Trompenaars, P. Woolliams. – Uitgever: John Wiley And Sons Ltd., 2004. – 368 p.

References

1. Achkasov A. V. Parametry G. Hofstede v Kurse «Lokalizatsiya Veb-Saitov» [Hofstede's Parameters in the Course *Localization of Web Sites*]. *Aktualnye Problemy Perevodovedeniya: Materialy 45 Mezhdunarodnoi Filologicheskoi Konferentsii «Fedorovskie Chteniya»*, 2016, pp. 11–15.
2. Barkhudarov L. S. *Yazyk i Perevod. Voprosy Obshchei i Chastnoi Teorii Perevoda* [Language and Translation. Problems of General and Special Theory of Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2008. 240 p.

3. Bubnova I. A., Sardarova A. A. *Pragmaticheskaya Adaptatsiya pri Pervode kak Sposob Preodoleniya Lingvokulturnogo Barera* [Pragmatic Adaptation in Translation as a Way of Overcoming the Linguocultural Barrier]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2014, Vol. 11, № 4, pp. 53–57.
4. Zinkevich O. V. *Lokalizatsiya kak Protsess Lingvisticheskoi Transformatsii Struktury i Soderzhaniya Dinamicheskogo Teksta* [Localization as a Process of Linguistic Transformation of the Structure and Content of Dynamic Text]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta*, 2018, № 3(111), pp. 135–137.
5. Levitskii A. E., Kondakov A. I. *Trudnosti Anglo-Russkogo Pervoda v Sfere Lokalizatsii Videoigr* [Difficulties of English-Russian Translation in Localization of Video Games]. Moscow: KDU, Universitetskaya Kniga Publ., 2019. 126 p.
6. Suleimanova O. A., Shchepilova A. V., Beklemesheva N. N., Fomina M. A. *Pragmaticheskaya Adaptatsiya Kontenta Saita Universiteta kak Sredstvo Motivatsii Adresata* [Pragmatic Adaptation of the University Website Content as a Means of Motivating the Addressee]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 2017, Vol. 16, № 4, pp. 137–149.
7. *Tekst kak Yavlenie Kultury* [Text as a Cultural Phenomenon]. Ed. by G. A. Antipov. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. 197 p.
8. Shveitser A. D. *Teoriya Pervoda (Status, Problemy, Aspekty)* [Theory of Translation (Status, Problems, Aspects)]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 215 p.
9. Baker M., Saldanha G. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. New York: Abingdon, Routledge, 2011. 704 p.
10. Dunne K. J. (ed.) *Perspectives on Localization*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006. 356 p.
11. Hofstede Insights. Country Comparison. Available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/mexico,the-usa/> (accessed 10 June 2019).
12. Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. *Variations in Value Orientations*. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961. 437 p.

13. Lewis R. D. *When Cultures Collide: Leading across Cultures*. Boston, London: Nicholas Brealey International, 2006. 599 p.
14. Localization Industry Standards Association. *Localization Translation Services*. Available at: <https://thetranslationcompany.com/> (accessed 16 April 2019).
15. Trompenaars F., Woolliams P. *Business Across Cultures*. Uitgever: John Wiley And Sons Ltd., 2004. 368 p.

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF PRAGMATIC ADAPTATION OF THE WEBSITE CONTENT

Gulevets N. A.

Summary. Participants of intercultural business communication potentially face problems caused by national specifics of their cultures. The website represents the company online, so its creators face the problem of pragmatic adaptation of the text in order to meet the requirements of a particular culture. In this article the author analyzes the texts published on the official websites of large American corporations and their Mexican offices. The purpose of the study is to determine the depth of pragmatic adaptation of the American text when presenting it in Spanish for the Mexican audience. The analysis shows that the text in Spanish is in most cases adapted taking into account the Mexican national characteristics and cultural values. The study discusses examples of partial and full text adaptation, which may be explained by global business activities of American companies and the local orientation of their Mexican offices. Besides, the difference in the cultural codes of the American activist culture and the static culture of Mexico also leads to the pragmatic adaptation of the text. In some cases, the text is not adapted due to peculiarities of the organizational culture of the company (mainly in the IT sector) which does not concentrate on the characteristics of national cultures.

Keywords: pragmatic adaptation, text, website, culture, business.

УДК 81'32:36

THE CONCEPTUAL SPHERE OF THE CRIMEAN JOURNALISM

Neelova O. I.

Taurida Academy (Academic Unit)
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
E-mail: bgdinvchlg@gmail.com

The article explores the linguistic features of the Crimean journalism as a mirror of the linguistic picture of the world of the modern Crimean. It is emphasized that journalism records the historical milestones in the people's life, their mentality, understanding of the world and themselves in this world. The author proves that journalism is of cultural value, determines contemporary national characteristics without which the people cannot exist.

Keywords: conceptual sphere, Crimean journalism, linguistic and cultural peculiarities, mentality.

В статье исследуются языковые особенности крымской публицистики как зеркала языковой картины мира современного крымчанина. Подчеркивается, что публицистика фиксирует исторические вехи жизни народа, его ментальность, понимание мира и себя в этом мире. Автор доказывает, что публицистика представляет культурную ценность, фиксирует современные национальные особенности, без которых народ не может существовать в пространстве экзистенции.

Ключевые слова: концептосфера, крымская публицистика, лингвокультурные особенности, ментальность.

INTRODUCTION

The problem of the conceptual sphere formed by the Crimean journalism is very relevant in the realities of the new historical time of modern Russia in the post-Crimean period (after the inclusion of the Crimea in 2014).

This problem is important mainly because a person lives in the environment of a certain national culture, the mental world. The unique national identity consists exactly of these conditions of true existence.

MAIN BODY

The world of certain people, a nation can be known and adequately reflected only through such a spiritual phenomenon as language, according to the right remark of V. A. Maslova, "...most of the information about the world comes to a person on the linguistic channel." The scientist confirms that "man lives more in the world of concepts created by him for intellectual, spiritual, social needs, than in the world of objects and things: a huge

part of information comes to him through the word, and the success of a person in society depends on how well he owns the word, not so much even in the meaning of speech culture but in ability to pierce the secrets of language”[6]. In the hierarchy of national values, language occupies the main place, because the word is the basis of thinking of national existence and, as M. Heidegger affirms, we see the body of the word in sound and writing, in melody and rhythm - the soul, in semantics - the spirit of the language of national existence [9].

Each national speech is full of original higher meanings, which render in its sounding the world view, inherent in this nation. Language as a whole is based on the conceptual sphere of the world view of the people, nation, personality, the space of ideological concepts, which is contained in the language signs. We can clearly see it on the example of journalistic works. With the help of important concepts journalism forms a holistic perception of life. Its ontological, intellectual meaning, the scale of the problems touched upon, lead journalistic works to the fore of the creation of man and the state.

The conceptual category of the conceptual sphere, which is relevant today, was introduced into science by academician D. S. Likhachev in the work "the Conceptual Sphere of the Russian language" [4] and was understood as a set of a certain linguistic culture. Later understanding of this term was clarified in the research of N. D. Arutyunova [1], V. Z. Demianova, Z. D. Kobranova [3], V. A. Maslova [5], Y. S. Stepanov [7] and other researchers.

In modern scientific knowledge, the question of why the conceptual sphere as a sphere of intellectual, moral and aesthetic understanding of reality is able to form the fundamental guidelines of modern man is relevant: it is the conceptual sphere that determines a special form of cognition of reality through the concepts established by the individual and the people as a whole.

The word fixed by the dictionary with certain, well-known meaning, as a concept can acquire a different content and create new concepts associated with individual representations of the subject, its linguistic characteristics.

For example, such concepts as "Crimea", "people" reflect objective information about the Russian state and Russians, our national character, mentality traits, etc.

At the same time, the abovementioned concepts contain an individual, subjective, regional assessment of these concepts, which is due to the situation of communication, personal views of the person, his understanding of the discussed problem. Thus, the conceptual sphere today is a certain "supranational idea" created by a national personality, an expression of the inner essence of this personality, and with it the people, the nation. Conceptual sphere is a significant national segment of the human logosphere, with its inherent distinctive aesthetics of vision and perception of the world.

As an example we give the short novel of A.N. Tolstoy "The Russian Character" [8], where the Russian character is described: easy, open, good-natured, compassionate.. when life does not require to be a heavy sacrifice. But when trouble comes – Russian people are tough, sturdy in labor and ruthless to the enemy, not sparing himself, he does not spare the enemy... In the details Russian man can be unjust to himself and two others, put off with a jest, here boast, there pretend to be a fool. But justice in big ideas and big deeds is deep-rooted in him. In the name of justice, in the name of a common cause, for the Motherland, he will throw himself into the fire without hesitation.

It is known that Russian people have an exceptional quality to live in different, remote from each other geographical regions what could not do any other people. The problem of Russian soul with God-seeking and self-sacrifice, the character and image of the Russian man is investigated in the works of I.A. Bunin, N.S. Leskov, M. A. Sholokhov.

At the same time, I. S. Aksakov described Russia's failures in the Crimean War as: "Oh, how hard it is to live in Russia, in this stinking center of physical and moral debauchery, meanness of lies and villainy." "Ah, how hard, how unbearably hard sometimes to live in Russia, in this stinking environment of dirt, vulgarity, lies, deceptions, abuses, good little scoundrels, hospitable crooks-fathers and benefactors of bribe-takers!" - Ivan Aksakov, from a letter to his family.

F. M. Dostoevsky described the European view of the Russians: "a people who wanders through Europe and looks for what can be destroyed, destroyed only for entertainment" [2].

From these examples it follows that the formation of the Russian cultural tradition, world view, social consciousness and political views in Russia is inextricably linked with literature, which has a comprehensive ideological significance.

Precisely Russian literature, and in modern reality with convergent acceleration of events and news – journalism, as its inheritor, records milestones which are important for the destiny of people, gives direction to the understanding of the world and themselves in this world, and is the basis of macro-texts of culture. Journalistic works contribute to the formation of public opinion and the ideological atmosphere of society. That is why journalism is rightly called the literature of fact. Crimean journalism in modern time and its social and political realities gave the Russian language new values and meanings. Their value for the language - in minds and cognitive perception of Crimeans and Russians is affected by the fact that language units do not go along with the language event that caused their appearance, but are fixed and continue to be disseminated not only in Russian territory but also within post-Soviet area.

The language of talented journalistic materials represents the national reality in which the main meaning of modern social and political life is placed, and it is through journalistic texts that we feel the prevailing vectors of modern social and political development. Crimean journalism of the period of reunification with Russia obtains special features by the creation of an extraordinary, unique national rise of the language, expansion and deepening of the linguistic and cognitive space.

Indeed, the Russian language in the Crimea - is stringing on a single emotional axis of many associative signs. From this unity of associative signs the linguistic and cultural reality of our modernity is born.

In journalistic works familiar, established, usual images are rearranged, the structure is destroyed, its parts are transformed and thus new senses, signs, meanings are created and fixed in the language.

Undoubtedly, the conceptual sphere of the Crimean space forms new typical features of the modern Russian world, those linguistic metaphors that spread beyond the boundaries of previously defined content.

The specific features of Crimean journalism are explained by the fact that in the Russian language, with its emotional load, there is always a certain excess of language units, so the role of journalism can not be narrowed to the means of conveying information about what is felt, what is thought about and what is important for the national community today.

Actually, a certain excess is not necessary in purely communicative relations and to solve current issues. However, excess of the language matter of journalistic materials contains feelings and aspirations of the people, animation of the world around, turning it to native, personal, understandable.

Without this excessively journalistic articles would not represent an important layer of journalism and, performing informative, communicative functions, satisfying the needs of people by broadcast previous experiences, they would be something other than what they are and what they are designed to be.

The originality of the language of journalism performs important functions: it contributes to the versatility and ease of associations born of the word, creates opportunities for their imaginative mutual transformations. The desire for unknown, subtle spheres of social and political realities has historical roots associated with the fate of the people and memory, religion, tradition.

The following language and linguistic facts can be considered as characteristic features of the Crimean journalism: 1) appeal to historical and cultural events of the distant past (the most active in this context) – the third defense of Sevastopol; 2) use of precedent anthroponyms associated with the names of political figures of the early 20th century: Stalin, Lenin, Hitler at the secondary nomination level.

3) use of Soviet slogans: the Motherland calls Crimea to itself; 4) semantically and grammatically transformed precedent designs with various sources - then even the stones from the sky; 5) neolexems: krymnash, blackout.

CONCLUSION

This complex functioning of the presented language tools is a distinctive feature of the Crimean journalism and allows the most deeply and fully reflect the current position of the Crimean region in the media space.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1990. – 896 с.

2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. Ф. М. Достоевского / Ф. М. Достоевский. — СПб.: Тип. В. В. Оболенского, 1877. — 336 с.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. — М.: МГУ, 1996. — 245 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН ОЛЯ. — 1993. — № 1. — Т. 52. — С. 33—67.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 296с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб., заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208с. — С. 3.
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
8. Толстой А.Н. Русский характер / А. Н. Толстой // Годы великой битвы. — М.: Советский писатель, 1958.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — С. 203.

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i Mir Cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1990. 896 p.
2. Dostoevsky F. M. *Dnevnik Pisatelya za 1876 g. F. M. Dostoevskogo* [The Diary of Writer of 1876 by F. M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: V. V. Obolensky Publ., 1877. 336 p.
3. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankrats Y. G., Luzina L. G. *Kratkii Slovar Kognitivnykh Terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: MGU Publ., 1996. 245 p.
4. Likhachev D. S. *Kontseptosfera Russkogo Yazyka* [Conceptosphere of the Russian Language]. Moscow: Izvestiya RAN OLYA Publ., no 1., Vol. 52. 1993. pp. 33—67.
5. Maslova V. A. *Vvedenie v Kognitivnyuyu Lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta Nauka Publ., 2004. p. 296.

6. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya: Uchebnoe Posobiye dlya Studentov Vysshykh Uchebnykh Zavedenii* [Lingvoculturology: Manual for Students]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p.
7. Stepanov Y. S. *Konstanty: Slovar Russkoi Kultury: Opyt Issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moscow: Shkola Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1997. 824 p.
8. Tolstoy A. N. *Russkii Kharakter* [Russian Character]. Moscow: Sovetskii Pisatel Publ., 1958.
9. Heidegger M. *Vremya i Bytiye: Stati i Vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. 203 p.

УДК 81`373

**СОВРЕМЕННЫЙ ЭРГОНИМ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НЕЙМИНГЕ**

Пономаренко И. Н., Крыжановская В. А.

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Россия
E-mails: irnik20@mail.ru, valentina91_91@mail.ru**

В статье определены основные тенденции развития современного нейминга за последние десять лет. Интенсивность «ономастического бума» (термин, предложенный Т.В. Шмелевой), возникшего в конце прошлого столетия, не ослабевает, вызывая активное создание оригинальных эргонимов, реализующих одну из важнейших функций рекламного имени – аттрактивную (привлечение внимания к имени и обозначаемому, выделение его среди остальных). В связи с этим считаем необходимым обозначить основные тенденции в нейминге, продиктованные влиянием языковой моды – социально и психологически детерминированном явлении, сопутствующем номинации. Проанализировав более 1500 имен собственных, обозначающих различные деловые объединения людей (магазины, предприятия, организации и т.д.), мы пришли к выводу, что наиболее перспективными и частотными являются следующие тенденции: американизация (использование буквенных и небуквенных символов и элементов американской культуры) и архаизация, или ретро-номинация (умышленное «состаривание» эргонима с помощью включения графем дореволюционного алфавита, использования архаизмов, историзмов, советизмов и других языковых единиц). Обе тенденции гармонично сосуществуют в актуальном ономастическом пространстве города, не только привлекая внимание потенциального потребителя, но и отражая мировидение номинатора.

Ключевые слова: оним, эргоним, нейминг, архаизация, американизация, буквенные и небуквенные элементы

ВВЕДЕНИЕ

«В бытовании языка современного города городская среда занимает все более значительное место, хотя лингвистика и не придает этому факту такого значения, как, например, поэзии, которая интересна в частности тем, что в ней можно наблюдать языковые эксперименты поэтов», – писала Т.В. Шмелева в 2007 году [11, с. 201]. Прошло немногим более десяти лет, и ситуация кардинально изменилась. Работы самой Татьяны Викторовны, а также И. В. Крюковой [2], Р. Ю. Намитоковой [5], Е. Н. Ремчуковой [8], В. И. Супруна [9] и их учеников, как и диссертационные исследования О.В. Врублевской [1], В.А. Крыжановской [3] и других исследователей сделали язык города актуальным объектом изучения не только в плане исследования

образующих его единиц (номенов, урбанонимов, эргонимов), но и анализа современной языковой ситуации.

Выделяя важнейшие функции современного эргонима, среди которых номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая и другие, считаем необходимым указать на информативную и аттрактивную. Именно для реализации последних номинаторы используют различные структурно-словообразовательные, лексические и графические средства [6, 7, 8]. Использование приемов графической игры в современной эргонимике объясняется влиянием языковой моды, под которой мы подразумеваем социально и психологически детерминированное явление, сопутствующее номинации. Номинаторы с целью создания не только современного, но и эффективного эргонима часто включают в них иноязычные и/или устаревшие графемы. Наши исследования на базе анализа более 1500 эргонимов позволили установить, что эргонимические единицы, созданные на основе буквенных трансформаций, составляют 30% от общего числа городских ономастических единиц. Приведенные данные [3] позволяют нам выявить две важнейшие тенденции: американизацию (использование элементов латинской графики и известных американизмов) и архаизацию, или ретро-номинацию (использование графем дореволюционного алфавита). Рассмотрим каждую подробнее.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Прежде чем говорить об американизации, отметим, что глобализация социума, наметившаяся еще в конце прошлого столетия, неизбежно влияет и на русский язык, что выражается в бесконтрольном использовании заимствований, которые, активно ассимилируя, трансформируют его подсистемы. Современная лингвокультурная парадигма, несомненно, во многом определена влиянием идей глобализации, влияние которой началось еще в конце XX века. Влияние англоязычной культуры как одного из аспектов глобализации неизбежно отражается в бесконтрольном использовании инокультурных элементов в русском языке. Ярко выраженная черта социальной

реальности XXI века – трансформация его подсистем, в частности эргонимической – предопределяет латинизированную унификацию товарных знаков и торговых марок. И если в советскую эпоху предпринимались попытки ограничить влияние иноязычных элементов, то сегодня их включение, напротив, активизируется.

Примером того, насколько поликультурна городская среда, может служить анализ эргонимической подсистемы русского языка, который позволяет считать заимствование тенденцией, обусловленной экстралингвистическими факторами. В сознании многих потребителей понятие «иностранный» ассоциируется с качественным товаром или услугой, новейшими технологиями и последними разработками. Поэтому номинаторы в маркетинговых целях часто используют средства латиницы для оформления исконно русских и полностью освоенных русским языком иноязычных слов, повышая тем самым интерес к фирмам со стилизованными именами.

Так, в ономастическом пространстве любого российского населенного пункта в составе эргонимов часто встречаются иноязычные единицы: итальянские (ресторан *Bellagio*), французские (кафе *Bonappetit*), японские (ресторан *Tanuki*) и мн. др. Отметим, что значительная часть подобных номинаций представлена английскими лексемами (магазины *Toys*, *Idea* и др.).

Внутри группы подобных эргонимов можно выделить несколько подгрупп:

- 1) названия всемирно известных компаний, фирм и их товаров, которые обычно сохраняют первоначальную графическую форму: *YVES ROCHER*, *Volkswagen*, *L'Oréa li* и мн. др. Их также называют «графическими интернационализмами»;
- 2) транслитерированные исконные и освоенные русским языком единицы, а также имена, имитирующие иноязычные: *Oasis*, *Egoist*, *CarloPazolini*, *Petrushka*, *Marusya* и мн. др.;
- 3) эргонимы с двойной графикой: *ЦеZарь*, *Зоомагазин* и др.

Следует отметить, что заимствованные элементы стремятся к полному вытеснению русских эквивалентов. К примеру, англицизм «House» (*NipponHouse*, *StroganoffSteakHouse*, *BrandHouse*, *FitnessHouse*, *House* и др.) становится компонентом эргонима чаще русского «дом», которое использовали номинаторы в

именовании городских объектов советского и постсоветского периода (ср.: *Дом спорта, Дом быта, Дом книги, Дом моды* и мн.др.).

Наряду с этим отметим повышенное внимание номинаторов к именам и символам американской культуры. Многие эргонимы создаются на основе уже известных американизмов (кафе *Ваурдональд`с* (ср. *McDonald`s*), Караоке-клуб *Лось VEGAS*, Кафе *БУ*ХАЛК* (* как изображение Халка), Пищерия *iLikepizza*, Салон ремонта *I Сломал* (ср.: iPhone) и другие, что позволяет считать данную тенденцию активной. Она отражается и в графическом оформлении эргонимов: латинские и кириллические литеры номинаторы все чаще совмещают в наименованиях городских объектов, доказывая, что применение одной из систем письма не отрицает использования другой.

Включение английских языковых единиц в оформлении языка города можно охарактеризовать как активное, а введение иностранных графем становится распространенным средством выражения экспрессии.

Внимание современного потребителя ко всему иноязычному и инокультурному соседствует с его неослабевающим интересом к родной культуре. В последние годы внимание к русским традициям подкреплено различными политическими, историческими и культурными событиями: присоединением Крыма к Российской Федерации, Зимней Олимпиадой в Сочи, Чемпионатом мира по футболу и т.д. Кроме того, пресыщение иностранными товарами и услугами способствует восприятию некоторых исконных реалий как экзотических: становятся популярными русская кухня, русская баня, русские узоры и мотивы в одежде и интерьере и др. Все это обусловило проявление другой тенденции – архаизации. Среди возможных вариантов архаизации в образовании эргонимов мы выделяем использование архаизмов (салон красоты *Барышня*, гостиницы *Сударь, Сударыня*), историзмов (магазин *Велес*, ресторан *Купец*), советизмов (кафе *СельО*, магазины *Хозтовары, Продмаг*), модели «имя/фамилия + К°(компания)» (магазин *БЕГЕМОТуК°*).

Однако более частотным следует признать прием включения в эргонимы литер дореволюционной кириллицы. Так, например, среди элементов архаичной кириллицы часто встречается Ъ («ер»), что обусловлено его историей. Если сейчас Ъ

в русском языке используется в качестве разделительного твердого знака, то до середины XII века графема обозначала сверхкраткий гласный. Падение редуцированных отразилось на всей системе русского языка, поэтому можно считать, что «ер» – это не только знак, но и символ прошлого, безвозвратно ушедшей эпохи, что делает включение Ъ в современный эргоним весьма продуктивным видом языковой игры[3]. Эту литеру номинаторы используют в наименованиях многочисленных городских объектов. Например, в Краснодаре мы нашли более 60 наименований, среди которых: магазины (*СоветникЪ, ГазетчикЪ*), в том числе салоны мебели (*СаквояжЪ, СентябрьевЪ, ЧЕРНОУСОВЪ*); гостиницы (*ЧеховЪ, БестужевЪ*), кафе, бары и рестораны (*СундукЪ, ЛондонЪ, БулгаковЪ*) и мн.др. Нередко среди подобных эргонимов находим прецеденты, потому как в качестве элементов они часто используются исторические и литературные реалии.

Еще одной интересной графемой дореволюционного алфавита, которая становится все более востребованной, является «і» («и десятеричное»). «І» – литера некоторых современных славянских алфавитов, а до 1918 года была буквой русского алфавита, употреблявшейся перед гласными и перед й (исторія, русскій), а также в слове міръ в значении «вселенная», «общество» для отличия от слова миръ в значении «спокойствие».

Считаем важным различать «І» как «И десятеричное» и иноязычную графему «I» как элементы эргонима. Иноязычная графема употребляется в заимствованиях (бары *4Friends, IDEA, X-fit* и др.), а также в русских словах, записанных при помощи обратной транслитерации (караоке-клуб *StarRichOK*, шоу-ресторан *DoZari*, магазин handmade вещей *IzzMhai* др.).

Так, еще одной тенденцией в эргонимике является использование начальной английской I (i), вызванное, на наш взгляд, популярностью продукции Apple: стилизованные русские названия (магазин *ІБутик*, сервисный салон *Ісломал*) и заимствованные (магазин *iPhonoff.net*, пиццерия *iLikepizza*, клуб *iLockedi* мн.др.). Существует несколько мнений, касающихся возникновения этой начальной литеры, ставшей своеобразным символом современной цифровой эпохи. Некоторые считают, что «I» расширяется как «Internet» или «individual» (индивидуальный). Также

возможно, что «І» – это вариант персонификации с указанием на то, что устройство принадлежит конкретному человеку (*I* как английское местоимение «Я»). Однако в эргонимах этот элемент чаще всего лишен какого-либо значения, хотя служит как для графического выделения эргонима, так и для создания прецедентного образа.

В отличие от заимствованной графемы «И десятиричное» используется только в словах славянского происхождения: кафе *Рідна Хата*, ресторан *Рыбачій станъи* др. Спорным является происхождение «І» в эргониме мастерской *НАМЫЛИЦА*: с одной стороны, наличие иноязычной графемы «N», что дает основание считать «І» латинской графемой. С другой стороны, русский глагол с допущенной орфографической ошибкой, позволяющей трактовать лексему как просторечную, указывает нам на восточнославянское происхождение рассматриваемой графемы. Об этом же говорит специфическая деятельность мастерской, которая занимается продажей косметики ручной работы и является прямым поставщиком косметики отечественной фирмы *СпивакЪ*, в профиле деятельности которой отражена этническая связь.

Помимо *Ъ* и *I*, в названиях городских объектов иногда используются графема *Ь* («ять»), например, в наименовании славянского салона эзотерики *ВЬГА*. Однако в современной эргонимике этот знак встречается редко. Непродуктивность графемы, на наш взгляд, связана с тем, что *Ь* перестала употребляться еще в начале XX века, уступив место графеме «е». Сегодня литера *Ь* известна только образованной части общества. Многие испытывают затруднения в прочтении слова с включением этой графемы. Мы считаем, что оценить значения, заложенные номинатором в эргоним *ВЬГА*, сможет не каждый, а значит, возникновение ожидаемых ассоциаций не оправдано.

Эргонимы с графемами *Ь*, *Ь*, *I* являются наиболее частотными в актуальном ономастическом пространстве. Реже встречаются другие буквы дореформенного алфавита. Так, названию одного из магазинов мебельной сети *СентябревЪ*, который позиционируется как магазин с давними традициями, для чего номинаторы использовали не только конечный *Ъ*, но и графему «Юс малый» («ІА») вместо «Я». В целом вся запись стилизована под архаичное письмо, что затрудняет ее прочтение.

Поэтому, несмотря на оригинальность графического оформления, удачным приведенный эргоним назвать трудно. В целом употребление литер дореформенной кириллицы в эргонимах позволяет стилизовать наименования, создать иллюзию надежности и верности традициям. Предпочитаемые в оформлении эргонимов Ъ и Ь выделяются на фоне других кириллических букв, символизируя историческую связь, в то же время не затрудняя восприятия. Таким образом, графема может являться уже не только знаком звука, а сложным лингвокультурным знаком.

ВЫВОДЫ

Итак, как имена городских объектов эргонимы являются объектом проявления и выявления актуальных тенденций развития русского языка, непосредственно связанных с демократизацией языка, усилением личностного начала и спецификой современного спонтанного общения. По справедливому утверждению Б. Я. Шарифуллина, «на основе имеющегося в распоряжении лингвиста речевого материала решаются очень важные и актуальные задачи создания языкового портрета современного российского города – как в целом, так и отдельных его социальных групп и отдельных языковых личностей» [10].

Пока, к сожалению, в графической трансформации имен города лидируют иноязычные элементы. Так, среди использованных буквенных элементов выделяются латинизированные графемы (25%) с полным замещением (9%) и двойной графикой (16%). Включение архаических знаков кириллического алфавита составляет только 4%.

Надеемся, что предполагаемые дальнейшие исследования зафиксируют качественные и количественные изменения процентного соотношения в сторону увеличения русских элементов и графических единиц. Кроме того, изучение языка города может быть перспективно в плане изучения языковой личности современного носителя языка и способно дать ответ на вопросы, каким образом номинатор выражает свое мировидение и как результат языкового самовыражения фиксируется в актуальной языковой картине мира. Кроме того, исследование языка города

перспективно в плане изучения языковой личности современного носителя языка и способно дать ответ на вопросы, каким образом номинатор выражает свое мировидение и как результат языкового самовыражения фиксируется в актуальной языковой картине мира.

Список литературы

1. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике : автореф.дисс...докт. фил. Наук / О. В. Врублевская. – Волгоград, 2017. – 41 с.
2. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 44 с.
3. Крыжановская В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : автореф.дисс...канд. фил. наук / В. А. Крыжановская. – Краснодар, 2017. – 26 с.
4. Крыжановская В. А. Современная эргонимия: основные приемы графической игры / В. А. Крыжановская // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова: научно-методическое издание. – Кострома, 2016. – Т.22 – № 3. – Стр. 179–182.
5. Намитокова, Р. Ю. Язык современного города / Намитокова, Р. Ю., Гриценко, Н. И., Нефляшева, И. А. // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 1. – С. 185–188. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.1/82/namitokova2_2006_1.pdf (Дата обращения: 15.05.2019)
6. Пономаренко И. Н. Ономастикон Краснодара как полиаспектная система / И. Н. Пономаренко // Русский язык в поликультурном мире :II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.) / отв. Ред Е.Я.Титаренко: сб. науч. статей. В 2-хт. Т.1.– Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С.133– 138.
7. Пономаренко И. Н. Новые единицы городского ономастикона / И. Н. Пономаренко // Материалы VI Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (20-23 марта 2019 года). Москва, 2019.

8. Ремчукова Е. Н., Замалетдинова Л. Р. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности // Ценности и смыслы. 2016. Т.1 № 6 (46). – С.87– 95.
9. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. на соиск. докт. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 76 с.
10. Шарифуллин Б. Я. О лингвистическом эксперименте в изучении языка города / Б. Я. Шарифуллин // Речевое общение: специализированный вестник. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 88– 95. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-00b.htm> (Дата обращения: 15.05.2019).
11. Шмелева Т. В. Городская среда как пространство языковых экспериментов // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – С. 201–203.

References

1. Vrublevskaya O. V. *Yazykovaya Moda v Russkoi Onomastike: Avtoref. Dis. ... Dokt. Fil. Nauk* [Language Fashion in Russian Onomastics]. Volgograd, 2017.
2. Kryukova I. V. *Reklamnoye Imya: Ot Izobreteniya do Pretsedentnosti* [Advertizing Name from an Invention to a Pretsedentnost]. Volgograd: Peremena Publ., 2004. 44 p.
3. Kryzhanovskaya V. A. *Ergonimy s Elementami Graficheskoi Transformatsii: Strukturno-Semanticheskii I Pragmaticheskii Aspekty: Avtoref. Dis. ... Kand. Fil. Nauk* [Ergonims with the Elements of Graphic Transformation: Structural-Semantic and Pragmatical Aspects]. Krasnodar, 2017.
4. Kryzhanovskaya V. A. *Sovremennaya Ergonimiya: osnovnye priyomy Graficheskoi Iгры* [Modern Ergonimia Main Trends of a Graphic Game]. Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni N. A. Nekrasova: Nauchno-Metodicheskoye Izdaniye. Kostroma, 2016, Vol. 22, no 3, pp. 179–182.
5. Namitokova, R. Yu., Gritsenko, N. I., Neflyasheva, I. A. *Yazyk Sovremennogo Goroda* [Language of the Modern City]. Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta.

- Maikop, 2006, no 1, pp. 185–188. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.1/82/namitokova2_2006_1.pdf (accessed 15 May 2019)
6. Ponomarenko I. N. *Onomastikon Krasnodara kak Poliaspekttnaya Sistema* [Onomastikon of Krasnodar as a Polyaspect System]. *Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: II Mezhdunarodnyi Simpozium* (8–12 June 2018). Simferopol: Arial Publ., 2018, pp. 133–138.
 7. Ponomarenko I. N. *Novye Edinitsy Gorodskogo Onomastikona* [New Units of a City Onomastikon]. *Materialy VI Mezhdunarodnogo Kongressa Issledovatelei Russkogo Yazyka, Russkii Yazyk: Istoricheskiye Sudby I Sovremennost* (20–23 March 2019). Moskva, 2019.
 8. Remchukova Ye. N., Zamaletdinova L. R. *Kommercheskiye Urbanonimy Rossii v Aspekte Kreativnoi Rechevoi Deyatelnosti* [Commercial Urbanonims of Russia in Aspect of Creative Speech Activity] *Tsennosti i Smysly*. 2016. Vol.1 no 6 (46). pp. 87–95.
 9. Suprun, V. I. *Onomasticheskoye Pole Russkogo Yazyka i Yego Khudozhestvenno-Esteticheskii Potentsial: Avtoref. Dis. ... Dokt. Filol. Nauk.* [Onomastics Field of Russian and its Art and Esthetic Potential]. Volgograd, 2000. p. 76.
 10. Sharifullin B. Ya. *O lingvisticheskom Eksperimente v Izuchenii Yazyka Goroda. Rechevoye Obscheniye* [About a Linguistic Experiment in Studying of Language of the City]. Krasnoyarsk, 2000. pp. 88–95. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-00b.htm> (accessed 15 May 2019).
 11. Shmeleva T. V. *Gorodskaya Sreda kak prostranstvo Yazykovykh Eksperimentov* [The urban Environment as a Space of Language Experiments]. *Kontinualnost i Diskretnost v Yazyke i Rechi: Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii*. Krasnodar: Kubanskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2007. pp. 201–203.

ACTUAL ERGONYM: THE MAIN TRENDS IN NAMING

Ponomarenko I. N., Kryzhanovskaya V. A.

Summary. This article defines main trends of an actual naming for the last ten years. The intensity of the "an onomastic boom" (the term offered T.V. Shmeleva) which arose at the end of the last century does not flag, causing active creation of original ergonym as one of the most important functions of an ergonym is attractive (drawing attention to a name and marked organisation, its allocation among the others). In this regard we consider it necessary to define the main trends in a naming dictated by influence of language fashion – socially and psychologically determined phenomenon accompanying the nomination. Having analysed more than 1300 proper names marking various business associations of people (shops, the enterprises, the organizations, etc.) we came to a conclusion that the most perspective are these following trends: americanization (use of alphabetic and not alphabetic symbols and elements of the american culture) and an arhaization, or the retronomination (deliberate "aging" of an ergonym by means of inclusion of graphemes of the prerevolutionary alphabet, use of archaisms, historicism, sovetizm and other language units). Both trends harmonically coexist in relevant onomastic space of the city, not only drawing attention of a potential consumer, but also reflecting the nominator's worldview.

Keywords: ergonym, naming, arhaization, americanization, alphabetic and not alphabetic elements.

УДК 811.161.1.37.81.42

РЕЧЕВОЙ АКТ: ОТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МИНИМУМА К ДИСКУРСИВНОМУ МАКСИМУМУ

Синельникова Л. Н.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

В статье рассматривается проблема интерпретации речевых актов в условиях новой научной парадигмы, ориентированной на функциональный аспект в оценке языковых фактов, антропоцентрический принцип анализа языкового (текстового) материала, когнитивистику и дискуртологию. Показано, что перформативность и иллокутивность – свойства, которые заложены в традиционной теории речевых актов, получили дальнейшее развитие по вектору: от обязательного минимума к дискурсивному максимуму. Структурное разнообразие и полифункциональность речевых актов проявляется в динамической организации дискурса, в условиях которого говорящим предоставляется возможность варьировать речевые акты, совмещать их, уточнять или менять позиции в процессе диалога. Дискурсивная конструкция речевого акта включает процессы фреймирования, формы обратной связи как оценочной реакции адресата, дискурсивную перформативность. Отношение к дискурсу как к системе речевых актов позволяет расширить круг интерпретативных стратегий в рассмотрении традиционных речевых актов и показать возможности системы продуцировать новые речеактовые структуры в условиях изменяющейся коммуникативной среды. На примере речевого акта благодарности показаны текстопорождающие возможности перформативности: благодарность по правилам этикета и благодарность экзистенциальная – по велению души. Речевые акты, с одной стороны, согласуются с особенностями институциональных дискурсов, с другой – образуют фронтирную зону (зону пограничья), в которой происходят процессы трансформации традиционных речевых актов и формируются новые. В статье приведены примеры из современного научного дискурса, в котором активно проявлена тенденция к совмещению в речевом акте благодарности общественно значимой и лично значимой информации. Сокращение объема моделей благодарности в социальных коммуникациях и редукцию мотиваций для благодарности автор относит к проблеме рискогенности коммуникаций.

Ключевые слова: речевой акт, фрейм, дискурс, обратная связь, перформативность, рискогенность.

ВВЕДЕНИЕ

В основе теории речевых актов (далее – РА) лежит типология Дж. Остина и Дж. Серля, ориентированная на принципы лингвистической философии. Активная интерпретация представленной концепции в отечественной науке началась после выхода тематического выпуска «Теория речевых актов» в популярной серии «Новое в зарубежной лингвистике». Статьи Дж. Остина «Слово как действие» [17] и Дж. Серля «Что такое речевой акт?» [27] – наиболее цитируемые публикации этого знакового для продвижения теории речевых актов выпуска. Реакция отечественных

ученых на научный импульс зарубежных исследователей подтвердила значимость самого понятия «речевой акт», который оказался некой реперной точкой – ориентиром, открывающим ряд новых возможностей в интерпретации разнообразного речевого материала.

Остинско-серлиевская теория закрепила терминологический инструментарий анализа РА. Такие характеристики РА, как локутивность, локуция (непосредственно произнесенное высказывание и используемые в нем языковые средства); иллокутивность, иллокуция (отражение коммуникативной цели и намерений говорящего); перлокутивность, перлокуция (воздействие на адресата, его сознание и поведение) вошли в прагмалингвистический и в когнитивно-дискурсологический научный тезаурус и получили многовекторное развитие. Сформировалась теоретическая платформа, на основе которой в описание РА вводятся новые типологические таксоны, уточняются прежние классификации.

Признание авторитета теории не исключает её критики. Критике могут подвергаться неверные, неясные, неточные, с точки зрения критикующих, высказывания, умозаключения и обобщения. Позитивная направленность критики в науке, как и в других социальных институтах, является важной составляющей развития и совершенствования знания. Критический сегмент научного дискурса строится по строгим законам деонтологии: критикуется проблема при сохранении уважительного отношения к авторам научной концепции. Не случайно, что обычно критика начинается с перечисления положительных моментов анализируемой теории.

Наличие альтернативных позиций и разных точек зрения свидетельствует об интересе к теории речевых актов и стремлении исследователей воспользоваться ее резервами для изучения языка как продукта и инструмента описания культуры во всех ее проявлениях. Критика теории речевых актов актуализировалась в условиях новой научной парадигмы, ориентированной на функциональный аспект в оценке языковых фактов, антропоцентрический принцип анализа языкового (текстового) материала, когнитивистику и дискурсологию. В монографии М. Л. Макарова «Основы теории дискурса» [14] находим перечень признаков, свидетельствующих,

по мнению автора, о методологической уязвимости теории РА Дж. Остина и Дж. Серля: отсутствие единого набора критериев, который позволил бы всем исследователям речи одинаково вычленить и охарактеризовать РА и одним и тем же формальным единицам придать одинаковые функции; статичность теории РА; игнорирование внутренней логики развития коммуникации и взаимодействия участников; вычленение и идентификация РА в жесткой системе координат без учета постоянно движущейся точки зрения участников общения; абстрактность примеров, помещенных в гипотетически «нулевой» контекст (раздел 1.1.3 «Дискурсивный переворот») и новая онтология: дискурсивная онтология: социальные миры, речевые акты, дискурс, правила и нормы диалога в тексте).

Конверсационалисты упрекают теоретиков речевых актов в недостаточном внимании к перлокутивному акту и разговорным секвенциям; философы – в обобщениях, осуществляемых на основе интроспекции, воображаемых ситуациях, отсутствии данных, касающихся реальных социальных взаимодействий; этнографы – в неоправданном акцентировании принципов искренности и интенциональности [15].

Междисциплинарность современного гуманитарного знания обеспечивает «точки роста» в описании РА. Наибольшим междисциплинарным потенциалом обладает дискурс, который фиксирует культурную обусловленность и социальную значимость РА. Расширение программы интерпретации РА в рамках дискурсивной парадигмы объясняет внимание к способам передачи намерения от говорящего к слушающему, к пресуппозициям, обеспечивающим аутентичное замыслу понимание РА, к форматам «расширенной» (от слова к тексту) перформативности, к роли обратной связи как идентификатору успешности РА и многое другое. Дискурс динамичен, социален и открыт для описания всего разнообразия современных речевых практик и, соответственно, для продвижения теории РА в её координации с обновленными и новыми речевыми практиками. В дискурс-анализе преодолеваются недостатки теории РА, прежде всего за счёт внимания к эмпирической релевантности интерпретируемых примеров.

Речевые акты изучаются с точки зрения структуры, дискурсивно закрепленных функциональных предназначений и стилистического (риторического) наполнения, исследуется прагматическая семантика социально значимых РА, в том числе в условиях изменяющейся коммуникативной среды – все это признаки научной онтологии, связывающей дискурс и речевой акт.

РЕЧЕВОЙ АКТ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ КОНСТРУКТ

Семантическая, прагматическая и когнитивная актуализация РА осуществляется в дискурсе. «Существует, по крайней мере, один элемент, позволяющий соединить текст и дискурс в рамках лингвистического исследования. Данным элементом является теория речевых актов. Она самым тесным образом связана с лингвистической прагматикой и когнитивными дисциплинами» [29, с. 268]. В триаде: дискурс, высказывание, речевой акт [12] обнаруживается специфика РА, который может включаться как фрейм в дискурс того или иного типа. О совпадении РА и фрейма можно говорить в случаях типизированной в определенной культуре ритуальности, и «за решение вопроса о том, выполнены ли необходимые условия приемлемости речевого акта, ответственно наше знание мира, организованное в сознании в виде фреймов» [3, с. 19]. Фреймы как закрепленные в сознании людей ментальные схемы «позволяют субъекту общения более или менее адекватно интерпретировать поведение других людей, планировать собственные действия и осуществлять их традиционными (принятыми в данном обществе) способами, что и позволяет партнерам интенционально понимать поступки и воспринимать их логику» [16].

В исследованиях, ориентированных на фреймовое описание коммуникативного процесса, РА соотносятся с нормативными характеристиками того или иного институционального дискурса. Фреймовый подход продуктивно применяется для выявления когнитивных моделей воздействия на адресата в массмедиаальном дискурсе [7], в описании жанрового корпуса управленческого дискурса [36], для понимания сути лингвистического перформанса в маркетинговых коммуникациях [33; 14]. Фреймы развиваются и модифицируются (вплоть до рефрейминга –

перепрограммирования сознания через изменение нормативного контекста исходно заявленного фрейма) в интерактивном процессе коммуникации.

Перформанс – это взаимодействие дискурсов (интердискурсивность), смешение систем знания и практик его языкового (стилистического, риторического) представления. Дискурсивная гетерогенность реализуется «путем построения одного типа дискурса по моделям, присущим другому типу дискурса. Так, рекламный дискурс может строиться по модели персонального, политический и военный – по моделям интернет-дискурса, медиа-дискурса и т.д.» [6]. Именно в таких условиях происходит новое фреймирование и осуществляется рефрейминг: расширение или сужение вербальной представленности фрейма; подключение риторического приема особого оценочного свойства (ирония, оксюморон, алогизм и др.); увеличение субъектов речи (в том числе участников диалога), каждый из которых может влиять на вербальную артикуляцию фрейма; варьирование коннотаций; аппликация фреймов и др. Связь и взаимообусловленность фреймов и РА дает основание считать проблемы фреймирования, рефреймирования, глобализации общими для обоих феноменов.

Диалогичность – онтологическое свойство дискурса. Дискурсивная парадигма вносит существенные изменения в теорию РА, в которых адресант и адресат образуют «смежную пару». «Смежная пара – это элементарный фрейм, с помощью которого участники разговора показывают результат своего анализа действий друг друга. Каждый участник должен анализировать действия собеседника, чтобы совершить соответствующее ответное действие. Когда говорящий произносит первую часть смежной пары, то тем самым он создает интерпретативный фрейм, внутри которого то, что случится позднее, покажет, в какой степени реципиент осознал и проинтерпретировал первую часть пары» [15, с. 60]. РА – высказывание, совершаемое одним говорящим с учётом другого, и это делает необходимым включение в теорию РА и практику его анализа когнитивно значимый фактор – обратную связь, внимание к которой утвердило позицию: успешность РА, его воздействующая сила находятся в прямой зависимости от реакции адресата. Перлокуция РА – это воздействие на адресата, состояние которого в процессе диалога

может существенно изменяться (в лучшую или в худшую сторону). Предкоммуникативная фаза РА основывается на пресуппозиции (дискурсивном фоне), посткоммуникативная зависит от умения адресанта реализовать замысел (говоря современным языком, от «раскрутки» пресуппозиций).

Обратная связь подтверждает динамичные свойства дискурса и в полной мере проявляется при непосредственном (контактном) общении, что позволяет субъектам речи корректировать свои цели и изменять свое поведение, прежде всего – речевое. Контролируется многое: необходимость благодарности, совета, комплимента и т.д., удачность выбранной интонации (например, комплимента), степень директивности (например, категоричности совета) и т.д. Отсроченная обратная связь имеет свои преимущества: появляется возможность представить большее количество аргументов согласия или несогласия со сказанным, произвести всестороннюю оценку РА.

Внимание к концепту искренность проявляют многие гуманитарные науки [1]. Описание форм обратной связи активизировало психологический аспект анализа РА. Именно обратная связь дает возможность определить степень искренности говорящего. Искренний – выражающий подлинные чувства; правдивый, откровенный; искренность – соответствие между мыслями и чувствами, а по большому счету и между словами и делами. От говорящему к слушающему передаются не только слова – носители смысла, но и внутреннее психологическое состояние говорящего. «В эмоциональной коммуникации особенно релевантным является осознание различия между эмоциональной прагматикой говорящего (инициальная интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция)» [35, с. 104].

Распознавание искренности в условиях «смежной пары» – сложный многоступенчатый процесс, требующий внимания как к вербальным, так и к невербальным средствам, точнее, к их совместности. Понятие конгруэнтность (соответствующий, совпадающий) ориентирует на аутентичность слова и жеста. На наш взгляд, шкала конгруэнтности может быть расширена. Выражение глаз, голос, темп речи, паузы, касание или отстранение, пространство и время произнесения РА

– все имеет значение для восприятия и понимания сказанного по шкале «искренность / неискренность». Неконгруэнтность в этом случае можно отнести к числу идентификаторов неискренности (о моделях неискренности см.: [18]).

Критерий искренности значим для определения РА по принадлежности к положительной или отрицательной оценке. Архетипическая оппозиция «внешний человек / внутренний человек» проявляется в оценочном описании РА. Эксплицитный уровень РА соотносим с внешним человеком, включенным в общепринятые социальные конвенции, что не исключает действия приема «ролевой маски» – стереотипной модели поведения в типичных фреймах и «контакта масок» – обоюдной, нередко безучастной вежливости и любезности. Имплицитный план соотносим с внутренним человеком, с его мировосприятием, духовно-нравственными установками и в целом с личностными особенностями. Формальное отношение без интереса к собеседнику не может интерпретироваться по шкале «искренность / неискренность».

Конфликт внешнего и внутреннего человека проявляется в пересечении РА, нередко в их наложении друг на друга. Модусы взаимодействия обнаруживают, например, РА похвалы, комплимента, с одной стороны, и лести, лицемерия – с другой. Понять, является ли похвала объективной характеристикой достоинств человека или тонкой лестью, не инициируется ли комплимент завистью, скрытым расчетом, не всегда просто: должно быть проявлено внимание к невербальным средствам и к тонкостям языкового наполнения РА, присутствие в котором интенсификаторов в виде гипербол, неумеренных сравнений, риторических восклицаний и вопросов часто идентифицирует неискренность. Учитывая естественную потребность человека в положительной оценке, адресант при соответствующей интенции может становиться скрытым манипулятором в расчёте на перспективный эффект РА, то есть на закрепление желаемых отношений с адресатом. С другой стороны, адресат имеет право отклонить РА, и одной из причин отклонения может быть неискренность.

Обратим внимание на то, что некоторые риторические приемы, относимые большинством исследователей к неискренним высказываниям, в определенных

ситуациях оказываются исключительно правдивыми и искренними. Иначе говоря, оценка искренности осуществляется в дискурсе. Пример из сценария защиты диссертации. После защиты соискателю предоставляется слово. Соискатель: – Спасибо моему научному руководителю, который помогал мне и в теории, и в практике. Ответ руководителя: – Помогал и не мешал. Руководитель должен быть как словарная дефиниция. – То есть? – Достаточным и избыточным.

Познавательная процедура таксономического метода в системном описании РА согласуется со свойствами дискурса как феномена социально-коммуникативной практики. Пример – использование методики градуального эталона в описании РА просьбы. Носителям русского языка было предложено расположить 34 способа выражения просьбы по четырем параметрам: типичность, формальность ситуации, социальный статус адресата и вежливость. Полученные результаты показали, что для описания просьбы в русском языке значимы такие параметры, как формальность ситуации, социальный статус адресата и вежливость, а также то, что эти параметры тесно связаны [20]. Связь параметров – свойство дискурса.

ДИСКУРСИВНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ

Дискурс расширил практику интерпретации РА по многим направлениям. Одно из них связано с перформативностью. Традиционное определение перформативности – суждение, равное действию в присутствии адресата. Прагматические координаты такой перформативности: я – ты – здесь – сейчас. Ритуализованные РА органично перформативны: *я благодарю, советую, приказываю, прошу прощения, желаю, предупреждаю, одобряю, соболезную, сожалею* и т.д. От РА как ограниченного в объеме перформативного высказывания к перформативности текста и дискурсивной перформативности – таков путь «продвижения» теории речевых актов. Дискурсивный подход к интерпретации РА позволил расширить их социально-психологическую и культурологическую характеристику [5]; описать РА, которые «разрастаются» до композитного перформативного конструкта – такого образования, которое содержит дополнительные структурные компоненты или модальные модификаторы (модальные глаголы, предикаты мнения, намерения, оценки,

разрешения, позволения, эмоционального состояния и др.) [22]. Перформативным может быть любое социальное действие: отдельный РА, текст, дискурс при понимании этих феноменов как актуальной речи, привязанной к конкретному месту и времени [8; 25]. Дискурсивное понимание перформативности позволяет расширить интерпретацию РА, выделить в нем множество дополнительных зон: языковую личность адресанта и адресата, их социальный статус, формы обратной связи, культурные стереотипы и новые модели. Экспрессивность РА или ее отсутствие также могут быть верифицированы в дискурсе [31]. Перформативность обеспечивает взаимодействие коммуникантов, координацию их речевых действий, реализует значение адресованности [23]. Названные признаки РА как дискурсивного конструкта можно обнаружить в каждом из РА, в том числе в РА благодарность.

Благодарность как ментальная установка и дискурсивная реальность

В большинстве лингвокультур благодарность представляет собой общепринятую коммуникативную стратегию, проявляющуюся во множестве тактик. Понятия *благо*, *дар* особо значимы для русской ментальности (изначальная форма – *благо дарю вам*), и этот РА специфически представлен в медицинском, разговорном, педагогическом и других видах дискурсов.

Иллокутивная цель РА благодарность – выразить чувство признательности адресанта по отношению к адресату. РА-экспрессивы, к числу которых, по классификации Дж. Серля, относится благодарность, основываются на искренности. «Важным условием успешности при реализации речевого акта благодарности является условие искренности, вербализирующее интуицию, что адресант только тогда должен благодарить адресата, когда он находится в определенном эмоциональном состоянии, а именно в состоянии благодарности» [30, с. 63]. В то же время включение РА благодарность в контекст рассуждений не только о позитивной, но и негативной вежливости поддерживается мнением о том, то «выражая благодарность, говорящий признаёт себя должником» [32, с. 430].

Повышенное внимание исследователей к РА благодарность [2; 4; 10; 34] можно объяснить его живой активностью: в разных ситуациях, от простых житейских до сложных публичных, мы кого-то и за что-то благодарим. Перформативное употребление глагола *благодарю* имеет большой потенциал текстопорождения: благодарю по правилам этикета, благодарю по необходимости, благодарю и восхищаюсь, благодарю и завидую и т.д. Реакции на благодарность разнообразны: принятие, отклонение, преуменьшение, переадресация благодарности (*очень приятно, не стоит благодарности, не за что благодарить, я вам ещё больше благодарен* [31]).

Примеры РА благодарности в современном научном дискурсе позволяют судить об особенностях как этого РА, так и о некоторых изменениях в организации научного нарратива, в котором благодарность оформилась в самостоятельный дискурсивный приём, включающий маркеры личностных отношений и оценок. Несколько примеров из одного из самых строгих научных жанров – жанра монографии:

С благодарностью всем моим Учителям, начиная с моих родителей; С признательностью всем моим коллегам и друзьям, помогавшим мне на пути к этому изданию; С безграничной любовью к моей жене Лене, которой я обязан больше чем просто счастьем, Я посвящаю эту книгу нашему маленькому сыну Григорию (М. Л. Макаров. Основы теории дискурса). Выражаю глубокую благодарность научному редактору, в спорах с которым рождались многие суждения автора, и рецензентам, а также моему бессменному помощнику – дочери, без чьих усилий по компьютерной подготовке рукописи работа над монографией была бы невозможна, а также всем членам кафедры русского языка и речевой коммуникации – соратникам в исследовании и помощникам во всем (О. Б. Сиротинина. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски). Двум самым дорогим для меня людям: Анастасии Григорьевне за жертвенную материнскую любовь и очаровательной Анне с надеждой, что она будет счастлива (Л. Н. Синельникова, Лирический сюжет в языковых характеристиках). В такого рода благодарностях учёный проявляет себя как рефлекслирующая языковая личность, и иллокутивная сила РА благодарности выявляется в интенсивности чувств и в их безусловной искренности. Особенно на

фоне традиционных форм благодарности: *Автор выражает благодарность уважаемым рецензентам и под.*

Обратим внимание на совмещение РА поздравления и благодарности: Поздравляем Виктора Константиновича с юбилеем и желаем плодотворной научно-исследовательской деятельности, творческого долголетия, радости, счастья и здоровья! Вы для нас – отличный пример мудрого руководителя, успешного аналитика и исследователя! Коллеги, друзья и ученики. *Уважаемые коллеги, друзья! В этом году, 13 марта, отмечает свой юбилей замечательный Человек, великолепная Женщина, выдающийся ученый и талантливый педагог доктор филологических наук, профессор Людмила Петровна Иванова. Научная жизнь Людмилы Петровны посвящена лингвистическим исследованиям в области русистики. Дорогая Людмила Петровна! С Днем Рождения Вас! Желаем Вам здоровья, радости, любви, успехов во всех Ваших творческих начинаниях, вдохновения, удачи, талантливых и благодарных учеников, достойных Вас! Всего самого доброго Вам, Вашим родным и близким! С любовью и благодарностью, Ваши ученики, коллеги, друзья!*

Совмещение уважения и благодарности: *Дорогая Лара Николаевна! Поздравляю Вас с Днём учителя! Здоровья Вам, энергии, вдохновения, радости, творческих планов!!! Спасибо за замечательную конференцию! Очень рада личному знакомству с Вами! С чувством глубокого уважения и благодарности, Нина Геннадьевна Петрова.*

Совмещение поздравления, рекламы и маркетинга: *Дорогие коллеги! Примите сердечные поздравления с Днём учителя! Благодарим Вас за высокий профессионализм, за активную жизненную позицию и терпение в достижении цели воспитания достойного, прогрессивного поколения. Вы заключаете в себе колоссальный педагогический опыт, владеете секретом обучения и воспитания. Ваши усилия обязательно принесут огромную пользу, а мы Вам поможем делиться накопленным опытом с коллегами. В честь праздника дарим скидку 10% на все публикации в период с 01 по 10 октября 2017 г. (скидка не распространяется на доставку и печатные сборники). Промокод: TEACHE-RDAY10 Для того чтобы*

воспользоваться промокодом, Вам необходимо: 1. Заполнить онлайн-заявку на нашем сайте. 2. В соответствующее поле введите промокод: TEACHE-RDAY10 Если у Вас появятся вопросы, Вы можете обратиться к нашим специалистам по бесплатному номеру: 8 800 775 09 02.

Транспарентность финансовой поддержки научных исследований демонстрирует появившаяся относительно недавно обязательная сноска: БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00465 А).

Обычная ритуализованная благодарность – знак вежливости, минимизированный в эмоционально нейтральных стереотипах: спасибо, благодарю. «Расширенная» благодарность согласуется со свойствами перформативности текста, в который могут включаться интенсивно-оценочные языковые средства, способные передать испытываемое состояние. «Дискурсивными разнорегистровыми вариантами выражения благодарности является, с одной стороны, сокращенная форма слова «спасибо» - «спс», используемая в сетевой компьютерной коммуникации либо СМС-общении без указания причин благодарности, а с другой стороны – официальное благодарственное письмо на фирменном бланке с обязательным обоснованием причин (например, «за добросовестный труд в сфере высшего профессионального образования в связи с 80-летием со дня основания университета») [5, с. 30]. По способу структурной организации РА благодарности и их манифестации диалогичны, но формы диалогичности в устном и письменном варианте разные. В письменном варианте РА может переходить в объемный текст, так как адресат получает право оценивать некоторое положение вещей, сконцентрированное в РА благодарность, и обретает возможность передать испытываемое состояние с помощью множества вербальных интенсификаторов.

С РА благодарность связана когнитивная память, которая сохраняет «прошедшее как пребывающее» (Ю. М. Лотман). Мы нуждаемся в прошлом, чтобы понять себя в настоящем. В недавно изданной монографии «Лирическое стихотворение: междисциплинарная интерпретация» (М.: ИНФО-М, 2019) раздел «Предисловие» имеет подзаголовок: «Благодарность времени ученичества и его продолжению».

Должна признаться, что раздел писался долго, с душевным напряжением и беспокойством: передавать искренность чувства сложно. Путь в этом случае один – говорить о чувствах через события, что можно назвать субституцией речевых актов. Взамен традиционной перформативной благодарности – перечень имен дорогих людей, оказавших влияние на научный сегмент биографии, рассуждение о роли наставничества в науке, важности морально-этических ценностей в научном дискурсе, перечисление действий учеников в память учителей (серия публикаций «Памяти ученого»), факты деятельностной продленности памяти и преемственности. Все эти события объясняют глубину благодарности, включенной в глубину памяти. Выстраивается когнитивно согласованная цепь речевых актов. Коммуникативное прошлое и коммуникативное будущее объединяются в гетерогенном РА, трансформированном в особый речевой жанр.

Экзистенциальная (бытийная) благодарность представлена в поэзии, перформативность которой – органичная среда для реализации РА благодарности. Пример – замечательное стихотворение Р. Рождественского «Благодарю тебя». Представлен метафизический (несобытийный) ряд благодарности: благодарю за песенность города, за шепот и за крик, за вечность и за миг, за отгоревшую звезду, за смех и за печаль, за тихое прощай. Благодарность, прикрепленная ко времени, и благодарность вне времени – разные в когнитивно-дискурсивном отношении РА. При этом экзистенциальную благодарность отличает особая риторика (и, соответственно, стилистика), соответствующая интенции «высокости» и значимости.

Речевые акты и проблемы рискогенности коммуникации

Понятие «рискогенность коммуникации» только начинает входить в сферу коммуникативистики [9; 21]. Зоны риска связаны со множеством признаков РА: уместностью, соответствием вербального и невербального планов, соблюдением этических норм и др. Исследователи фиксируют рост агрессивных РА как в устной, так и в письменной коммуникации. В новых коммуникационных средах возникают некие реперные точки, которые находятся в зоне фронта (границы, порубежья) –

пространстве схождения традиционного и нового. Отсюда необходимость прогнозирования коммуникативного поведения, в котором РА занимают базовые позиции. В гуманитарном риск-менеджменте целесообразно рассматривать как плюсы (действие законов развития коммуникации), так и минусы (игнорирование традиций) новых видов коммуникаций, влияющих на систему РА.

Остановлюсь на двух примерах наблюдаемой реальности, связь между которыми не очевидна, но она существует. В статье О. А. Полюшкевич «Философия благодарности» [19] рассматривается проблема изменения поколенческих и личных оценок благодарности в контексте социокультурных основ эмпатии. «Благодарность – это своего рода мерило социальной эмпатичности. При разрушении смыслов и значений «благо дарения» теряется невидимая связь норм и ценностей и их проявления в повседневной жизни. Только при искреннем благодарении остаётся надежда на изменение ситуации, без него – прогноз весьма печален» [19, с. 73]. В подтверждение приводятся впечатляющие данные опроса, в котором участвовали 1500 человек в возрасте от 18 до 75 лет (46 % мужчин и 54 % женщин). Социальную благодарность к Богу, Миру, Вселенной испытывают 10 %, родителям – 7 %, друзьям – 5 %, Президенту – 2 %, стране – 2 %, детям – 1 % и к никому – 70 %. Обратим внимание на последнюю цифру как на импульс для перехода ко второму примеру. В сетевой коммуникации сформировался и продолжает активно действовать такой жанр посткоммуникации, как лайк (в его совместности с репостом – продвижением информации и хэштегом – ключевым словом или фразой, расширяющими круг контактов). Жанровая квалификация имеет обоснования в философском понимании сетевой коммуникации как нового вида человеческих отношений и, соответственно, особенностей не только национальной, но и глобальной культуры: относится к числу одной из основных потребностей человека – потребности в общении, в «поглаживании» (здесь «поглаживание» – поддержка, подчеркивающая значимость), в комплименте, в оценке поведения и под. Невербальное действие *лайк* (*лайкнуть*) имеет множество смыслов: приглашение в коммуникацию, напоминание о себе, поддержание связи, выражение уважения и социального одобрения, индикатор предпочтений, средство «накрутки подписчиков» [см.: Теория «лайков» //

<https://www.cossa.ru/234/13291/>]. Лайк – альтернатива вербальным формам благодарности. Обратная связь при этом не имеет значения, и только в некоторых случаях она появляется: *Ваш лайк как благодарность за проделанную мной работу! Дорогие Друзья, Огромная Благодарность Вам за лайки и репосты! Вы очень помогаете продвижению информации о Здоровье! Наша задача, чтобы люди были Счастливы и забыли, что такое болезни! Сердечное Спасибо Вам!*

В простоте действий (нажатие) заложены риски потери вербального выражения оценочных РА. Лайк как некая рефлексия оказывается более значимой, чем словесные формулы благодарности, комплимента, согласия, симпатии, самопрезентации и др. Рискогенность – в подмене (имитации) взаимодействия, в результате чего «возникает опасность формирования зависимости от социальных сетей и опасность принятия культуры социальных сетей как базовой культуры общения [24]. Простое наблюдение позволяет заметить, что баланс между словесным комментарием и количеством лайков очевидно нарушен в пользу последних. Альтернатива находится в повышении качества гуманитарного образования [28], в котором дискурсивная лингвистика должна занимать достойное место.

К числу рискогенных факторов относят примитивность общения и, соответственно, примитивность РА (высказывания). Пример из рекламы бургеров Макдональдса «Вот что я кукареку» (значение можно только предполагать) вряд ли может пополнить словарь языка эмоций, но вполне подходит для иллюстрации расширения поля рисков через коммуникативные симулякры [26].

ВЫВОДЫ

Теория речевых актов остается востребованной в современной научной парадигме, о чем свидетельствует непрекращающийся поток публикаций, описывающих РА в разных культурах. Сквозь призму системы РА появилась возможность оценивать состояние сферы общения, выявлять причины обновления структуры и семантики традиционных РА и прогнозировать появление новых форм социального и личного взаимодействия. Дискурсивная реальность РА

демонстрирует закономерность: изменяется коммуникативная среда – изменяется система РА, в которой акцентируются статусные различия, проявляется отношение к традиционному и новому форматам общения.

Дискурсивное понимание перформативности РА позволяет выделить в нем множество дополнительных зон: языковую личность адресанта и адресата, их социальный статус, формы обратной связи, культурные стереотипы и новые модели. Конкретность содержания РА и характер его вербально-невербального наполнения проявляется в условиях определённого дискурса – институционального, бытийного, личностного.

Перлокутивный эффект РА планируется говорящим, но оценивается адресатом, который может быть инициатором модальных трансформаций РА с заранее заданной позитивной или негативной программой. Содержание РА и форму его преподнесения адресат подвергает коррекции по шкале «искренно / неискренно». Обратная связь, таким образом, оказывается единственно объективным критерием определения успешности РА.

Перспектива расширения инновационных подходов к описанию РА не позволяет считать теорию речевых актов исчерпанной научной концепцией.

Список литературы

1. Авакимян, С. С. О понятии «искренность» и его трактовке в гуманитарных науках [Текст] / С. С. Авакимян // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №37. – С. 5-9.
2. Бердникова, А. Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантикопрагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / А. Г. Бердникова – Новосибирск, 2005. – 224 с.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. [Текст] / Т. А. ван Дейк.– Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэне де Куртенэ, 2000. – 308 с.
4. Варфоломеева, И. В. Дискурсивное событие выражения благодарности в естественной коммуникации в английском и русском языках [Текст] / И.В.

-
- Варфоломеева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота – 2010. – № 11 (42): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 134-137.
5. Горбачева, Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: дис. ... канд. Филол.наук: 10.02.19 [Текст] / Е.Н. Горбачева – Астрахань, 2015. – 401 с.
 6. Данилова, С. А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсивная гетерогенность [Текст] / С.А. Данилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 316–320.
 7. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. [Текст] / М. Р. Желтухина. – Москва, 2004. – 44 с.
 8. Коньков, В. И. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа [Текст] / В.И. Коньков // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 58-63.
 9. Кормилицына, М. А. Причины коммуникативных рисков [Текст] / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2016. – С. 12–27.
 10. Краева, С. С. Когнитивный и прагматический аспекты исследования высказываний с семантикой благодарности [Текст] / С.С. Краева. // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2013. – № 24 (315). Филология. Искусствоведение. – Вып. 82. – С. 104-109.
 11. Краева, С. С. Типология реакций на выражение благодарности [Текст] / С.С. Краева. // Теоретические и практические вопросы современной науки: сборник научных работ VII Международной научной конференции Евразийского Научного Объединения (г. Москва, июль 2015). – М.: ЕНО, 2015. – С. 121–124.
 12. Красина, Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт [Текст] / Е.А. Красина // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 91-102.
 13. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

14. Маркетинговая лингвистика: закономерности продвигающего текста: коллективная монография [Текст] / под ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. – М.: Флинта, 2019. – 162 с.
15. Найман, Е. А. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики [Текст] / Е. А. Найман // Язык и культура. – 2015. – Вып. 4 (32). – С. 53-62.
16. Олешков, М. Ю. Речевая специфика фрейма в институциональном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – №12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-spetsifika-freyma-v-institutsionalnom-diskurse> (Дата обращения: 06.10.2019).
17. Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
18. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) [Текст] / С.Н. Плотникова – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.
19. Полюшкевич, О. А. Философия благодарности [Текст] / О. А. Полюшкевич // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 67–74.
20. Риехакайнен, Е. И. Методы изучения речевого акта просьбы: психолингвистический подход в сопоставлении с социолингвистическим [Текст] / Е. И. Риехакайнен // Социо- и психолингвистические исследования. – 2017. – Вып. 5. – С. 132-137.
21. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении [Текст] / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2015. – 188 с.
22. Романов, А. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Остина до наших дней [Текст] / Романов А. А., Л. А. Романова. – М. : Инт языкознания РАН, «АгросферА» Тверской ГСХА, 2009. – 156 с.

23. Россолова, О. А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. [Текст] – Петропавловск-Камчатский, 2008. – 194 с.
24. Самосват, О. И. «Лайк» в социальных сетях как показатель социального одобрения в подростковой среде [Текст] / О. И. Самосват // Казанский педагогический журнал. – № 6-1. – 2015. – С. 148-150.
25. Сахарова Е. Е. Феномен перформативности в современном интеллектуальном дискурсе // Актуальные проблемы филологии: материалы V международной (заочной) научно-практической конференции, посвященной 15-летию РИ (филиала) АлтГУ (7 июня 2011 г.). – Вып. 5. – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-2723693-p10.html> (Дата обращения: 15.10.2019).
26. Северская, О. И. Есть контакт? О коммуникативных девиациях цифровой эпохи [Текст] / О.И. Северская // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 107–119.
27. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.
28. Сиротинина, О. Б. Факторы, влияющие на эффективность коммуникации [Текст] / О.Б. Сиротинина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 1. – С. 39–47.
29. Сысоев, В. А. Особенности фреймовой структуры речевых актов в художественном дискурсе [Текст] / В. А. Сысоев // Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве: сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Том 1. – Тюмень, 2010. – С. 268-271.
30. Трофимова, Н. А. Штрихи к портретам социативных речевых актов [Текст] / Н. А. Трофимова // Известия Российского гос. ун-та им. А. И. Герцена. – 2007. – №34. – С. 61-74.

31. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты: семантический, прагматический, грамматический анализ : монография [Текст] / Н. А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
32. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. [Текст] / Н. И. Формановская – М.: ИКАР, 2007. – 478 с.
33. Халина Н. В. Маркетинговое языкознание как новый формат лингвистики цифрового общества / Н. Халина // *Speech and Context*, – 2(III). – 2011. – С. 1–15. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://usarb.md/limbaj_context/volumes/v6/art/halina.pdf (Дата обращения: 11.10.2019).
34. Цурикова, Л. В. Дискурсивное событие выражения благодарности в английском и русском языках [Текст] / Л. В. Цурикова. – *Studies about Languages*. – № 13. – 2008. – С. 60-70.
35. Шаховский, В. И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении [Текст] / В. И. Шаховский // *Верхневолжский филологический вестник*. – 2015. – № 1. – С. 104-106.
36. Юдина, О. Л. Управленческий дискурс как особый вид институционального дискурса (лингвистический аспект) / О.Л. Юдина // *Вестник управления*. – 2013. – Вып. 3 (24). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2013/03/10/> (Дата обращения: 17.10.2019).

References

1. Avakimyan S. S. *O Ponyatii Iskrennost i yego Traktovke v Gumanitarnykh Naukakh* [About the Concept of Sincerity and its Interpretation in the Human Science]. *Vestnik Chelyabinskogo Universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*. 2008, no 37, pp. 5–9.
2. Berdnikova A. G. *Rechevoi Zhanr Blagodarnosti: Kognitivnyi I Semantiko-Pragmaticheskii Aspekty: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Speech Genre of Gratitude: Cognitive and Semantics-Pragmatic Aspects]. Novosibirsk, 2005, 224 p.

3. Van Deik T.A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK imeni Baudouin de Courtenay Publ., 2000, 308 p.
4. Varfolomeeva I. V. *Diskursivnoye Sobytiye Vyrazheniya Blagodarnosti v Yestestvennoi Kommunikatsii v Angliiskom i Russkom Yazykakh* [A Discursive Event of Expressing Gratitude in Natural Communication in English and Russian]. *Almanakh Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*. Tambov: Gramota Publ., 2010, no 11, pp. 134–137.
5. Gorbacheva Ye. N. *Diskursivnaya Performativnost: Priznaki, Tipy, Zhanri: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Discursive Performativity Signs, Types, Genres]. Astrakhan, 2015, 401 p.
6. Danilova S. A. *Institutsionalnyi Diskurs, Interdiskursivnost i Diskursnaya Geterogennost* [Institutional Discourse, Interdiscursive and Discursive Heterogeneity]. 2015, pp. 316–320.
7. Zheltukhina M. R. *Spetsifika Rechevogo Vozdeystviya Tropov v Yazyke SMI: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Specificity of Speech Impact of Trails in the Language of the Mass Media]. Moscow, 2004, 44 p.
8. Konkov V. I. *Mediarech: Soderzhaniye Ponyatiya i Printsipy Analiza* [Media Speech: the Content of the Concept and Principles of Analysis]. *Mir Russkogo Slova*, 2016, no 3, pp. 58–63.
9. Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. *Prichiny Kommunikativnykh Riskov. Riskogennost Sovremennoi Kommunikatsii i Rol Kommunikativnoi Kompetentsii v yeyo Preodolenii* [The Reasons for Communication Risks. The Need for Modern Communication and the Role of Communicative Competence in Overcoming it]. Saratov: Saratovskii Universitet Publ., 2016, pp. 12–27.
10. Krayeva S. S. *Kognitivnyi i Pragmatischekii Aspekty Issledovaniya Vyskazyvaniy s Semantikoi Blagodarnosti* [Cognitive and Pragmatic Aspects of the Researches of Utterances with Semantics of Gratitude]. *Vestnik Chelyabinskogo Universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*. 2013, no 24, pp. 104–109.
11. Krayeva S. S. *Tipologiya Reaktsii na Vyrazheniye Blagodarnosti. Teoreticheskiye i Prakticheskiye Voprosy Sovremennoi Nauk* [Typology of Reactions to Expression of

- Gratitude. Theoretical and Practical Questions of Modern Science]. Moscow, 2015, pp. 121–124.
12. Krasina Ye. A. *Diskurs, Vyskazyvaniye i Rechevoi Akt*. [Discourse, Utterance and Speech Act]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhy Narodov. Lingvistika*. 2016, Vol. 20, no 4, pp. 91–102.
 13. Makarov M. L. *Osnovy Teorii Diskursa* [The Basis Theory of Discourse]. Moscow: Gnozis Publ., 2003, 280 p.
 14. Borisova Ye. G., Vikulova L.G. *Marketingovaya Lingvistika: Zakonomernosti Prodvigayushchego Teksta: Kollektivnaya Monografiya* [Marketing linguistics: Patterns of Promoting Text: Collective Monograph]. Moscow: Flinta Publ., 2019, 162 p.
 15. Naiman Ye. A. *Teoriya Rechevykh Aktov v Kriticheskom Zerkale Lingvisticheskoi Antropologii i Sotsiolingvistiki. Yazyk i Kultura* [Theory of Speech Acts in the Critical Mirror of Linguistic Anthropology and Sociolinguistics. Language and Culture]. 2015, pp. 53 – 62.
 16. Oleshkov M. Yu. *Rehevaya Spetsifika Freima v Institucionalnom Diskurse. Aktualnyye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki* [Speech Specificity of the Frame in the Institutional Discourse. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2010, no 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rehevaya-spetsifika-freima-v-institucionalnom-diskurse> (accessed 06 October 2019).
 17. Austin J. *Slovo kak Deistviye. Novoye v Zarubezhnoi Lingvistike. Teoriya Rechevykh Aktov* [Word as Action. New in Foreign Linguistics: The Theory of Speech Acts]. Moscow: Progress Publ., 1986, pp. 22–130.
 18. Plotnikova S. N. *Neiskrennii Diskurs (v Kognitivnom i Strukturno-Funktsionalnom Aspektakh)* [Insincere Discourse in Cognitive and Structural-Functional Aspects]. Irkutsk: Irkutskii Universitet Publ., 2000, 244 p.
 19. Polyushkevich O. A. *Filosofiya Blagodarnosti. Gumanitarnyi Vektor* [Philosophy of Gratitude. Humanitarian Vector]. 2017, Vol. 12, no 1, pp. 67–74.
 20. Riyekhainen Ye. I. *Metody Izucheniya Rehevogo Akta Prosby: Psikholingvisticheskii Podkhod v Sopostavlenii s Sotsiolingvisticheskim. Sotsio i Psikholingvisticheskiye Issledovaniya* [Methods of Studying the Speech Act of a Request: a Psycholinguistic

- Approach in Comparison with Sociolinguistic. Sociolinguistic researches]. 2017, pp. 132–137.
21. Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A. *Riskogennost Sovremennoi Kommunikatsii i Rol Kommunikativnoi Kompetentsii v yeyo Preodolenii* [The Need for Modern Communication and the Role of Communicative Competence in Overcoming it]. Saratov, 2015. 188 p.
 22. Romanov A. A., Romanova L. A. *Prityazheniye Performativa. Ocherki po Teorii Performativnosti ot Austina J. do Nashikh Dney* [Attraction of Performativity. Essays on the Theory of Performativity from J. Austin to the Present Day]. Moscow, Tver: Institut Yazykoznaniya Publ., 2009, 156 p.
 23. Rossolova O. A. *Performativ kak Koordinator Kommunikativnogo Vozdeistviya i Sredstvo Adresovannosti: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Reformatting as a Communicative Coordinator and a Means of addressing]. Petropavlovsk-Kamchatskii, 2008, 194 p.
 24. Samosvat O. I. *Laik v Sotsialnikh Setyakh kak Pokazatel Sotsialnogo Odobreniya v Podrostkovoii Srede* [Like in Social Networks as an Indicator of Social Approval in the Teenage Environment]. *Kazanskii Pedagogicheskii Zhurnal*, no 6, 2015, pp. 148–150.
 25. Sakharova Ye. Ye. *Fenomen Performativnosti v Sovremennom Intellektualnom Diskurse* [The Phenomenon of Performativity in Modern Intellectual Discourse]. Barnaul: Altaiskii Universitet Publ., 2011. Available at: <https://textarchive.ru/c-2723693-p10.html> (accessed 15 October 2019).
 26. Severskaya O. I. *Yest Kontakt? O Kommunikativnykh Deviatsiyakh Tsifrovoi Epokhi. Kommunikativnyye Issledovaniya* [Is There a contact? About Communicative Deviations of the Digital Era. Communicative Researches]. 2016, no 4 (10), pp. 197–119.
 27. Serl J.R. *Chto Takoye Rechevoi Akt? Novoye v Zarubezhnoi Lingvistike. Teoriya Rechevykh Aktov* [What is Speech Act? New in Foreign Linguistics: The Theory of Speech Acts]. Moscow: Progress Publ., 1986, pp. 151–169.
 28. Sirotinina O. B. *Factory, Vliyayushchiye na Effektivnost Kommunikatsii. Ekologiya Yazyka i Kommunikativnaya Praktika* [Factors Influencing the Effectiveness of

- Communication. Ecology of Language and Communicative Practice]. 2019, no 1, pp. 39–47.
29. Sysoyev V. A. *Osobennosti Freimovoi Struktury Rechevykh Aktov v Khudozhestvennom Diskurse* [Features of the Framework Structure of Speech Acts in Artistic Discourse]. Tyumen, Vol. 1, 2010, pp. 268–271.
30. Trofimova N. A. *Shtrikhi k Portretam Rechevykh Aktov* [Strokes to the Portraits of Sociative Speech Acts]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A. I. Gertsena*. 2007, no 34, pp. 61–74.
31. Trofimova N. A. *Ekspressivnyye Rechevye Aktyv v Dialogicheskom Diskurse. Semanticheskii, Pragmaticheskii, Grammaticheskii Analiz: Monografiya* [Expressive Speech Acts in Dialogue Discourse. Semantic, Pragmatic, Grammatical Analysis: Monograph]. Saint Petersburg, VVM Publ., 2008, 376 p.
32. Formanovskaya N. I. *Rechevoye Vzaimodeistviye: Kommunikatsiya i Pragmatika* [Speech Interaction: Communication and Pragmatism]. Moscow: IKAR Publ., 2007, 478 p.
33. Khalina N. *Marketingovoye Yazykoznaniye kak Novyi Format Lingvistiki Tsifrovogo Obshchestva. Speech and Context* [Marketing Linguistics as a New Format of Linguistics of the Digital Society. Speech and Context]. 2011, pp. 1 – 15. Available at: http://usarb.md/limbaj_context/volumes/v6/art/halina.pdf (accessed 11 October 2019).
34. Tsurikova L. V. *Diskursivnoye Sobytiye Vyrazheniya Blagodarnosti v Angliiskom i Russkom Yazykakh* [Discursive Event of Expressing Gratitude in English and Russian]. 2008, no 13, pp. 60–70.
35. Shakhovsky V. I. *Emotsionalnyi Tyuning v Rechevom Obshchenii* [Emotional Tuning in Speech Communication]. *Verkhnevolzhskii Filologicheskii Vestnik*. 2015, no 1, pp. 104–106.
36. Yudina O. L. *Upravlencheskii Diskurs kak Osobyi Vid Institutsionalnogo Diskursa* [Management Discourse as a Special Type of Institutional Discourse]. *Vestnik Upravleniya*. 2013. Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2013/03/10/> (accessed 17 October 2019).

SPEECH ACT: FROM THE NECESSARY MINIMUM TO DISCOURSE

MAXIMUM

L. N. Sinelnikova

Summary. The article explores the problem of interpreting speech acts under the conditions of the new scientific paradigm, oriented towards the functional aspect of evaluating language facts, the anthropocentric principle of language (text) material analysis, cognitive studies and discourseology. It is demonstrated that performativity and illocutionary qualities, i.e. characteristics which lie behind the traditional theory of speech acts, were further developed according to a vector: from the necessary minimum to discourse maximum. The structural variety and multifunctionality of speech acts are revealed in the dynamic organisation of discourse, under the conditions of which speakers have the possibility to vary their speech acts, combine them, specify and change positions in the process of the dialogue. The discourse structure of the speech act includes framing processes, forms of feedback as the recipient's evaluative reaction, discourse performativity. Seeing discourse as a system of speech acts allows to expand the circle of interpretative strategies in viewing traditional speech acts and show the possibilities of the system to produce new speech-act structures under the conditions of the changing communicative environment. Based on the example of the speech act of gratitude, the text-creating possibilities of performativity are demonstrated: etiquette gratitude and existential gratitude — the one coming from the heart. On one side, speech acts conform to the characteristics of institutional discourses, on the other they create a frontier zone, in which transformational processes of speech acts take place and new ones are formed. The article provides examples from the modern scientific discourse, which actively shows the tendency towards combining socially important gratitude with personally important information. The author attributes the reduction of the volume of gratitude models in social communication and the reduction of motivation for gratitude to the problem of communication riskogenics.

Keywords: speech act, frame, discourse, feedback, performativity, riskogenics.

АВТОРЫ

Беспалова Елена Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Велилаева Лилия Раимовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Глухенькая Леся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гулевец Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кафедра «Теория и практика перевода», г. Севастополь, Россия

Гуменюк Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Дудкина Анна Владимировна – магистрант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики

АВТОРЫ

Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Крыжановская Валентина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Макарова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, редактор Издательства ООО «ЛЕКСРУС», г. Москва, Россия

Неелова Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пономаренко Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Попова Анна Ростиславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», г. Орел, Россия

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-

АВТОРЫ

педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта, Россия

Чабаненко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Беспалова Е. К., Глухенькая Л. Н.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ: САТИРА
И ЖЕНСКОЕ ПИСЬМО3

Велилаева Л. Р.

«ДВОЙНОЙ ПАТРИОТИЗМ» –КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ
ШОТЛАНДСКОГО ЭМИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА.....22

Гуменюк О. М.

ВІРШ «ТИША МОРСЬКА» З ЛІРИЧНОГО ЦИКЛУ
АДАМА МІЦКЕВИЧА «КРИМСЬКІ СОНЕТИ».....37

Макарова С. А.

«А Я ПОЭТ. Я ВЕРЮ В БЕССМЕРТЬЕ...»: ТЕМА ПОЭТА,
ПОЭЗИИ, РУССКОГОСТИХА В ЛИРИКЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО».....48

Орехов В. В.

«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»: АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ
И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ.....69

2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Богданович Г. Ю., Дудкина А. В.

ОСВЕЩЕНИЕ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ
НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ.....89

Егорова Л. Г.

ТЕМА ЭКОЛОГИИ НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЯ
«КРЫМСКАЯ ПРАВДА» (2013–2015 ГГ.).....100

Яблоновская Н. В.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ АНО «ОБЩЕСТВЕННАЯ КРЫМСКОТАТАРСКАЯ
ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЯ»).....111

**3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Попова А. Р.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖА
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ.....125

Чабаненко Т. С.

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ПЕЧАТНЫХ СМИ КРЫМА.....139

**4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Гулевец Н. А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
АДАПТАЦИИ КОНТЕНТА САЙТА.....154

Neelova O. I.

THE CONCEPTUAL SPHERE OF THE CRIMEAN JOURNALISM.....169

Пономаренко И. Н., Крыжановская В. А.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭРГОНИМ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НЕЙМИНГЕ176

Синельникова Л. Н.

РЕЧЕВОЙ АКТ: ОТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МИНИМУМА
К ДИСКУРСИВНОМУ МАКСИМУМУ.....187

АВТОРЫ.....212